

МЕЖДУНАРОДНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР

УТОПИЯ

ДЛЯ

ОТКРЫТЫЕ
ГРАНИЦЫ

15-ЧАСОВАЯ
РАБОЧАЯ
НЕДЕЛЯ

РЕАЛИСТОВ

↔ ВСЕОБЩИЙ БАЗОВЫЙ ДОХОД ↔

**КАК ПОСТРОИТЬ
ИДЕАЛЬНЫЙ МИР**

РУТГЕР БРЕГМАН

Вы смогли скачать эту книгу бесплатно на законных основаниях благодаря проекту «**Дигитека**». [Дигитека](#) — это цифровая коллекция лучших научно-популярных книг по самым важным темам — о том, как устроены мы сами и окружающий нас мир. Дигитека создается командой научно-просветительской программы «[Всенаука](#)». Чтобы сделать умные книги доступными для всех и при этом достойно вознаградить авторов и издателей, «Всенаука» организовала всенародный сбор средств.

Мы от всего сердца благодарим всех, кто помог освободить лучшие научно-популярные книги из оков рынка! Наша особая благодарность — тем, кто сделал самые значительные пожертвования (имена указаны в порядке поступления вкладов):

Дмитрий Зимин
Зинаида Стаина
Алексей Сейкин
Николай Кочкин
Роман Гольд
Максим Кузьмич
Анастасия Азбель
Арсений Лозбень
Михаил Бурцев
Ислам Курсаев
Александр Ослон
Артем Шевченко
Евгений Шевелев
Александр Анисимов
Роман Мойсеев
Евдоким Шевелев

Мы также от имени всех читателей благодарим за финансовую и организационную помощь:

Российскую государственную библиотеку
Компанию «Яндекс»
Фонд поддержки культурных и образовательных проектов «Русский глобус».

Этот экземпляр книги предназначен только для вашего личного использования. Его распространение, в том числе для извлечения коммерческой выгоды, не допускается.

На карту мира не стоит и смотреть, если на ней нет Утопии — места, куда всегда стремится человечество. Но, едва лишь высадившись на этот желанный берег, мы осматриваемся и, завидев край получше, вновь поднимаем паруса. Прогресс — это воплощение Утопий*.

ОСКАР УАЙЛЬД (1854–1900)

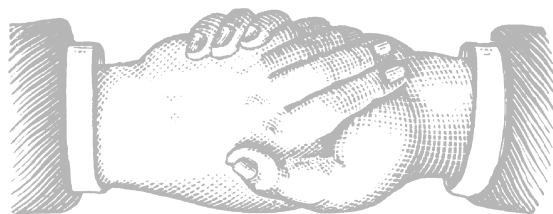
* Перевод А. Зуева.

UTOPIA FOR REALISTS

Rutger Bregman

B L O O M S B U R Y
LONDON • OXFORD • NEW YORK • NEW DELHI • SYDNEY

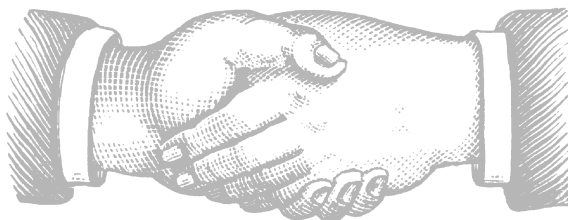

УТОПИЯ ♦ ДЛ Я ♦ РЕАЛИСТОВ

КАК ПОСТРОИТЬ
ИДЕАЛЬНЫЙ МИР

РУТГЕР БРЕГМАН

Перевод с английского

 альпина
ПАБЛИШЕР

Москва
2018

УДК 338
ББК 65.01
Б87

Переводчик Андрей Зуев
Редактор Любовь Любавина

Брегман Р.

Б87 Утопия для реалистов: Как построить идеальный мир / Рутгер Брегман ; Пер. с англ. — М. : Альпина Паблишер, 2018. — 356 с.

ISBN 978-5-9614-6680-5

Всеобщий базовый доход, открытые границы и пятнадцатичасовая рабочая неделя кажутся нам недостижимой утопией. Но подумайте: на протяжении почти всей своей истории человечество было бедным, голодным и больным. Только за последние 200 лет все изменилось: миллиарды людей внезапно оказались в безопасности, стали богатыми, сытыми и здоровыми. Иными словами, сейчас мы живем в мире, который показался бы нашим предкам раем. Настало время ставить перед собой новые амбициозные задачи и стремиться к еще более прекрасному будущему. В этой книге, моментально ставшей международным бестселлером, один из ярчайших современных мыслителей Рутгер Брегман рассказывает, какие мечты нам стоит воплотить, и доказывает, что в наших силах в ближайшее время построить новую утопию: утопию для реалистов.

УДК 338
ББК 65.01

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети интернет и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ, для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу tylib@alpina.ru

© Rutger Bregman, 2016
All rights reserved including the rights of reproduction in whole or in part in any form.
“Utopia for realists” originated on The Correspondent, your antidote to the daily news grind www.correspondent.com.
Инфографика: Momkai.

ISBN 978-5-9614-6680-5 (рус.)
ISBN 978-1-4088-9026-4 (англ.)

© Издание на русском языке, перевод, оформление.
ООО «Альпина Паблишер», 2018

Содержание

Глава 1. Возвращение Утопии	7
Глава 2. Почему нам следует раздавать всем бесплатные деньги	33
Глава 3. Конец бедности	61
Глава 4. Удивительная история о президенте Никсоне и его проекте закона о базовом доходе	89
Глава 5. Новые цифры новой эры	115
Глава 6. Пятнадцатичасовая рабочая неделя	143
Глава 7. Почему не стоит быть банкиром	171
Глава 8. Наперегонки с машиной	197
Глава 9. За воротами Страны изобилия	225
Глава 10. Как идеи меняют мир	259
Эпилог	281
Примечания	295
Благодарности	353
Об авторе	355

Возвращение Утопии

Давайте начнем с небольшого урока истории. Раньше все было хуже.

Грубо говоря, на протяжении 99% мировой истории 99% людей были бедными, голодными, грязными, напуганными, тупыми, больными и некрасивыми. Совсем недавно, в XVII в., французский философ Блез Паскаль (1623–1662) описывал жизнь как грандиозную юдоль скорби: «Величие человечества в том, — писал он, — что оно знает о своей ничтожности». Философ из Британии Томас Гоббс (1588–1679) тоже считал, что человеческая жизнь в основном «одинока, бедна, гадка, груба и коротка».

Но за последние 200 лет — крохотную долю того времени, что наш вид существует на планете, — все изменилось. Миллиарды из нас внезапно оказались в безопасности, стали богатыми, сытыми, умными, здоровыми, а порой даже и красивыми. Тогда как в 1820 г. 84% мирового населения все еще жили в крайней нищете, к 1981-му этот показатель снизился до 44%, а сегодня, всего несколько десятилетий спустя, он не превышает 10%¹.

Если такая тенденция сохранится, крайняя нищета, прежде неизменная составляющая жизни, скоро будет искоренена навеки. Даже те, кого мы все же причислим к беднякам, станут наслаждаться небывалым в мировой истории изобилием. В Нидерландах, стране, в которой я живу, у любого бездомного, получающего социальную помощь, больше денег, чем было у среднего голландца в 1950 г., и вчетверо больше, чем у людей славного Золотого века Голландии, когда наша страна еще правила семью морями².

На протяжении веков время будто стояло на месте. Конечно, происходило много такого, о чем теперь пишут в книгах по истории, но жизнь никак не становилась лучше. Если бы с помощью машины времени мы перенесли итальянского крестьянина из 1300 г. в Тоскань 1870-го, он не заметил бы особой разницы.

По оценкам историков, на рубеже XIII и XIV вв. ежегодный доход в Италии составлял примерно \$1600. Примерно 600 лет спустя — после Колумба, Галилея, Ньютона, научной революции, Реформации и Просвещения, изобретения пороха, печатного станка и паровой машины — он составлял... все те же \$1600³. Шестьсот лет цивилизации, а средний итальянец оставался в общем-то там же, где всегда и был.

Лишь около 1880 г., приблизительно в то время, когда Александр Белл изобрел телефон, Томас Эдисон запатентовал свою электрическую лампочку, Карл Бенц возился со своим первым автомобилем, а Джозефина Кокрейн

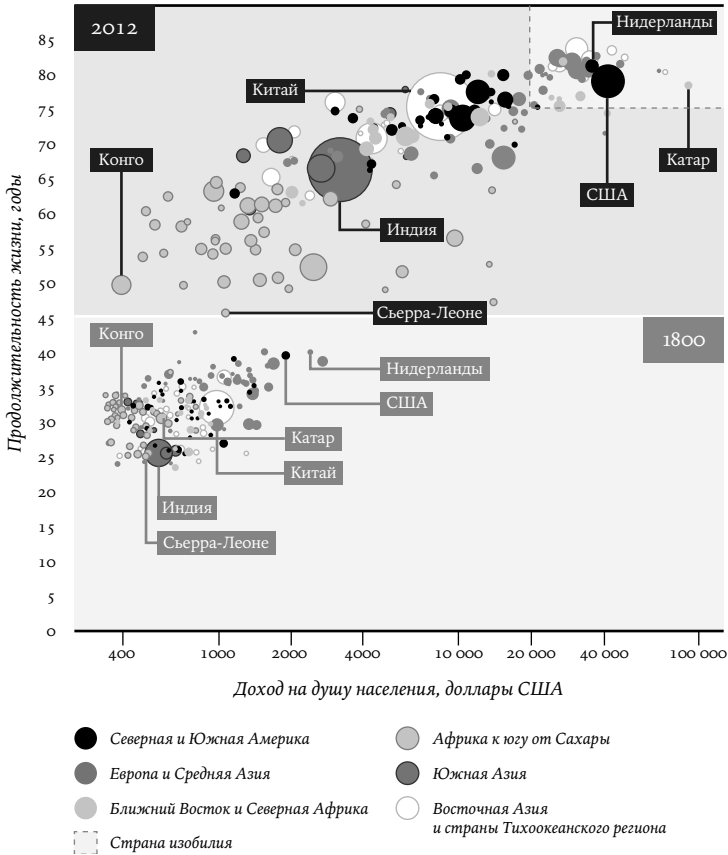

Рис. 1. Два столетия изумительного прогресса

На эту диаграмму полезно взглянуть повнимательнее. Кругами обозначены разные страны: чем крупнее круг, тем больше численность населения. В нижней половине показаны страны в 1800 г.; в верхней — они же в 2012-м. В 1800 г. продолжительность жизни даже в самых богатых странах (Нидерландах и США) была меньше, чем в 2012 г. в Сьерра-Леоне, стране с самыми низкими показателями здоровья. Иными словами, в 1800 г. здоровье и благосостояние во всех государствах находились на низком уровне, и сегодня даже Центральная Африка обходит

в этом отношении богатейшие страны 1800 г. (несмотря на тот факт, что доходы в Конго почти не изменились за последние 200 лет). На самом деле все больше стран становятся Странами изобилия (в правом верхнем углу диаграммы), где средний доход достигает \$20 000, а продолжительность жизни — свыше 75 лет.

Источник: Gapminder.org

размышляла о, возможно, самой великолепной идее всех времен — посудомоечной машине, — волна прогресса подхватила нашего итальянского крестьянина. И как скоро все менялось! Последние два столетия характеризуются взрывным ростом как населения, так и благосостояния во всем мире. Сейчас доход на душу населения в десять раз выше, чем в 1850 г.; средний итальянец в 15 раз богаче, чем в 1880-м. А глобальная экономика? Она выросла в 250 раз по сравнению с эпохой до промышленной революции, когда почти все и везде оставались бедны, голодны, грязны, испуганны, тупы, больны и уродливы.

Средневековая Утопия

В прошлом определенно жилось нелегко, и неудивительно, что люди мечтали о лучших временах.

Самой яркой мечтой была благодатная страна под названием Кокань. Чтобы добраться туда, следовало проесть в рисовом пудинге дорогу длиной три мили. Но усилия стоили того, потому что, прибыв в Кокань, вы оказывались в стране винных рек, где над головой летают

жареные гуси, на деревьях растут блины, а с неба проливаются дожди из горячих пирогов и печенья. Фермер, ремесленник, священник — здесь все равны и вместе отдыхают на солнышке.

В Кокани, Стране изобилия, люди никогда не спорят. Вместо этого они танцуют на вечеринках, пьют и спят с кем попало.

«Для средневекового ума, — пишет голландский историк Герман Плей, — современная Западная Европа довольно похожа на настоящую Кокань. Здесь есть кругло-суточный фастфуд, климат-контроль, свободная любовь, доход без труда и пластическая хирургия, продлевающая молодость»⁴.

Сегодня на свете больше людей страдают от ожирения, чем от голода⁵. Количество убийств в Западной Европе в наши дни в среднем в 40 раз меньше, чем в Средние века, и, если вы гражданин одной из западноевропейских стран, вам гарантирована внушительная социальная защита⁶.

Возможно, это также и наша самая большая проблема: давняя средневековая мечта об утопии почти исчерпала себя. Конечно, мы могли бы потреблять еще чуть больше и сделать жизнь чуть безопаснее, но тогда неблагоприятные последствия — загрязнение, ожирение, ограничение прав и свобод — проявились бы еще сильнее. Для средневекового мечтателя Страна изобилия была воображаемым раем, «бегством от земных страданий», как говорит Герман Плей. Но если бы мы попросили того же

итальянского фермера из 1300 г. описать наш современный мир, его первой мыслью, без всяких сомнений, была бы мысль о Кокани.

На самом деле мы живем в эпоху, когда сбываются библейские пророчества. То, что в Средние века показалось бы чудом, сегодня — обыденность: слепым возвращают зрение, калеки могут вновь начать ходить, а мертвые — вернуться к жизни. Возьмите *Argus II*, мозговой имплант, который в некоторой степени возвращает зрение людям с генетическими заболеваниями глаз. Или *Rewalk* — роботизированные ноги, дающие парализованным возможность снова ходить. Или же лягушки *Rheobatrachus* — они вымерли в 1983 г., но австралийские ученые буквально вернули их к жизни с помощью ДНК. Воссоздание тасманийского волка еще одна цель этой команды исследователей в рамках проекта «Лазарь», названного в честь новозаветной истории о воскрешении.

Тем временем научная фантастика становится научным фактом. На дорогах появляются первые автомобили без водителей. Уже сегодня 3D-принтеры целиком воспроизводят эмбриональные клеточные структуры, а люди с имплантированными в мозг чипами силой мысли управляют роботизированными руками. По некоторым сообщениям, с 1980 г. цена одного ватта солнечной энергии упала на 99%, и это не опечатка. Если нам повезет, то 3D-принтеры и солнечные панели могут и без кровавой революции воплотить мечту Карла Маркса о контроле масс над всеми средствами производства.

Долгое время Страна изобилия была открыта лишь для элитарного меньшинства из богатого Запада. Эти дни позади. С тех пор как Китай впустил к себе капитализм, 700 000 000 китайцев выбрались из крайней бедности⁷. Африканский континент тоже быстро избавляется от репутации зоны экономической разрухи; ныне здесь находятся шесть из десяти самых быстрорастущих экономик мира⁸. К 2013 г. шесть миллиардов человек из семимиллиардного населения планеты имели мобильный телефон. (Для сравнения: лишь у четырех с половиной миллиардов был туалет⁹.) С 1994 по 2014 г. число людей, имеющих доступ в интернет, подскочило с 0,4 до 40,4%¹⁰.

Здоровье — возможно, главное из того, что люди надеялись обрести в Стране изобилия, и в этой сфере современный прогресс превзошел самые смелые фантазии наших предков. В то время как богатые страны вынуждены удовлетворяться увеличением средней продолжительности жизни на два дня в неделю, Африка получает четыре дополнительных дня в неделю¹¹. Во всем мире продолжительность жизни выросла с 64 лет в 1990 г. до 70 в 2012-м¹², что вдвое выше показателя 1900 г.

Количество голодающих тоже упало. В нашей Стране изобилия мы, может, и не поймаем жареного гуся в небе, но число людей, страдающих от недоедания, сократилось более чем на треть с 1990 г. Доля людей, потребляющих с пищей менее 2000 калорий в день, снизилась с 51% в 1965 г. до 3% в 2005-м¹³. С 1990 по 2012 г. более

2,1 млрд людей наконец-то получили доступ к чистой питьевой воде. За тот же период число детей с задержками роста снизилось на треть, детская смертность сократилась на невероятные 41%, а женщины стали вдвое реже умирать при родах.

А как насчет болезней? Кошмарная оспа, массовый убийца номер один в истории, совершенно уничтожена. Практически исчез полиомиелит: в 2013 г. он поразил на 99% человек меньше, чем в 1988-м. Все больше детей подвергается вакцинации от прежде повсеместно распространенных заболеваний. К примеру, уровень привитости от кори во всем мире вырос с 16% в 1980 г. до 85% сегодня, и количество смертей в результате этой болезни сократилось на три четверти с 2000 по 2014 г. По сравнению с 1990 г. люди умирают от туберкулеза примерно вдвое реже. Уровень смертности от малярии снизился с 2000 г. на четверть, и то же самое произошло с показателем смертности от СПИДа после 2005-го.

Некоторые цифры неправдоподобно хороши. Например, 50 лет назад каждый пятый ребенок умирал, не дожив до своего пятилетия. Сегодня — один из двадцати. В 1836 г. богатейший человек в мире, Натан Майер Ротшильд, умер просто из-за отсутствия антибиотиков. В последние десятилетия дешевые как грязь вакцины от кори, столбняка, коклюша, дифтерии и полиомиелита спасли больше жизней, чем унесли войны XX в.¹⁴

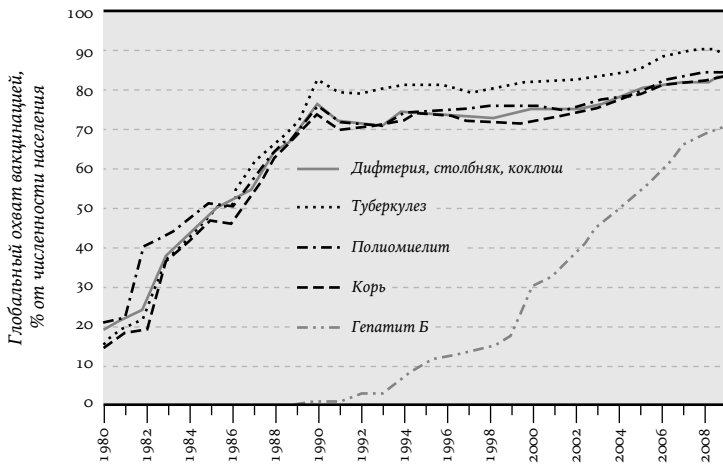
Очевидно, еще многие болезни только предстоит победить, например рак, но даже на этом фронте мы

делаем успехи. В 2013-м престижный журнал *Science* сообщил об обнаружении способа направить иммунную систему на борьбу с опухолями, расценив это открытие как крупнейший научный прорыв года. В том же году мы узнали о первой успешной попытке клонировать стволовые клетки человека — достижении, которое может стать важным шагом на пути к лечению митохондриальных заболеваний, в том числе одной из форм диабета.

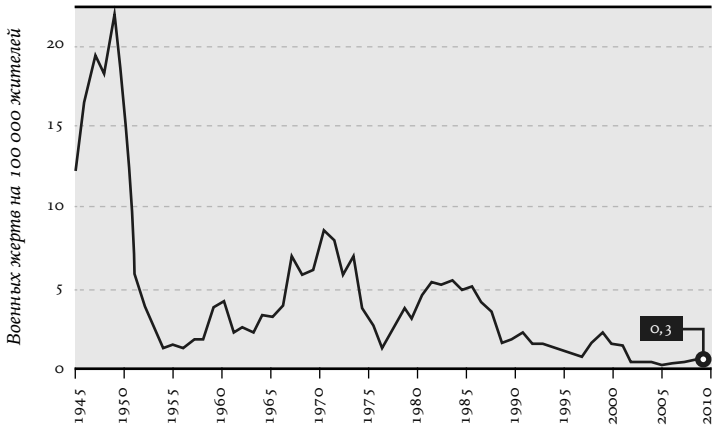
Некоторые ученые даже утверждают, что уже родился человек, который сможет отпраздновать свой тысячный день рождения¹⁵.

И все это время мы умнеем. В 1962 г. аж 41% детей не ходило в школу, а сегодня — менее 10%¹⁶. В большинстве

Источник: Всемирная организация здравоохранения

Рис. 2. Победа вакцин

Источник: Институт исследования мира, Осло

Рис. 3. Войн становится меньше

стран средний IQ каждые десять лет вырастает на три-пять пунктов, главным образом благодаря улучшающемуся питанию и образованию. Возможно, этим объясняется то, что мы теперь гораздо более цивилизованны: последнее десятилетие было самым мирным за всю мировую историю. Согласно Институту исследования мира в Осло, ежегодное число жертв войны снизилось на 90% с 1946-го. Убийства, грабежи и прочие преступления совершаются уже не так часто, как раньше.

«В богатом мире уровень преступности постоянно падает, — не так давно писали в *Economist*. — Преступники по-прежнему существуют, но их все меньше, и они становятся все старше»¹⁷.

Унылый рай

Иными словами, добро пожаловать в Страну изобилия.

В хорошую жизнь, где почти все богаты, здоровы и надежно защищены. Где недостает лишь одного: причины вылезать поутру из постели. Потому что в конечном итоге рай нельзя сделать лучше. Еще в 1989 г. американский философ Фрэнсис Фукуяма отметил, что наступила эра, когда жизнь сводится к «экономическим расчетам, бесконечному решению технических проблем, экологическим соображениям и удовлетворению многообразных и усложненных потребительских требований»¹⁸.

Подъем нашей покупательной способности еще на один процентный пункт, сокращение углеродных выбросов, какая-нибудь техническая новинка — вот примерно и весь наш кругозор. Мы живем в эру материального благополучия и сверхизобилия, но как она уныла. Нет «ни искусств, ни философии», — пишет Фукуяма. Все, что осталось, — «постоянный уход за музеем человеческой истории».

Согласно Оскару Уайльду, по достижении Страны изобилия мы должны вновь устремить взгляд к далекому горизонту и поднять наши паруса. «Прогресс — это воплощение Утопий», — писал он. Но далекий горизонт пуст. Страна изобилия окутана туманами. Именно теперь, когда мы должны бы взяться за историческую задачу выполнения нашего богатого, безопасного и здорового существования смыслом, мы похоронили утопию. У нас нет новой мечты ей на замену, поскольку мы не можем

вообразить лучшего мира, чем тот, что у нас уже есть. На самом деле большинство людей в богатых странах полагают, что детям придется *хуже*, чем их родителям¹⁹.

Но настоящий кризис нашего времени, моего поколения, не в том, что нам плохо или что нам станет хуже в дальнейшем.

Нет, настоящий кризис в том, что мы не можем придумать ничего лучшего.

Программа

В этой книге я не пытаюсь предсказать грядущее.

Я стремлюсь подобрать ключи к будущему. Распахнуть окна нашего разума. Конечно, любая утопия больше рассказывает о времени, когда она была написана, чем о предстоящей реальности. Утопическая Страна изобилия раскрывает, какой была жизнь в Средние века: мрачной. Или, вернее, она была мрачной почти у всех почти везде почти всегда. В конце концов, в каждой культуре есть свой вариант Страны изобилия²⁰.

Простые мечты рождают простые утопии. Голодный грезит о роскошном банкете. Замерзший — о жарком огне. Перед лицом надвигающейся немощи мечтают о вечной юности. Все эти мечты отражены в утопиях, возникших тогда, когда жизнь была тяжелой, жестокой и короткой. «Тамошняя земля не породила ничего ужасного, там нет болезней, — фантазировал греческий поэт Телеклид

в V в. до н.э., — и если что-нибудь нужно, то оно просто появляется. Каждый ручеек течет вином... Рыба сама приходит к вам домой, жарится и ложится на стол»²¹.

Но прежде чем двигаться дальше, давайте сначала проведем грань между двумя формами утопической мысли²². Первая — это наиболее известная утопия-программа. Такие великие мыслители, как Карл Поппер и Ханна Арендт, и даже целое течение философии, постмодернизм, критиковали утопию такого рода. Они по большей части преуспели; последнее слово в оценке запрограммированного рая по-прежнему остается за ними.

Утопия-программа представляет собой не абстрактные идеи, а неизменные правила, не терпящие отклонений. Хороший пример — «Город солнца» (1602) итальянского поэта Томмазо Кампанеллы. В стране, описанной в этой утопии или, скорее, антиутопии, личная собственность строго запрещена, каждый обязан любить каждого, а драки караются смертью. Частная жизнь, включая произведение потомства, контролируется государством. Например, умным людям можно спать только с глупыми, а толстым — с худыми. Все силы направлены на выковку золотой середины. Более того, за каждым человеком следит обширная сеть осведомителей. Нарушителей побивают камнями, но прежде их убеждают признать свою порочность и согласиться на собственную казнь.

Оглядываясь назад, всякий читатель книги Кампанеллы увидит в ней холодящие кровь намеки на фашизм, сталинизм и геноцид.

Задавая правильные вопросы

Однако помимо утопии-программы, которую можно сравнить с фотографией высокого разрешения, есть и другой вид утопии, почти всеми забытый: утопия, лишь приблизительно намечающая контуры. Она предлагает не готовые решения, а вехи на пути. Не пытайтесь втиснуть нас в какие-либо рамки, такая утопия вдохновляет на перемены. И она понимает, что, как говорил Вольтер, лучшее — враг хорошего. По словам одного американского философа, «любому серьезному утопическому мыслителю станет неуютно от самой мысли о программе»²³.

Книга британского философа Томаса Мора (от названия которой и произошло слово «утопия») была именно такой — не программой, которую следовало неукоснительно реализовывать, а, скорее, обличением алчной аристократии, требующей для себя все больше роскоши, в то время как обычные люди жили в крайней нищете.

Мор понимал, что принимать утопию *слишком* всерьез может быть опасно. «Нужно уметь страстно верить, но в то же время видеть абсурдность собственных взглядов и смеяться над ними», — замечает философ и ведущий эксперт по утопиям Лаймен Тауэр Сарджент. Подобно юмору и сатире, утопии распахивают окна разума, и это крайне важно. Постепенно старея, люди и общество привыкают к существованию в условиях, когда свобода может стать тюрьмой, а истина — ложью. Наше нынешнее кредо — или, хуже, вера в то, что верить больше

не во что, — не позволяет нам разглядеть несправедливость и недалёковидность, по-прежнему окружающие нас каждый день.

Приведу несколько примеров: почему с 1980-х мы работаем все больше, хотя зажиточны как никогда прежде? Почему миллионы людей все еще живут в бедности тогда, когда нашего богатства более чем достаточно, чтобы покончить с нуждой раз и навсегда? И почему более 60% нашего дохода зависят от того, в какой стране нам довелось родиться?²⁴

Утопии не дают готовых ответов и, уж тем более, решений. Но в них задаются правильные вопросы.

Разрушение великого нарратива

Сегодня, к сожалению, для того чтобы начать мечтать, нам сначала нужно очнуться. Как гласит расхожая фраза, мечта может обернуться кошмаром. Утопии — рассадник раздоров, жестокости и даже геноцида. Они в конце концов становятся антиутопиями; на самом деле утопия *и есть* антиутопия. «Прогресс человечества — миф» — еще одно клише. И все же мы сумели построить средневековый рай.

Действительно, история полна ужасающих форм утопизма, таких как фашизм, коммунизм, нацизм. Кроме того, почти каждая религия породила секты фанатиков. Но если один религиозный радикал подстрекает

к жестокости, следует ли нам автоматически отвергать религию? Зачем же отказываться от утопизма? Стоит ли вообще переставать мечтать о лучшем мире?

Конечно же нет. Но именно это и происходит. Оптимизм и пессимизм стали синонимами соответственно потребительской уверенности и ее отсутствия. Радикальные идеи о другом мире в буквальном смысле почти невысказуемы. Ожидания относительно того, чего мы как общество можем достигнуть, подверглись кошмарной эрозии, обнажив холодную, жесткую правду о том, что без утопии нам остается технократия. Политика превратилась в управление задачами. Избиратели кочуют из одного политического лагеря в другой не из-за существенных различий между партиями, а потому, что партии стали почти неотличимы и единственный вопрос, по которому правые расходятся с левыми, касается необходимости повышения или снижения налогов на 1–2%²⁵.

Мы встречаем это в журналистике, изображающей политику как игру, ставка в которой — карьера, а не идеалы. Это видно в академической среде, где все слишком заняты сочинением собственных трудов, чтобы читать, и слишком озабочены их изданием, чтобы дебатировать. На самом деле университеты в XXI в. больше всего похожи на заводы — как и наши больницы, школы и телевидение. Все ради достижения целей. Качество медленно, но верно становится менее значимым, чем количество, в процессе роста экономики, доли аудитории и числа публикаций.

И движущая сила всего этого — так называемый либерализм, совершенно выхолощенная идеология. Теперь важно «просто быть собой» и «действовать согласно своим интересам». Может, свобода и высший идеал, но наша свобода стала пустой. Наш страх перед морализаторством сделал мораль темой, запретной в общественном обсуждении. В конце концов, публичное поле должно быть «нейтральным», — и при этом никогда оно не было таким патерналистским. На каждом углу нас ожидают приманки — и, заглотив наживку, мы начинаем выпивать, кутить, брать в долг, покупать, маяться, напрягаться и обманываться. Что бы мы ни говорили себе о свободе слова, наши идеалы подозрительно близки к ценностям, продвигаемым именно теми компаниями, которые могут оплатить рекламу в прайм-тайм²⁶. Обладай какая-либо политическая партия или религиозная секта хотя бы малой долей влияния, оказываемого на нас и наших детей рекламной индустрией, мы бы уже давно схватились за оружие. Но это рынок, и поэтому мы остаемся «нейтральными»²⁷.

Сегодня единственное, что остается государству, — латать дыры. Если кто-то ведет себя не так, как надлежит послушному, спокойному гражданину, существуют силы, которые с радостью вправят ему мозги. Какими способами они это сделают? С помощью контроля, наблюдения и репрессий.

Тем временем социальное государство все меньше сосредоточивается на причинах нашего беспокойства

и все больше — на его симптомах. Мы отправляемся к врачу, когда больны, к психотерапевту — когда нам грустно, к диетологу — когда слишком много весим, в тюрьму — когда осуждены, к консультанту по поиску работы — когда лишились места. Все эти услуги стоят больших денег, но мало что дают. В США, где медицинское обслуживание — самое дорогое в мире, ожидаемая продолжительность жизни для многих на самом деле *снижается*.

Тем временем рынок и коммерсанты наслаждаются полной вседозволенностью. Пищевая промышленность пичкает нас дешевой дрянью с избытком соли, сахара и жира, живо отправляя нас к врачам и диетологам. Технологические прорывы уничтожают все больше рабочих мест, отправляя нас на поиски работы. Индустрия рекламы призывает нас тратить деньги, которых у нас нет, на ненужный нам хлам, для того, чтобы впечатлить людей, которых мы терпеть не можем²⁸. Поплакать по поводу всех этих неприятностей можно на плече у психотерапевта.

В такой антиутопии мы сегодня и живем.

Избалованное поколение

Но следует еще раз подчеркнуть: не то чтобы нам плохо жилось. Вовсе нет. Нынче, если дети от чего и страдают, так это от чрезмерной изнеженности. Согласно

результатам подробного исследования Джин Твендж — психолога из Университета штата Калифорния в Сан-Диего, которая изучает настроения молодежи в прошлом и настоящем, — с 1980-х гг. наблюдается резкое повышение самооценки юного поколения. Оно считает себя более умным, ответственным и как никогда привлекательным.

«Каждому ребенку этого поколения говорили: “Ты можешь быть кем хочешь. Ты особенный”», — поясняет Твендж²⁹. Нас растили, непрестанно подкармливая наш нарциссизм, но все больше среди нас таких, кто, выйдя в большой взрослый мир неограниченных возможностей, ломается и сгорает. Оказывается, что мир холоден и груб, в нем приходится конкурировать и не хватает рабочих мест. Это не Диснейленд, где можно загадать желание на падающую звезду и тогда все твои мечты сбываются; это крысиные бега, и здесь некого винить, кроме себя самого, если ты не пройдешь отбор.

Неудивительно и то, что за нарциссизмом скрывается океан неуверенности. Твендж также обнаружила, что за последние несколько десятилетий мы стали больше бояться. На основании результатов 269 исследований, проведенных с 1952 по 1993 г., она заключила, что в Северной Америке ребенок начала 1990-х был в среднем тревожнее, чем пациенты психиатров в начале 1950-х³⁰. Согласно данным Всемирной организации здравоохранения, депрессия — сегодня самый серьезный недуг среди подростков и станет причиной недугований номер один в мире к 2030 г.³¹

Это замкнутый круг. Никогда прежде столько молодых не посещало психиатра. Никогда прежде столько людей не сгорало на работе. И мы щелкаем антидепрессанты в небывалых количествах. Снова и снова мы возлагаем на личность вину за всеобщие проблемы вроде безработицы, неудовлетворенности и подавленности. Если успех — это выбор, то и ошибка — тоже выбор. Потерял работу? Нужно было лучше работать. Заболел? Следовало вести более здоровый образ жизни. Несчастен? Съешь таблетку.

В 1950-х гг. лишь 12% молодых взрослых соглашались с утверждением: «Я — очень особенная личность». Сегодня с этим согласны 80%³², тогда как на самом деле мы становимся все более одинаковыми. Все мы читаем одни и те же бестселлеры, смотрим одни и те же блокбастеры, носим одни и те же кроссовки. Там, где наши деды еще удерживали позиции, заповеданные семьей, церковью и обычаями, нас теснят СМИ, маркетинг и патерналистское государство. И хотя между нами все больше сходства, мы уже давно миновали эру больших коллективов. Число церковных приходов и профсоюзов снизилось, и традиционное деление на правых и левых уже мало что значит. Нас заботит только «решение задач», как будто проведение политики можно доверить консультантам по менеджменту.

Конечно, есть и те, кто старается возродить прежнюю веру в прогресс. Разве удивительно то, что культурным архетипом моего поколения является Nerd*, чьи программы

---

* Умник, ботаник, компьютерщик (англ.). — Прим. пер.

и устройства символизируют надежду на экономический рост? «Лучшие умы моего поколения думают над тем, как добиться, чтобы люди кликали по рекламе»³³, — посетовал недавно бывший успешный математик, ныне работающий на Facebook.

Но следует избегать неверного понимания: хотя именно капитализм открыл врата Страны изобилия, одного капитализма для ее сохранения недостаточно. Прогресс и экономическое процветание стали синонимами, но в XXI в. нам придется найти другие способы повышать качество жизни. И пускай молодежь Запада в большинстве своем выросла во времена аполитичной технократии, нам все равно придется вернуться к политике для того, чтобы отыскать новую утопию.

В этом смысле меня воодушевляет наша неудовлетворенность, так как неудовлетворенность — далеко не безразличие. Повсеместная ностальгия, тоска по такому прошлому, каким оно на самом деле никогда не было, говорит о том, что у нас все еще есть идеалы, даже если мы и похоронили их заживо.

Истинный прогресс начинается с того, что не по плечу любой экономике знаний: представления о том, что значит «жить хорошо». Мы должны прислушаться к таким великим мыслителям, как Джон Стюарт Милль, Бертран Рассел и Джон Мейнард Кейнс, призывавшим «ценить цель выше средств и предпочитать благо пользе»³⁴. Нам следует устремить наши мысли в будущее. Перестать рачитывать недовольство, участвуя в социологических опросах

и реагируя на поток дурных новостей в СМИ. Подумать об альтернативах и сформировать новые сообщества. Подняться над веяниями времени и осознать объединяющий нас идеализм.

Может быть, тогда мы сможем вновь взглянуть не только на себя самих, но и на мир вокруг нас. Мы увидим, что старый добрый прогресс по-прежнему идет своим путем. Мы увидим, что мы живем в чудесную эру, время отступления голода и войны, роста благосостояния и продолжительности жизни. Но мы увидим и то, сколько нам — богатейшим 10, 5, 1% — еще предстоит сделать.

Возвращение Утопии

Время вернуться к размышлениям об утопии.

Нам нужна новая путеводная звезда, новая карта мира, на которой вновь изображен далекий неисследованный материк — Утопия. Под этим я не имею в виду четкие установки, которыми утопические фанатики пичкают нас вместе со своими теократиями или пятилетними планами и которые лишь превращают людей в рабов пламенных мечтаний. Подумайте вот о чем: слово *utopia* означает «хорошее место» и «небывалое место». Что нам нужно, так это новые горизонты, способные разжечь искру воображения, причем именно «горизонты» во множественном числе: в конце концов, конфликтующие утопии — это живая кровь демократии.

Как всегда, наша утопия начнется с малого. Основу того, что мы сегодня называем цивилизацией, давным-давно заложили мечтатели, каждый из которых выбрал свой собственный путь. Испанский монах Бартоломе де Лас Касас (1484–1566) выступал за равноправие колонистов и коренных жителей Латинской Америки и попытался основать колонию, где было бы удобно и тем и другим. Владелец фабрики Роберт Оуэн (1771–1858) пытался улучшить положение британских рабочих и открыл успешную хлопчатобумажную фабрику, на которой рабочим платили справедливую заработную плату и были запрещены телесные наказания. А философ Джон Стюарт Милль (1806–1873) даже полагал женщин и мужчин равными. (Возможно, это было как-то связано с тем фактом, что его жена принимала участие в создании половины его трудов.)

И все же одно остается несомненным: без этих мечтателей из разных эпох мы и сейчас оставались бы бедными, голодными, грязными, напуганными, больными и уродливыми. Без утопии мы теряем почву под ногами. Не то чтобы настоящее было плохим; напротив. Однако оно удручает, если у нас нет надежды на что-то лучшее. «Человеку для счастья нужны не только наслаждения, но и надежда, и занятие, и перемены»³⁵, — написал однажды британский философ Бертран Рассел. В другой книге он продолжил свою мысль: «Мы должны желать не реализованной утопии, а мира, в котором воображение и надежда живы и деятельны»³⁶.

Деньги лучше бедности хотя бы
по финансовым соображениям.

Вуди Аллен (р. 1935)

Почему нам следует раздавать всем бесплатные деньги

Лондон, май 2009-го. Проводится эксперимент. Испытуемые: 13 бездомных мужчин. Они ветераны улицы. Кто-то из них спал на холодной мостовой Квадратной мили — финансового центра Европы — 40 лет подряд. Траты полиции, судебные издержки и помощь социальных служб — эти 13 нарушителей спокойствия обходились в £400 000 (\$650 000) или более *ежегодно*³⁷.

Городским службам и местным благотворительным учреждениям было трудно справляться с такой нагрузкой. Поэтому «Бродвей», лондонская организация помощи, принимает кардинальное решение: отныне к этим 13 конченным бродягам будут относиться как к VIP-персонам. *Adiós*, ежедневные порции еды по талонам, бесплатные столовые и приюты. Бомжам оказывают весомую и мгновенную поддержку: выдают им деньги просто так.

Говоря точнее, бездомные получают по £3000 на расходы и ничего не делают взамен³⁸. Они сами решают, как потратить деньги. Они могут воспользоваться услугами

консультанта, если пожелают, — а могут и отказаться. Никакого подвоха, никакой уловки³⁹.

Единственное, о чем их спрашивают: «Как *вы* думаете, что вам нужно?»

Уроки садоводства

«Я не ожидал ничего особенного», — вспоминал потом один из социальных работников⁴⁰. Желания же бродяг были в высшей степени скромными. Телефон, словарь, слуховой аппарат — каждый имел свое представление о том, что ему нужно. На самом деле большинство бездомных оказались прямо-таки бережливыми. За год они в среднем потратили всего £800.

Возьмите Саймона: он был зависим от героина 20 лет. Эти деньги перевернули его жизнь. Саймон завязал с наркотиками и записался на занятия садоводством.

«Почему-то моя жизнь впервые пошла на лад, — рассказывал он позже. — Я стал следить за собой, мыться, бриться. Теперь подумываю о том, чтобы вернуться домой. У меня двое детей».

Спустя полтора года с начала эксперимента у семерых из 13 бездомных появилась крыша над головой. Еще двое собирались въехать в собственное жилье. Все 13 предприняли решающие шаги на пути восстановления платежеспособности и личного роста. Они стали посещать разнообразные занятия, учиться готовить, проходить

реабилитацию, встречаться с семьями и строить планы на будущее.

«Он дает людям новые возможности, — сказал один из социальных работников о личном бюджете. — Он дает выбор. Думаю, затея имела смысл». После десятилетий бесплодного подталкивания, вытягивания, помощи, штрафов, судебных преследований и защиты девять завязтых бродяг наконец смогли покинуть улицу. Чего это стоило? Каких-то £50 000 в год вместе с зарплатами соцработникам. Иными словами, этот проект не только помог 13 бомжам, но и позволил существенно снизить связанные с ними расходы⁴¹. Даже *Economist* пришлось заключить, что «возможно, самый действенный способ потратить деньги на бездомных — просто отдать их бездомным»⁴².

Сухие цифры

Бедные не умеют обращаться с деньгами. Таково, кажется, преобладающее мнение; это почти трюизм. В конце концов, умей они правильно распоряжаться своими финансами, с чего бы им оказаться бедняками? Мы полагаем, что неимущие тратят деньги на фастфуд и газировку вместо свежих фруктов и книг. Поэтому для того, чтобы «помочь», мы создали несметное число хитроумных программ поддержки, с бесконечным бумагомаразмом, системами регистрации и армией инспекторов, и все это крутится вокруг библейского принципа: «Если

кто не хочет трудиться, тот и не ешь» (Второе послание к Фессалоникийцам, 3:10). Последние годы правительственная помощь все больше сосредоточивалась на трудоустройстве, от реципиентов требовалось подавать заявления о приеме на работу, участвовать в программах «снова на работу» и обязательная «волонтерская» деятельность. Посыл расхваленного перехода «от пособий к оплачиваемому труду» ясен: «дармовые деньги воспитывают в людях лень».

Только это, судя по наблюдениям, не так.

Знакомьтесь: Бернард Омонди. Годами он получал по \$2 в день, работая в каменоломне в бедной части Западной Кении. Однажды утром ему пришло весьма своеобразное сообщение. «Увидев его, я подпрыгнул», — вспоминал позже Бернард. На его банковский счет только что перевели сумму \$500. Это почти его годовой доход.

Через несколько месяцев в деревню, где проживал Бернард, приехал журналист *New York Times*. Все сельчане будто выиграла в лотерею: деревня была полна наличных. Но их никто не пропивал. Вместо этого люди чинили дома и открывали мелкие предприятия. Бернард вложил свои деньги в новенький индийский мотоцикл и зарабатывал \$6–9 в день извозом. Его доход вырос втрое с лишним.

«У неимущих появляется выбор, — говорит Майкл Фей, основатель GiveDirectly — организации, благодаря которой у Бернарда появились деньги. — И, по правде говоря, я не думаю, что знаю их потребности»⁴³. Фей не дает

людям рыбу и даже не учит ловить ее. Он дает им наличные, убежденный в том, что настоящие эксперты по нуждам бедных — сами бедняки. На мой вопрос, почему на сайте GiveDirectly так мало жизнерадостных видео и картинок, Фей ответил, что не хочет слишком играть на эмоциях: «Нам хватает наших данных».

Он прав: согласно исследованию Массачусетского технологического института (МТИ), денежные субсидии GiveDirectly стимулируют длительный рост доходов (до 38% по сравнению с доходами до получения грантов) и приобретение недвижимости и домашнего скота (до 58%), одновременно уменьшая число дней, когда детям нечего есть, на 42%. Более того, 93% пожертвований попадают непосредственно в руки реципиентов⁴⁴. Ознакомившись с данными GiveDirectly, Google вскоре пожертвовала ей \$2,5 млн⁴⁵.

Но повезло не только Бернарду и его соседям. В 2008 г. правительство Уганды решило выделить 12 000 человек возрастом от 16 до 35 лет по \$400. Единственное, что требовали от реципиента взамен, — предоставить бизнес-план. Результаты через пять лет впечатляли. Доходы получателей, вложившихся в собственное образование и бизнес, выросли почти на 50%, а шансы получить работу — более чем на 60%⁴⁶.

В рамках другой программы в Уганде бедные женщины на севере страны получили по \$150 с аналогичными результатами: доходы подскочили почти на 100%. Особенно это касалось женщин, которым помогал социальный

работник (стоимость его работы составляла \$350), но исследователи впоследствии подсчитали, что куда эффективнее было бы раздать вместе с грантами и зарплату помощника⁴⁷. Как сухо подытоживается в отчете исследования, его результаты вызовут «огромные изменения в программах борьбы с бедностью в Африке и по всему миру»⁴⁸.

Южная революция

Исследования во множестве стран убедительно доказывают, что бесплатные деньги работают.

Ученые уже связывают безусловные наличные выплаты со снижением уровней преступности, детской смертности и недоедания, с частотой подростковой беременности и прогулов, а также с ростом школьной успеваемости, экономики и равноправия полов⁴⁹. «Важная причина бедности — недостаток у людей денег, — отмечает экономист Чарльз Кенни, — и нас не должно удивлять то, что дать им денег — отличный способ решения этой проблемы»⁵⁰.

В своей книге «Просто дайте бедным денег» (2010) ученые Университета Манчестера приводят бесчисленные примеры случаев, когда выдача наличных без каких-либо условий или с незначительными оговорками помогала. В Намибии показатели недоедания прямо-таки спикировали (с 42 до 10%), как и показатели по прогулам (с 40% до нуля) и преступности (на 42%). В Малави

посещаемость школы девочками и женщинами выросла на 40% независимо от того, как выдавались деньги — с какими бы то ни было условиями или без них. И снова больше всего пользы от этого детям. Они меньше страдают от голода и болезней, становятся выше ростом, лучше успевают в школе, шанс эксплуатации их труда снижается⁵¹.

От Бразилии до Индии, от Мексики до Южной Африки программы выдачи наличных стали последним криком моды Глобального Юга. Когда ООН формулировала цели развития, изложенные в «Декларации тысячелетия» 2000 г., об этих программах никто еще и не слышал, а к 2010-му они охватили более 110 млн семей в 45 странах.

Исследователи из Университета Манчестера суммировали преимущества этих программ: (1) домохозяйства распоряжаются деньгами; (2) снижается бедность; (3) возможна разнообразная долгосрочная польза в области доходов, здравоохранения и собираемости налогов; и (4) эти программы дешевле других⁵². Так зачем посылать дорогостоящих белых людей на внедорожниках, когда можно просто отдать бедным их зарплату? Особенно если это позволяет убраться из уравнения липкие пальцы социальных служб? К тому же бесплатные деньги смазывают колеса экономики в целом: люди больше покупают, что стимулирует занятость и доходы.

Бесчисленные организации помощи и правительства убеждены, будто им известно, что нужно бедным, и инвестируют в школы, солнечные панели и скот. Конечно,

наличие коровы лучше ее отсутствия. Но какова цена? Исследование в Руанде показало, что помощь в содержании одной тельной коровы (включая семинар по дойке) обходится примерно в \$3000. Это пять годовых доходов руандийца⁵³. Или возьмите многочисленные курсы для бедных: одно исследование за другим показывают их высокую стоимость и малую полезность, учат ли на них ловить рыбу, читать или заниматься бизнесом⁵⁴. «Бедность — это в первую очередь отсутствие денег. Она не показатель глупости, — подчеркивает экономист Джозеф Хэнлон. — Нельзя вытащить себя из болота за шнурки собственных ботинок, если у вас вообще нет обуви»⁵⁵.

Чем хороши деньги? Прежде всего, люди могут купить на них то, что им действительно необходимо, а не то, что им нужно по мнению других, считающих себя экспертами. И как оказалось, есть категория продуктов, на которую бедные люди *не тратят* доставшиеся им бесплатные деньги: это табак и алкоголь. На самом деле большое исследование Всемирного банка показало, что в 82% всех проанализированных случаев в Африке, Латинской Америке и Азии потребление алкоголя и табака *снижалось*⁵⁶.

Но есть еще более удивительные данные. В Либерии проводился эксперимент с целью узнать, что произойдет, если выдавать по \$200 самым закоренелым беднякам. По трущобам собрали алкоголиков, наркоманов и бойких преступников. На что они тратили деньги через три года? На еду, одежду, лекарства и мелкие предприятия.

«Уж если эти не спустили бесплатные деньги, то кто выкинет?» — удивляется один из исследователей⁵⁷.

И все же аргумент о лениности бедняков приводят снова и снова. Сама устойчивость этого представления подтолкнула ученых проверить его истинность. Всего несколько лет назад престижный медицинский журнал *Lancet* подытожил свои наблюдения: бедные, получая деньги без каких бы то ни было условий, обычно склонны больше трудиться⁵⁸. В последнем отчете об эксперименте в Намибии приводятся слова епископа, который предлагает изящное библейское объяснение: «Взгляните внимательно на Исход, главу 16-ю, — пишет он. — Народ Израиля в своем долгом путешествии из рабства получил манну небесную. Но, — продолжает он, — они не стали ленивыми; напротив, манна позволила им двигаться дальше...»⁵⁹

Утопия

Бесплатные деньги — идея, которую уже выдвигали некоторые из великих мыслителей прошлого. Томас Мор мечтал о них в своей книге «Утопия» в 1516 г. Несть числа вторящим ему экономистам и философам, в том числе нобелевским лауреатам⁶⁰. Сторонники этой концепции есть среди правых и левых, вплоть до основателей неolibеральной теории Фридриха Хайека и Милтона Фридмена⁶¹. А статья 25 Всеобщей декларации прав человека (1948) обещает, что однажды это случится.

Всеобщий базовый доход.

И не просто на несколько лет, или только в развивающихся странах, или только для бедных, а именно так, как написано на упаковке: бесплатные деньги всем. Не по привилегии, а по праву. Это можно назвать «капиталистической дорогой к коммунизму»⁶². Ежемесячное пособие, достаточное, чтобы на него прожить, — и даже пальцем не нужно шевелить. Единственное условие — ваше сердце должно биться⁶³. Никаких инспекторов, заглядывающих через ваше плечо, чтобы узнать, мудро ли вы потратили полученные средства; и никто не задается вопросом о том, заслуживаете ли вы этих денег. Никаких больше программ помощи и особых льгот, разве что дополнительное пособие пожилым, незанятым и неспособным работать.

Базовый доход — время этой идеи настало.

«Минком», Канада

На складском чердаке в Виннипеге, в Канаде, около 2000 коробок собирают пыль. В них полным-полно информации: графиков, таблиц, отчетов, интервью — это результаты одного из самых захватывающих социальных экспериментов в послевоенной истории.

«Минком». Минимальный доход.

Эвелин Форже, профессор Университета Манитобы, впервые услышала об этих записях в 2004 г. Долгие пять

лет она пыталась отыскать их, пока наконец в 2009-м не обнаружила коробки в Национальном архиве. «[Сотрудники архива] как раз думали о том, можно ли их уже выбрасывать, ведь они занимают много места и вроде бы никому не интересны», — вспоминала она позже⁶⁴.

Войдя на мансарду впервые, Форже не могла поверить своим глазам. Здесь был кладезь сведений о воплощении мечты Томаса Мора давностью 500 лет.

Среди почти тысячи интервью, упакованных в эти коробки, хранилась запись беседы с Хью и Дорин Хендерсон. Тридцать пять лет назад, когда эксперимент начинался, Хью работал уборщиком, а его жена занималась двумя детьми и домашним хозяйством. Хендерсонам приходилось трудно. Дорин ухаживала за садиком и разводила цыплят, чтобы семья не голодала. На счету было каждое пенни.

Затем однажды у них на пороге появились двое мужчин в строгих костюмах. «Мы заполнили формы, им надо было узнать, каковы наши доходы», — вспоминает Дорин⁶⁵. И вот так просто проблемы Хендерсонов с деньгами остались в прошлом. Хью и Дорин стали участниками «Минкома» — первого крупномасштабного социального эксперимента в Канаде и крупнейшего эксперимента с базовым доходом в истории.

В марте 1973 г. губернатор провинции выделил на этот проект \$83 млн в пересчете на современные доллары⁶⁶. Выбор места проведения эксперимента пал на Дофин — небольшой город с населением 13 000 человек

к северо-западу от Виннипега. В Дофине всем был гарантирован базовый доход, не позволявший упасть ниже черты бедности. На деле это означало, что 30% населения города — всего тысяче семей — ежемесячно приходил по почте чек. Семья из четырех человек получала около \$19 000 в год в пересчете на современные деньги — *и никаких вопросов.*

В начале эксперимента город наводнила армия исследователей. Экономисты смотрели, стали ли жители города меньше работать, социологи собирались исследовать влияние «Минкома» на семейную жизнь, антропологи внедрились в общество и наблюдали за непосредственными реакциями жителей.

Четыре года все шло хорошо; работа была прервана выборами. Власть перешла к Консервативной партии. Новый кабинет министров видел мало смысла в этом дорогом проекте, три четверти стоимости которого ложились на плечи правительства. Когда стало ясно, что новая администрация не собирается выделять средства даже на анализ результатов эксперимента, исследователи решили уложить свои папки в 2000 коробок.

Жителей Дофина охватило глубочайшее разочарование. Поначалу, в 1974 г., «Минком» выглядел пилотной программой, которую быстро введут по всей стране. Теперь ему, казалось, грозило забвение. «Противники [“Минкома”] в правительстве не собирались тратить деньги на то, чтобы рассмотреть данные и, как они считали, обнаружить, что эксперимент не работает, — рассказал один

из исследователей. — А те, кто выступал за “Минком”, боялись, что могут оказаться даже в более глупом положении в случае, если они потратят еще один миллион долларов на анализ и обнаружат, что результаты исследования неблагоприятны для них»⁶⁷.

Когда профессор Форже услышала о «Минкоме» впервые, никто еще не знал, что показал этот эксперимент и показал ли он вообще что-нибудь. Но по странному совпадению примерно в это же время, в 1970 г., правительство Канады запустило программу медицинской помощи. Данные из архивов медицинской программы позволили Форже сравнить Дофин с близлежащими городами и контрольными группами. Три года она тщательно подвергала эти данные разным методам статистического анализа. Что бы она ни делала, результат получался один и тот же. «Минком» оказался потрясающе успешным.

От эксперимента к закону

«С политической точки зрения имелось опасение, что, если гарантировать людям ежегодный доход, они перестанут работать и станут заводить большие семьи», — рассказывает Форже⁶⁸.

На деле случилось с точностью до наоборот. Молодые стали позже жениться, рождаемость снизилась. Их успеваемость в вузах существенно улучшилась: «когорта “Минкома”» училась прилежнее и быстрее. В конечном

счете общее количество рабочих часов снизилось на 1% для мужчин, на 3% для замужних женщин, на 5% для незамужних. Мужчины-кормильцы едва ли стали работать меньше, молодые матери расходовали дополнительные деньги на отпуск, а учащиеся — на продолжение учебы⁶⁹.

Однако самым примечательным открытием Форже было снижение числа случаев госпитализации на целых 8,5%. Учитывая размеры общественных трат на здравоохранение в развитом мире, финансовые последствия этого огромны. Через несколько лет после начала эксперимента люди стали реже практиковать бытовое насилие, а также жаловаться на плохое состояние психики. «Минком» поправил здоровье всему городу. Форже смогла даже проследить влияние получения базового дохода на следующее поколение в том, что касалось и благосостояния и здоровья.

Эксперимент с гарантированным доходом в канадском Дофине — городе, в котором не стало бедности, — являлся одним из пяти подобных экспериментов, проведенных в Северной Америке. Остальные четыре были поставлены в городах США. Сегодня мало кто знает, что США едва не приступили к созданию системы государственной социальной защиты по меньшей мере такой же обширной, как в большинстве стран Западной Европы. В 1964 г., когда президент Линдон Джонсон объявил войну бедности, демократов и республиканцев сплотила идея фундаментального реформирования социального обеспечения.

Однако сначала было необходимо попробовать. Десятки миллионов долларов были выделены для того, чтобы снабдить базовым доходом более чем 8500 американцев в Нью-Джерси, Пенсильвании, Айове, Северной Каролине, Индиане, Сиэтле и Денвере в рамках самых первых крупномасштабных социальных экспериментов, проводимых с участием экспериментальных и контрольных групп. Исследователи хотели ответить на три вопроса:

1. Станут ли люди, начав получать гарантированный доход, работать значительно меньше?
2. Не будет ли программа слишком дорогой?
3. Не окажется ли она неосуществимой по политическим причинам?

Ответы: нет, нет, да.

Количество рабочих часов упало весьма незначительно. «Миф о лени попросту не подтверждается нашими данными, — говорит главный аналитик результатов денверского эксперимента. — Нет ничего похожего на массовое безделье, которого многие так боялись». Сокращение объема оплачиваемой работы в среднем составляло 9% на семью, и в каждом штате начинали меньше работать люди в возрасте от 20 до 30 и женщины с маленькими детьми⁷⁰.

Дальнейшие изыскания показали, что даже 9%, вероятно, являлось преувеличением. В первоначальном исследовании этот показатель вычислялся на основании сообщений участников о собственном доходе, но при

сравнении этих цифр с официальными правительственными записями выяснилось, что значительная доля доходов не была задекларирована. Исправив несоответствие, ученые выяснили, что количество отработанных человеко-часов и вовсе едва уменьшилось⁷¹.

«[Это] сокращение количества отработанных оплачиваемых часов, без сомнения, было отчасти компенсировано другими полезными занятиями, такими как поиск лучшей работы или работа по дому», — отмечено в заключительном отчете об эксперименте в Сиэтле. Например, одна мать, не окончившая средней школы, работала меньше для того, чтобы выучиться на психолога и найти место исследователя. Другая женщина стала посещать курсы актерского мастерства; ее муж начал сочинять музыку. «Теперь мы самодостаточные, зарабатывающие артисты», — рассказала она⁷². Молодежь, участвовавшая в эксперименте, почти все время, не потраченное на оплачиваемую работу, вложила в дополнительное образование. В Нью-Джерси общее количество выпускников высших школ увеличилось на 30%⁷³.

В революционном 1968 г., когда молодые демонстранты по всему миру выходили на улицы, пять знаменитых экономистов — Джон Кеннет Гэлбрейт, Гарольд Уоттс, Джеймс Тобин, Пол Сэмюэльсон и Роберт Лампмен — написали открытое письмо конгрессу. «Наша страна не исполнит свой долг до тех пор, пока каждому ее гражданину не будет гарантирован доход не ниже официально установленного порога бедности», — высказались они

в статье, опубликованной на первой полосе *New York Times*. Согласно этим экономистам, стоимость окажется «существенной, но вполне по силам экономическому и финансовому потенциалу нации»⁷⁴.

Под этим письмом подписались еще 1200 экономистов.

И их призыв был услышан. В следующем августе президент Никсон представил законопроект, предусматривавший скромный базовый доход, назвав его «самым значимым актом в общественном законодательстве за историю нашей нации». Согласно Никсону, поколение беби-бума сделает две вещи, которые прошлые поколения считали невозможными. Вдобавок к отправке человека на Луну (произошедшей месяцем ранее) это поколение наконец-то искоренит бедность.

По результатам опроса, проведенного Белым домом, 90% газет с энтузиазмом поддержали этот план⁷⁵. *Chicago Sun-Times* назвала его «гигантским скачком вперед», *Los Angeles Times* — «смелым новым планом»⁷⁶. За него выступал Национальный совет церквей, как и профсоюзы и даже корпоративный сектор⁷⁷. В Белый дом пришла телеграмма о том, что «два республиканца из верхушки среднего класса, которые будут платить за программу, говорят “браво”»⁷⁸. Эксперты даже цитировали Виктора Гюго: «Нет ничего сильнее идеи, время которой настало».

Казалось, что время базового дохода пришло всерьез и по-настоящему.

«План о пособиях принят палатой представителей... Битва за реформу выиграна», — гласил заголовок *New*

York Times 16 апреля 1970 г. 243 голосами за и 155 голосами против План поддержки семей (Family Assistance Plan, FAP) президента Никсона был одобрен подавляющим большинством. Многие эксперты ожидали, что законопроект будет принят и в сенате с его куда более прогрессивным составом. Однако в финансовом комитете сената возникли сомнения.

«Этот законопроект — наиболее масштабный, дорогой и пространный акт в области социального обеспечения», — высказался один из сенаторов-республиканцев⁷⁹. Самыми яркими противниками оказались демократы. Они восприняли билль как недостаточно смелый и потребовали еще более высокого базового дохода⁸⁰. Несколько месяцев законопроект кочевал из сената в Белый дом и обратно; в конце концов он был заморожен.

На следующий год Никсон представил конгрессу слегка скорректированное предложение. Законопроект вновь был принят палатой представителей, теперь уже в составе пакета реформ. 288 конгрессменов высказались за, 132 — против. В своем Обращении к нации 1971 г. Никсон назвал свое намерение «установить нижнюю границу дохода для всех американских семей с детьми» самым важным для него законодательным актом⁸¹.

Но и тогда проект провалился в сенате.

И лишь в 1978 г. от введения базового дохода отказались навсегда — из-за открытия, сделанного после публикации результатов эксперимента в Сиэтле: количество разводов подскочило более чем на 50%. Этот факт

привлек более пристальное внимание общественности, чем все остальные результаты вроде повышения успеваемости и улучшения здоровья. Очевидно, базовый доход давал слишком большую независимость женщинам.

Через десять лет повторный анализ данных показал, что была допущена статистическая ошибка и что на самом деле количество разводов вовсе не выросло⁸².

Тщетность, опасность и извращенность

«Это возможно сделать! Победить бедность в Америке к 1976 г.», — уверенно писал нобелевский лауреат Джеймс Тобин в 1967-м. В то время почти 80% американцев поддерживали идею введения гарантированного базового дохода⁸³. Годами позже Рональд Рейган саркастически заметил: «В 60-х мы вели войну с бедностью и бедность победила».

На протяжении истории цивилизации великие свершения всегда начинались с утопических настроений. Согласно прославленному экономисту Альберту Хиршману, утопии подвергаются нападкам ввиду трех особенностей: тщетности (это невозможно), опасности (риски слишком высоки) и извращенности (перерождение в антиутопию). Хиршман также писал, что, как только утопия воплощается в действительность, она почти сразу начинает восприниматься как нечто само собой разумеющееся.

Не так давно демократия казалась прекрасной утопией. Многие великие умы от философа Платона (427–347 до н. э.) до государственного деятеля Эдмунда Бёрка (1729–1797) указывали на тщетность демократии (массы слишком глупы для нее), ее опасность (власть большинства — игра с огнем) и извращенность («общий интерес» вскоре будет заменен на интересы какого-нибудь хитрого общественного деятеля). Сравните эти доводы с доводами против базового дохода. Его введение предположительно бессмысленно, так как мы не сможем его оплатить, рискованно, ибо люди перестанут работать, и порочно, поскольку в итоге меньшинству придется платить меньше налогов ради содержания большинства.

Но... подождите-ка.

Тщетность? Впервые в истории мы на самом деле достаточно богаты для того, чтобы финансировать существенный базовый доход. Мы можем избавиться от бюрократической канители, призванной любой ценой принуждать получателей помощи к малопродуктивной работе, и мы в состоянии профинансировать новую упрощенную систему, заодно отказавшись от запутанной системы налоговых скидок и вычетов. Остальные необходимые средства можно получить, облагая налогом имущество, выбросы, сырье и потребление.

Взглянем на цифры. Искоренение бедности в США обойдется всего в \$175 млрд, что менее 1% ВВП⁸⁴. Это примерно четверть военных затрат США. Выиграть войну с бедностью — операция, сравнимая по стоимости

с войнами в Афганистане и Ираке, оцененными гарвардским исследованием в ошеломляющую сумму \$4–6 трлн⁸⁵. Собственно говоря, все развитые страны мира уже многие годы способны полностью покончить с бедностью на своих территориях⁸⁶.

И все же система, направленная на помощь только бедным, лишь расширяет пропасть между ними и остальным обществом. «Политика для бедных — плохая политика», — отметил Ричард Титмусс, великий британский теоретик государства всеобщего благоденствия. Это укоренившийся рефлекс левых — обуславливать уровнем дохода право на участие в любой программе и на получение любого кредита или любого бонуса. Проблема в том, что эта тенденция контрпродуктивна.

В известной ныне статье, опубликованной в конце 1990-х гг., два социолога из Швеции показали, что страны с более универсальными правительственными программами побеждали бедность успешнее остальных⁸⁷. Люди в основном скорее готовы проявить солидарность, если это принесет пользу лично им. Чем больше мы сами, наша семья и наши друзья выигрывают от социального государства, тем более существенный вклад мы готовы внести⁸⁸. Поэтому логично, чтобы универсальный, безусловный базовый доход получил самую широкую поддержку. В конце концов выиграют от этого все⁸⁹.

Опасность? Конечно, кто-то может предпочесть меньше работать, но в этом-то все и дело. Горстка художников и писателей («которых общество презирает,

пока они живы, и чтит, когда они мертвы» — *Бертран Рассел*) могут и вовсе бросить оплачиваемую работу. Существуют убедительные доказательства того, что подавляющее большинство людей на самом деле хотят работать независимо от их уровня благосостояния⁹⁰. В действительности отсутствие работы делает нас глубоко несчастными⁹¹.

Одно из преимуществ базового дохода заключается в том, что он освободит бедных из капкана, куда их загоняют пособия, и подтолкнет к поискам оплачиваемой работы с настоящей возможностью роста и продвижения. Поскольку базовый доход безусловный, его не отменят в случае успешного устройства на работу — жизненные обстоятельства только улучшатся.

Извращенность? Напротив, это система пособий деградировала в жуткое чудовище, контролирующее и унижительное. Чиновники следят за реципиентами социальной помощи через Facebook и проверяют, мудро ли те тратят свои деньги, — и не дай бог кто-то осмелится заниматься несанкционированной волонтерской деятельностью. Нужна армия работников социальных служб — проводников в джунглях таких процедур, как проверка правомочности получения пособий, написание заявления, назначение субсидий и пр. Для выполнения всей бумажной работы требуется дополнительный корпус инспекторов.

Социальное государство, которое должно укреплять в людях ощущение безопасности и гордости, превратилось

в место подозрения и стыда. Это гротескный пакт между правыми и левыми. «Правые боятся того, что люди перестанут работать, — сетует профессор Форже из Канады, — а левые не доверяют им делать собственный выбор»⁹². Базовый доход — лучший компромисс. В терминах распределения он отвечает требованиям левых о справедливости. Что же касается вмешательства в частную жизнь граждан и их унижения, то в этом плане, к удовольствию правых, возможности правительства будут в высшей степени ограничены.

Иначе говорить, иначе мыслить

Об этом уже шла речь прежде.

Мы существуем в условиях социального государства давно ушедшей эры, когда кормильцами были по большей части мужчины, а люди проводили всю свою жизнь, работая на одну и ту же компанию. Пенсионная система и законы о занятости по-прежнему ориентированы на тех, кому повезло иметь стабильную работу; система социальных пособий основана на том неверном представлении, что в экономике всегда достаточно рабочих мест и что социальные выплаты — не трамплин, а капкан.

Сегодня исключительно подходящее время для введения универсального безусловного базового дохода. Взгляните вокруг. Возросшее разнообразие рабочих мест требует большей безопасности. Глобализация съедает

доходы среднего класса. Растущая пропасть между теми, у кого есть диплом колледжа, и теми, у кого его нет, требует помочь вторым. А создание все более умных роботов может стоить рабочих мест даже первым.

В последние годы средний класс сохранял покупательную способность, все больше залезая в долги. Но, как мы теперь знаем, эта модель не работает. Давний принцип «кто не работает, тот не ест» теперь подвергается критике как путь к неравенству.

Не поймите меня неправильно, капитализм — это фантастический движитель процветания. Он создал чудеса, «но совсем иного рода, чем египетские пирамиды, римские водопроводы и готические соборы», писали Карл Маркс и Фридрих Энгельс в своем «Манифесте». Но именно благодаря тому, что мы как никогда богаты, нам теперь по силам следующий шаг в истории прогресса: обеспечить всем и каждому защиту базового дохода. Именно к этому и должен был всегда стремиться капитализм. Взгляните на это как на дивиденды от прогресса, ставшие возможными благодаря крови, поту и слезам прошлых поколений. В конце концов, мы сами заслужили лишь малую долю нашего процветания. Мы, обитатели Страны изобилия, богаты благодаря организациям, знаниям и социальному капиталу, накопленному нашими предками. Это богатство принадлежит всем нам. А базовый доход позволяет нам разделить его.

Конечно, мы не призываем бездумно воплощать эту мечту. Это может привести к катастрофе. Утопии всегда

ГЛАВА 2

начинаются с малого, с экспериментов, которые исподволь меняют мир. Всего несколько лет назад нечто подобное случилось на улицах Лондона, когда 13 бродяг получили по £3000 без каких-либо вопросов. Как сказал один из соцработников, «довольно трудно вмиг изменить свой подход к проблеме. Эти пилотные проекты дали нам возможность иначе говорить, иначе думать, иначе описывать задачу...».

Именно так и начинается прогресс.

Итак, у нас есть инспекторы, инспектирующие инспекторов, и есть специалисты, разрабатывающие способы, с помощью которых инспекторы могут инспектировать инспекторов. Люди сделали бы полезное дело, если бы вернулись в свои школьные годы и подумали о том же, о чем они размышляли еще до того, как кто-то прошел мимо и сказал им, что они должны зарабатывать себе на жизнь.

Ричард Бакминстер Фуллер (1895–1983)

Конец бедности

13 ноября 1997 г. к югу от гор Грейт-Смоки-Маунтинс в Северной Каролине свои двери открыло новое казино. Несмотря на мрачную погоду, у входа выстроилась длинная очередь. Люди продолжали прибывать сотнями, и владелец казино посоветовал им вернуться домой.

Всеобщий интерес был неудивителен. В конце концов, свои двери распахнул не просто очередной мафиозный игорный притон. Harrah's Cherokee было и остается огромным роскошным казино, которым владеет и управляет восточная ветвь индейцев чероки, а его открытие ознаменовало конец десятилетней политической борьбы. Один из лидеров племени даже предсказал, что «азартные игры станут проклятием чероки»⁹³, и губернатор Северной Каролины препятствовал проекту на каждом шагу.

Вскоре после открытия стало очевидно, что игровой этаж площадью 32 000 м², три башни отеля на 1000 с лишним комнат и 100 люксовых номеров, бесчисленные магазины, рестораны, бассейн и фитнес-центр этого казино не разрушат, а облегчат жизнь индейцев. Оно

не проложило дорогу организованной преступности. Отнюдь нет: доходы, составившие \$150 млн в 2004 г. и выросшие почти до \$400 млн в 2010-м⁹⁴, позволили племени построить новую школу, больницу и пожарную часть. Однако львиная доля прибыли шла напрямую в карманы 8000 мужчин, женщин и детей восточных чероки. Их доходы от казино быстро выросли с \$500 в год до \$6000 в 2001 г., что составляло от четверти до трети дохода средней семьи⁹⁵.

Джейн Костелло, профессор Университета Дюка, исследовала психическое здоровье молодежи к югу от Грейт-Смоки-Маунтинс начиная с 1993-го. Каждый год 1420 детей, участвовавших в ее исследовании, проходили психиатрическое обследование. Его результаты уже показали, что те, кто растет в бедности, куда более часто, чем другие дети, имеют проблемы в поведении. Однако это уже не было новостью. Корреляцию бедности с психическим нездоровьем ранее выявил другой ученый, Эдвард Джарвис, в знаменитой работе «Отчет о безумии», опубликованной в 1855 г.

Но без ответа оставался вопрос о том, что является причиной, а что следствием. В то время, когда Костелло проводила исследования, вину за психические расстройства все чаще возлагали на индивидуальные генетические особенности. Если основная причина коренится в природе, то, отдавая каждый год мешок денег, мы будем лечить симптомы, игнорируя саму болезнь. Если же психиатрические проблемы людей не причина, а следствие бедности, то эти \$6000 способны сотворить подлинное

чудо. Костелло осознала, что казино представляет для нее неповторимую возможность пролить свет на данный вопрос, поскольку четверть детей, участвовавших в ее исследовании, были чероки и более половины из них жили за чертой бедности.

Уже вскоре после того, как казино начало работать, Костелло отмечала огромные успехи испытуемых. Поведенческие проблемы у детей, вынырнувших из бедности, сократились на 40%, в результате ребята оказались в том же диапазоне, что и их сверстники, не испытывавшие лишений. Также в племени упал уровень преступности среди несовершеннолетних, снизилось употребление алкоголя и наркотиков, в то время как школьные оценки заметно повысились⁹⁶. В школе дети чероки стали успевать наравне с участниками исследования, не принадлежащими к этому племени.

Через десять лет после открытия казино Костелло обнаружила, что чем раньше мальчики и девочки освобождаются от бедности, тем лучше их психическое здоровье в подростковом возрасте. В самой юной когорте Костелло отметила «впечатляющее снижение» криминального поведения. На самом деле дети чероки в ее исследовании вели себя куда лучше контрольной группы.

Впервые увидев эти данные, Костелло сначала не поверила своим глазам. «От социальных вмешательств ждешь относительно малого эффекта, — говорила она позже. — Воздействие этого же вмешательства оказалось сильным»⁹⁷. Профессор Костелло подсчитала, что

ежегодные дополнительные \$4000 давали возможность учиться еще один год к тому времени, как индейцу исполнится 21, а также снижали число случаев судимости к 16-летнему возрасту на 22%⁹⁸.

Но самым значительным улучшением было то, как деньги помогли родителям выполнять свои родительские обязанности. До открытия казино матерям и отцам приходилось тяжело работать все лето, но зачастую сидеть без работы зимой, страдая от стресса. Новый доход позволил семьям чероки откладывать деньги и платить по счетам вперед. Родители, освободившиеся от бедности, сообщали, что у них стало больше времени, которое они могут проводить с детьми.

Однако, как выяснила Костелло, работать меньше они не стали. И отцы, и матери трудились столько же часов, сколько и до открытия казино. Член племени Викки Брэдли говорит, что больше всего деньги помогли снять с семей напряжение и что энергия, которую те тратили на волнение о пропитании, высвободилась и была направлена на детей. А это «помогает родителям стать лучшими родителями», — отметила Брэдли⁹⁹.

В чем же тогда причина проблем с психическим здоровьем в среде бедных? Природа или культура? Костелло заключает, что и то и другое, так как стресс, сопряженный с бедностью, повышает риск развития болезней и расстройств у тех, кто к ним генетически предрасположен¹⁰⁰. Но есть и более важные выводы из этого исследования.

Гены не переделать. А бедность можно устранить.

Почему бедные люди совершают глупые поступки

Мир без бедности — возможно, самая старая утопия из всех. Но любому, кто относится к этой мечте серьезно, неизбежно предстоит столкнуться с несколькими сложными вопросами. Почему бедные чаще совершают преступления? Почему они более подвержены ожирению? Почему они употребляют больше алкоголя и наркотиков? Короче, почему бедные принимают так много дурных решений?

Грубо? Возможно, но давайте взглянем на статистику: бедные больше занимают, меньше откладывают, больше курят, меньше занимаются спортом, больше пьют, едят менее здоровую пищу. На тренинг по управлению собственными финансами бедный запишется в последнюю очередь. Бедные зачастую пишут худшие заявления о приеме на работу и приходят на интервью в самом непрофессиональном виде.

Премьер-министр Великобритании Маргарет Тэтчер однажды назвала бедность «дефектом личности»¹⁰¹. Хотя и немногие политики заходят так далеко, идея, что ответственность за решение проблемы бедности лежит на самих бедных людях, не нова. От Австралии до Англии и от Швеции до США укоренилось представление о том, что человек должен преодолеть свою бедность сам. Конечно, правительство может стимулировать движение неимущих в правильном направлении — политикой,

поощряющей осознанность, штрафами и, самое главное, образованием. На самом деле если что-то и считается панацеей от бедности, то это диплом об окончании высшей школы (а еще лучше — степень выпускника колледжа).

Но есть ли что-то еще?

Что, если бедные в самом деле не могут помочь себе сами? Что, если все эти стимулы, все сведения и образование им как с гуся вода? И что, если эти благонамеренные подталкивания лишь ухудшают ситуацию?

Сила контекста

Это суровые вопросы, но их задает не кто попало, а Эльдар Шафир, психолог из Принстонского университета. Он и Сендил Муллайнатан, экономист из Гарварда, недавно представили новую революционную теорию бедности¹⁰². В чем суть? В контексте.

Шафир не скромн в своих стремлениях. Он хочет ни много ни мало основать новую область научного исследования — науку о дефиците. Но разве у нас ее еще нет? Экономика? «Мы постоянно слышим это, — смеялся Шафир, когда мы впервые встретились в амстердамском отеле, — но я интересуюсь психологией дефицита, которая на удивление мало исследована».

Для экономистов вокруг дефицита вертится все — в конце концов, даже богатейший мот не может купить всего. Однако *восприятие* нехватки неоднородно. Чувство,

порожденное незаполненностью времени, отличается от чувства, возникающего из-за перегруженного рабочего дня, и оно не безобидно и не малозначительно. Дефицит выводит психику из равновесия. Люди ведут себя иначе, когда им кажется, что чего-то недостаточно.

И не важно, о чем именно идет речь. Слишком мало времени, денег, дружбы, еды — все это вносит вклад в «ментальность дефицита». У этого вида менталитета есть свои преимущества: люди, ощущающие нехватку чего-либо, хорошо справляются с краткосрочными задачами. Бедняки обладают невероятной способностью сводить — в краткосрочной перспективе — концы с концами, точно так же, как руководители предприятий умеют добиваться завершения сделки.

От бедности не отдохнешь

Но все же изъяны «ментальности дефицита» перевешивают ее достоинства. Дефицит вынуждает концентрировать внимание на том, с чем связана нехватка: на встрече, начинающейся через пять минут, или счетах, которые следует оплатить завтра. Долгосрочным стратегиям просто не остается места. «Дефицит поглощает вас, — объясняет Шафир, — вы больше не можете сосредоточиться на других вещах, которые для вас тоже важны».

Представьте себе новый компьютер, выполняющий сразу десять сложных программ. Он работает все

медленнее, совершает ошибки и в конце концов зависает — не потому, что это плохой компьютер, а потому, что ему приходится делать слишком много всего сразу. Бедняки сталкиваются с аналогичной проблемой. Они принимают плохие решения не потому, что *сами они дурные*, а потому, что они живут в таком контексте, в котором любой будет принимать дурные решения.

Ответы на вопросы вроде «Чем мы будем обедать?» и «Как дожить до конца недели?» забирают часть ключевого ресурса. Шафир и Муллайнатан называют его ментальной пропускной способностью. «Если вы хотите понять бедных, вообразите себе, что ваш разум находится совсем в другом месте, — пишут они. — Самоконтроль представляется чрезвычайно сложной задачей. Вы легко отвлекаетесь и выходите из себя. И это происходит каждый день». Так дефицит (времени или денег) ведет к немудрым решениям.

Существует ключевое отличие людей занятых от людей бедных: от бедности не удается отдохнуть.

Два эксперимента

Насколько глупее делает человека бедность?

«Наши результаты говорят о потере 13–14 пунктов IQ, — говорит Шафир. — Это сравнимо с состоянием после бессонной ночи или с влиянием алкоголизма». Примечательно то, что мы могли выяснить все это еще 30 лет

назад. Шафир и Муллайнатан не прибегали к сложным методам исследования вроде сканирования мозга. «Уже годы экономисты изучают бедность, а психологи — когнитивные ограничения. Мы просто сложили два и два», — поясняет Шафир.

Все началось несколько лет назад с ряда экспериментов в типичном американском торговом центре. Покупателей спрашивали, как бы они оплатили ремонт машины. С одними респондентами говорили о ремонте за \$150, с другими — за \$1500. Стали бы они платить всю сумму сразу, заняли бы денег, работали бы сверхурочно или положили бы починку?

Пока посетители магазина размышляли, их подвергали ряду когнитивных испытаний. Когда речь шла о менее дорогом ремонте, показатели людей с низкими доходами в целом не отличались от показателей тех, кто имел высокие доходы. Но при обсуждении ремонта за \$1500 бедные люди демонстрировали значительно худший результат. Уже одна мысль о крупной финансовой трате ослабляла их когнитивные способности.

Шафир и его коллеги внесли коррективы, учитывавшие все возможные переменные, но с одним фактором они ничего не смогли сделать: опрошенные богачи и бедняки не были одними и теми же респондентами. В идеале в исследовании должны были участвовать люди, богатые в одно время и бедные — в другое.

Шафир нашел то, что искал, примерно в 13 000 км от этого торгового центра — в округах Виллупурам

и Тируваннамалай в сельской Индии. Условия были идеальными; фермеры, выращивающие здесь сахарный тростник, получают 60% своего годового дохода единовременно сразу после урожая. То есть в одно время года они процветают, а в другое — стеснены в средствах. Как же они показали себя в эксперименте? В «бедный» период их результаты в когнитивных испытаниях были существенно хуже, но не вследствие оглупления — в конце концов, это были все те же индийские фермеры, выращивающие сахарный тростник, — а исключительно из-за ослабления ментальной пропускной способности.

Валовая внутренняя ментальная пропускная способность

«Борьба с бедностью дает огромные преимущества, которые мы до сих пор не замечали», — говорит Шафир. По его словам, возможно, настало время измерять не только валовый внутренний продукт, но и валовую внутреннюю ментальную пропускную способность. Высокая ментальная пропускная способность — это лучшее воспитание детей, лучшее здоровье, более продуктивные сотрудники и т. п. «Борьба с дефицитом может привести даже к снижению цен», — прогнозирует Шафир.

Именно это и произошло к югу от Грейт-Смоки-Маунтинс. Рэндалл Эйки, экономист из Университета Лос-Анджелеса, подсчитал, что часть прибыли казино,

отданная детям чероки, в конечном итоге *сократила* расходы. Согласно его аккуратным оценкам, в результате устранения бедности возникла сумма, превышавшая сумму всех платежей казино, поскольку снизился уровень преступности, люди стали реже пользоваться медицинскими учреждениями и меньше учеников остались на второй год¹⁰³.

Теперь экстраполируем это воздействие на общество в целом. Британское исследование показало, что траты на бедных детей в Англии достигают £29 млрд (\$44 млрд) в год¹⁰⁴. Согласно исследователям, политика искоренения бедности «по большей части окупит сама себя»¹⁰⁵.

В США, где более одного ребенка из пяти вырастает в бедности, результаты бесчисленных исследований уже свидетельствуют о том, что меры против бедности работают подобно инструменту для снижения цен¹⁰⁶. Грег Дункан, профессор Калифорнийского университета, подсчитал, что вытягивание американской семьи из бедности в среднем обходится примерно в \$4500 в год — меньше, чем выплаты казино чероки. В конечном итоге эти вложения на ребенка дадут:

- ❖ 12,5% дополнительных часов работы;
- ❖ \$3000 ежегодной экономии на пособиях;
- ❖ \$50 000–100 000 дополнительного заработка в течение жизни;
- ❖ \$10 000–20 000 дополнительных налоговых поступлений.

Профессор Дункан пришел к заключению, что борьба с бедностью «окупится к тому времени, как бедные дети достигнут среднего возраста»¹⁰⁷.

Само собой, для того чтобы решить такую серьезную проблему, понадобится большая программа. Исследование 2013 г. оценило траты на детскую бедность в США в \$500 млрд в год. Дети, выросшие в бедности, лишаются двух лет образования и в итоге работают на 450 часов в год меньше, а общий риск заболеть у них втрое выше, чем у тех, кто вырос в обеспеченной семье. Исследователи говорят, что вложения в образование на самом деле не помогут этим детям¹⁰⁸. Сначала им нужно подняться выше черты бедности.

Недавний метаанализ 201 исследования действительности обучения управлению финансами привел к аналогичному выводу: такие курсы почти ничего не меняют¹⁰⁹. Нельзя сказать, что люди там ничему не учатся, — бедные, безусловно, могут поднабраться знаний. Но этого недостаточно. «Это все равно что научить человека плавать, а затем бросить его в море во время шторма», — сетует профессор Шафир.

Отнюдь не бессмысленно давать людям образование, но оно не всегда способно помочь им поддерживать свою ментальную пропускную способность, и так ослабленную из-за невыносимой бюрократической трясины социального государства. Можно предположить, что все эти правила и бумажная волокита призваны отсекают тех, кто не нуждается по-настоящему. Но на самом деле все равно

наоборот: бедные, чья ментальная пропускная способность особенно страдает и кто испытывает самые большие лишения, просят Дядю Сэма о помощи последними.

Следовательно, целый массив программ остается не востребованным теми самыми людьми, которым они призваны приносить пользу. «Некоторые стипендии назначаются лишь 30% из тех, кто имеет на них право, хотя исследование за исследованием показывают, что подобная стипендия — несколько тысяч долларов — может все изменить», — говорит Шафир. Экономист, глядя на эти стипендии, подумает: раз подать заявление разумно, то бедные студенты станут его подавать. Но все происходит иначе. Стипендии работают, но совсем не там, где царит зашоренность, порожденная ментальностью дефицита.

Бесплатные деньги

Так что же можно сделать?

Шафир и Муллайнатан предлагают несколько возможных решений: например, помочь нуждающимся студентам заполнять бумаги, необходимые для получения финансовой помощи, или раздавать коробочки для пилюль, снабженные лампочками, которые загораются, напоминая о том, что нужно принять лекарство. Подобные «подталкивания» очень популярны у политиков современной Страны изобилия, главным образом потому, что ничего не стоят.

Но, честно говоря, чего можно добиться подобными действиями? Они являются порождением эры, когда политика занята главным образом борьбой с симптомами. Подталкивания могут сделать бедность все более и более приемлемой, но, взглянув на картину в целом, вы понимаете, что они абсолютно ничего не решают. Возвращаясь к аналогии с компьютерами, я спрашиваю Шафира: зачем ковыряться в программном обеспечении, если проблему можно легко устранить установкой дополнительной памяти?

Сначала Шафир не понимает, а затем отвечает: «А, вы имеете в виду — раздавать больше денег? Конечно, это было бы здорово, — смеется он. — Но есть очевидные ограничения... Здесь, в Амстердаме, такая разновидность политиков левого крыла, которую в Америке и не видывали».

Однако самих по себе денег недостаточно; важен также вопрос их распределения. «Дефицит — понятие относительное, — замечает Шафир. — Можно говорить о недостаточном доходе, а можно — о чрезмерных ожиданиях». Это простая действительность: если вы хотите больше денег, времени, друзей или пищи, то скорее ощущаете дефицит. То, чего вы хотите, в большой степени определяется тем, что имеют окружающие вас люди. Как говорит Шафир, «растущее неравенство в западном мире является крупным препятствием в этом отношении». Если много людей покупает последний смартфон, вы тоже его хотите. Покуда неравенство растет, валовая

внутренняя ментальная пропускная способность продолжает сокращаться.

Проклятие неравенства

Но предполагалось, что деньги — это ключ к счастью и здоровой жизни, не так ли?

Так. Однако в масштабах нации — лишь до определенной степени. Пока ВВП на душу населения держится на отметке примерно до \$5000 в год, продолжительность жизни повышается более или менее автоматически¹¹⁰. Но как только пищи становится достаточно, крыша не течет и есть чистая проточная вода, экономический рост перестает гарантировать благополучие. С этого момента гораздо более точным прогностическим фактором становится равенство.

Взгляните на диаграмму ниже. Ось y показывает значения индекса общественных проблем, ось x — ВВП стран на душу населения. Оказывается, что эти две переменные совершенно не коррелируют. Более того, индекс социальных проблем богатейшей сверхдержавы мира (США) близок к таковому страны со вдвое меньшим ВВП на душу населения (Португалии).

«Экономический рост исчерпал свои возможности улучшать материальное положение людей в развитых странах, — заключает британский исследователь Ричард Уилкинсон. — При получении новых благ каждое

УТОПИЯ ДЛЯ РЕАЛИСТОВ

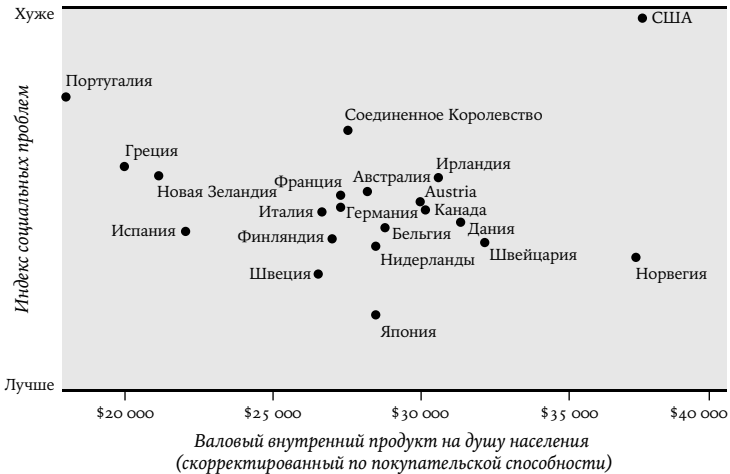

Рис. 4

Индекс социальных проблем (здесь — ось y) учитывает среднюю продолжительность жизни, грамотность, детскую смертность, смертность в результате убийств, численность заключенных, подростковую беременность, распространенность депрессий, общественное доверие, ожирение, злоупотребление алкоголем и наркотиками, социальную мобильность vs. иммобильность.

Источник: Уилкинсон и Пиккет

приобретение вносит все меньший вклад в ваше благополучие»¹¹¹. Однако график меняется коренным образом, если мы отметим на оси x не доход, а неравенство доходов. Картина вдруг кристаллизуется, и Португалия и США оказываются соседями в правом верхнем углу.

Независимо от того, что мы рассматриваем — депрессию, выгорание, злоупотребление наркотиками, отчисления из учебных заведений, ожирение, несчастливое

Рис. 5

Неравенство (ось x) отражает разрыв между богачейшими и беднейшими 20% населения данной страны.

Источник: Уилкинсон и Пиккет

детство, низкую явку на выборах или социальное или политическое недоверие, — свидетельства каждый раз указывают на одну и ту же причину: неравенство¹¹².

Но подождите. Разве важно то, что кто-то неприлично богат, если даже те, кому сегодня приходится тяжелее всех, живут лучше, чем короли несколько веков назад?

Очень важно. Потому что дело в *относительной* бедности. Как бы ни разбогатела страна, неравенство всегда портит этот праздник. Быть бедным в богатой стране — совсем не то же самое, что быть бедным в прошлом, когда почти все почти повсюду были нищими.

Возьмем жестокое обращение. Оно более распространено в странах с высоким уровнем материального неравенства, поскольку статусные различия там более существенны. Или, говоря по Уилкинсону, «психосоциальные последствия» таковы, что люди, живущие в характеризующихся неравенством обществах, больше времени проводят в волнениях о том, какими их видят другие. Это снижает качество отношений (что проявляется, например, в недоверии к незнакомцам и тревогах по поводу своего статуса). Возникающий как следствие стресс, в свою очередь, является главной причиной заболеваний, в том числе хронических.

Хорошо, но разве равенство возможностей не важнее равенства благосостояния?

На самом деле важно и то и другое, и эти два фактора неразрывно связаны друг с другом. Взгляните только на глобальные показатели: там, где растет неравенство, падает социальная мобильность. Откровенно говоря, в США воплощение американской мечты менее вероятно, чем практически в любой другой стране мира. Желаящему пробиться с самого низа наверх собственным трудом больше подойдет Швеция, где у родившегося в бедности все же есть надежда на светлое будущее¹¹³.

Не поймите меня неправильно — неравенство не является единственным источником трудностей. Это один из структурных факторов, лежащих в основе множества социальных проблем, и он тесно связан с целой плеядой других условий. И на самом деле общество не может

функционировать в отсутствие *некоторого* неравенства. Нужны стимулы к работе, предпринимательству, превосходству, а деньги — очень действенный побудительный мотив. Никто не захочет жить в обществе, где сапожник получает столько же, сколько и врач. Вернее, любой, живя в таком месте, будет очень опасаться заболеть.

Тем не менее сегодня почти во всех развитых странах показатели неравенства намного превышают значения, которые разумно назвать желательными. Недавно Международный валютный фонд опубликовал отчет, из которого ясно, что слишком большое неравенство даже мешает экономическому росту¹⁴. Однако самым удивительным открытием является, наверное, то, что от слишком большого неравенства страдают даже богатые. Они тоже становятся более склонны к депрессии, подозрительности и испытывают огромное множество трудностей в социальном плане¹⁵.

«Неравенство доходов, — говорят два ведущих ученых, проводившие исследование 24 развитых стран, — делает нас недовольными своей жизнью, даже если у нас все относительно в порядке»¹⁶.

Когда бедность еще была нормой

Это не неизбежность.

Конечно, 2000 лет назад Иисус из Назарета сказал, что среди нас всегда будут бедные¹⁷. Но тогда практически все

рабочие места сосредоточивались в сельскохозяйственном секторе. Экономика попросту не была достаточно продуктивной для того, чтобы обеспечить всем комфортное существование. И поэтому вплоть до XVIII в. бедность оставалась частью объективной действительности. «Бедные как тени на картине, они обеспечивают необходимый контраст», — писал французский врач Филипп Экке (1661–1737). Согласно английскому писателю Артуру Янгу (1741–1820), «только идиот не понимает того, что нижние классы следует держать в бедности — или же они утратят трудолюбие»¹¹⁸.

Историки относят подобные идеи к меркантилизму — согласно этому учению то, что является потерей для одного человека, оказывается приобретением для другого. Ранние экономисты Нового времени полагали, что одни страны могут процветать только за счет иных государств, нужно только побольше экспортировать. В ходе Наполеоновских войн такого рода представления привели к возникновению абсурдных ситуаций. Например, Англия с радостью поставляла Франции продукты питания, но запретила вывоз золота, так как британские политики вбили себе в голову, что нехватка слитков сокрушит врага быстрее голода.

Если вы спросите у меркантилиста совета, то он заговорит о снижении зарплат: чем ниже, тем лучше. Дешевый труд дает вам конкурентное преимущество, разгоняя экспорт. Как говорил известный экономист Бернард де Мандевиль (1670–1733), «очевидно то, что в свободной

стране, в которой запрещено рабство, вернейшим богатством является множество трудолюбивых бедняков»¹¹⁹.

Мандевиль не мог ошибаться сильнее. Сегодня мы знаем, что богатство притягивает богатство, идет ли речь о людях или странах. Генри Форд знал это, и поэтому его работники получили в 1914 г. огромную прибавку — как еще они могли позволить себе купить его машины? «Бедность — великий враг человеческого счастья; она определенно уничтожает свободу и одни добродетели делает непрактичными, а другие — почти невозможными», — писал британский лексикограф Сэмюэл Джонсон в 1782 г.¹²⁰ В отличие от многих своих современников он понимал, что бедность есть не отсутствие характера, а отсутствие денег.

Крыша над головой

Озарение посетило Ллойда Пендлтона, директора Группы по работе с бездомными в Юте, в начале 2000-х. Бездомность в штате вышла из-под контроля, и тысячи людей ночевали под мостами, в парках и на улицах городов Юты. Полиции и социальным службам не хватало рук, и Пендлтон был сыт по горло. И он кое-что придумал.

В 2005 г. Юта объявила войну бездомности, но вела ее не тазерами и слезоточивым газом, как это часто бывает, а пытаясь устранить корень проблемы. Цель? Убрать всех бездомных с улиц штата. Стратегия? Бесплатное жилье.

Пендлтон начал с 17 самых жалких бомжей, каких только смог найти. Через два года, когда у бродяг появилось жилье, он стал постепенно расширять программу. Судимости, тяжелые зависимости, гигантские долги — все это не имело значения. В Юте крыша над головой стала правом.

Программа имела колоссальный успех. В то время как в соседнем Вайоминге число людей, живущих на улицах, взлетело на 213%, в Юте наблюдалось снижение хронической бездомности на 74%. И все это в ультраконсервативном штате. Движение чаепития издавна пользуется в Юте большой популярностью, да и Ллойд Пендлтон не вполне левый. «Я вырос на ранчо, где приходится много работать, — вспоминает он. — Когда-то я говорил бездомным найти работу, потому что полагал, будто это все, что им нужно»¹²¹.

Бывший управленец переменил свое мнение, узнав на одной конференции финансовые подробности. Вышло так, что раздача бесплатного жилья станет огромным облегчением для бюджета штата. Экономисты штата подсчитали, что один бродяга, живущий на улице, обходится правительству в \$16 670 в год (на социальные услуги, полицию, суды и т. д.). Квартира вместе с консультациями по вопросам приобретения профессии стоили скромные \$11 000¹²².

С цифрами не поспоришь. Сегодня штат Юта находится на пути к полному искоренению хронической бездомности, являясь, таким образом, первым штатом

в США, успешно решающим эту проблему. И при этом экономя деньги.

Как провалилось хорошее начинание

Как и в случае с бедностью, от бездомности лучше вовсе избавиться, чем просто пытаться ее регулировать¹²³. Так называемая стратегия «жилье — прежде всего» уже завоевала весь мир. Еще в 2005 г., гуляя по центру Амстердама или Роттердама, вы не могли не видеть людей, живущих на улице. Особенно сложной и дорогостоящей проблемой были бродяги, сосредоточившиеся вокруг вокзалов. Поэтому социальные работники, госслужащие и политики крупных голландских городов собрались для того, чтобы придумать, что со всем этим делать, и наметили план действий.

Бюджет: \$217 млн.

Цель: убрать бездомных с улиц.

Место: сначала Амстердам, Роттердам, Гаага и Утрехт, затем по всей стране.

Стратегия: консультирование и — конечно же — бесплатное жилье каждому.

Сроки: февраль 2006 — февраль 2014 г.

И они добились успеха! Спустя всего пару лет проблема бродяжничества в крупных городах была решена на 65%. Употребление наркотиков снизилось вдвое. Значительно улучшилось умственное и физическое здоровье

получателей жилья, и наконец-то освободились лавочки в парках¹²⁴. К октябрю 2008-го программа увела с улиц почти 6500 бездомных¹²⁵. Более того, финансовая отдача для общества вдвое превысила первоначальные вложения¹²⁶.

Затем настал финансовый кризис. Началось урезание бюджетов, возросло количество выселений. В декабре 2013 г., за три месяца до запланированного завершения программы, Центральное статистическое бюро Нидерландов выпустило мрачное сообщение для печати. Бездомность в стране была все рекорды. В крупных городах страны бездомных было больше, чем тогда, когда программа стартовала¹²⁷. И все это стоило огромных денег.

Сколько именно? В 2011 г. министерство здравоохранения Голландии решило выяснить это и сопоставило стоимость и пользу помощи бездомным (включая бесплатный приют, программы поддержки, бесплатный героин и профилактические услуги). В итоге был сделан вывод, что инвестиции в людей без определенного места жительства наиболее выгодны. Каждый евро, вложенный в борьбу с бездомностью и ее предотвращение в Голландии, оборачивается *двумя или тремя евро* экономии на социальных службах, полиции и судебных издержках¹²⁸.

«Помощь предпочтительнее и дешевле жизни на улице», — заключили исследователи. Более того, их подсчеты учитывали только экономию правительства, но, конечно же, устранение проблемы бездомности окажется выгодным и для жителей и предприятий города.

Говоря коротко, помощь бездомным — это четырежды выигрышная политика.

Полезный урок

Существует множество проблем, по поводу которых политики не устают яростно спорить, но проблема бездомности не должна быть одной из них. Ее можно решить. Более того, ее решение высвободит средства. Если вы бедны, то ваша главная беда — отсутствие денег. Если вы бездомный, вас более всего тяготит отсутствие крыши над головой. Кстати, в Европе число пустующих домов вдвое превышает число бездомных¹²⁹. В США на каждого бездомного приходится пять пустующих домов¹³⁰.

К сожалению, вместо того чтобы лечить недуг, мы все время выбираем борьбу с симптомами: полиция гоняет бездомных, врачи лечат их только затем, чтобы выгнать обратно на улицу, социальные работники заклеивают лейкопластырем их гноящиеся раны. Один бывший управленец из Юты доказал, что есть другой путь. Ллойд Пендлтон уже направил свои усилия на то, чтобы убедить Вайоминг тоже начать расселять своих бездомных. «Это мои братья и сестры, — сказал он на встрече в Каспере, Вайоминг. — Когда они страдают, мы страдаем как сообщество. Мы все взаимосвязаны»¹³¹.

Если этого недостаточно, чтобы достучаться до вашего морального чувства, подумайте о финансовой выгоде

УТОПИЯ ДЛЯ РЕАЛИСТОВ

этого решения. Ведь говорим ли мы о голландских бродягах, индийских фермерах, растящих сахарный тростник, или детях чероки — борьба с бедностью хороша не только для нашей совести, но и для наших кошельков. Как сухо замечает профессор Костелло, «это очень ценный урок для общества».

Тот, кто не помнит прошлого,
обречен прожить его вновь.

Джордж САНТАЯНА (1863–1952)

Удивительная история о президенте Никсоне и его проекте закона о базовом доходе

История — не та наука, из которой можно вынести простые уроки на каждый день. Конечно, размышления о прошлом помогают найти для наших испытаний и несчастий — от текущих кранов до национального долга — место в общей картине. В конце концов, в прошлом практически все было хуже. Но сейчас мир меняется быстрее, чем когда бы то ни было, и прошлое тоже кажется нам более далеким. Разрыв между нами и тем чуждым миром — миром, который мы едва можем понять, — все увеличивается. «Прошлое — чужбина, — писал один романист. — Там иные обычаи»¹³².

Но все же я думаю, что историки могут предложить нечто большее, чем контекст наших нынешних горестей. Чужбина, которую мы называем прошлым, позволяет нам заглянуть за горизонты того, что есть, и увидеть, что может быть. Зачем плодить теории о безусловном

базовом доходе, если можно проследить его взлет и падение в 1970-х?

Ищем ли мы новую мечту или заново открываем старую, невозможно двигаться вперед без оглядки на прошлое. Только там отвлеченное становится конкретным, позволяя нам понять, что мы уже живем в Стране изобилия. Прошлое позволяет понять одну простую, но очень существенную вещь: *все могло быть иначе*. То, как организован наш мир, не является следствием безальтернативного сценария развития. Нынешний статус-кво запросто мог сложиться в результате тривиальных, но важных поворотов истории.

Историки не верят в существование однозначных и непоколебимых законов развития и экономики; мир управляется не отвлеченными силами, а людьми, прокладывающими собственный курс. Следовательно, прошлое не только помещает настоящее в контекст, но и способно пробудить наше воображение.

Тень Спинхемленда

Если когда и случалась история, доказывающая, что все могло быть иначе и что бедность не является необходимым злом, то это история Спинхемленда, Англия.

Стояло лето 1969-го, конец десятилетия, принесшего нам лозунг «Власть цветам!» и Вудсток, рок-н-ролл и Вьетнам, Мартина Лютера Кинга и феминизм. В те времена

все казалось возможным, даже поддержка социальных пособий консервативным президентом.

Ричард Никсон не был похож на политика, который может последовать за утопической мечтой Томаса Мора, но у истории бывает странное чувство юмора. Человек, вынужденный подать в отставку с поста президента в результате Уотергейтского скандала в 1974 г., в 1969-м чуть не ввел безусловный доход для всех бедных семей. В войне с бедностью этот закон Никсона мог бы стать огромным шагом, гарантирующим семье из четырех человек получение \$1600 в год, что примерно равноценно \$10 000 в 2016 г.

Другой деятель начал осознать, к чему все это ведет — к будущему, в котором деньги станут считаться одним из основных прав. Мартин Андерсон был советником президента и яростно воспротивился этому плану. Андерсон восхищался писательницей Айн Рэнд, чья утопия строилась вокруг свободного рынка, а концепция базового дохода противоречила дорогому для него идеалу маленького правительства и личной ответственности.

Поэтому он пошел в наступление.

В день, когда Никсон намеревался обнародовать свой план, Андерсон вручил ему докладную записку. За следующие недели этот шестистраничный документ, содержащий сведения о событиях, имевших место за 150 лет до этого в Англии, совершил невозможное: он заставил Никсона передумать, а заодно с этим изменил историю.

Донесение под названием «Краткая история “Системы охраны семьи”» состояло почти целиком из выдержек

из классической книги социолога Карла Поланьи «Великая трансформация» (1944). В седьмой главе Поланьи описывает одну из первых в мире систем социальных выплат — спинхемлендскую систему, существовавшую в Англии в XIX в. Как оказалось, базовый доход имел с ней подозрительно много общего.

Поланьи ни в грош не ставил спинхемлендское начинание. По его мнению, эта система не только побуждала бедных к еще большему безделью, снижая их производительность и заработки, но и угрожала самым основам капитализма. Она «вводила такое социально-экономическое новшество, как “право на жизнь”, и вплоть до своей отмены в 1834 г. успешно противодействовала созданию конкурентного рынка труда»*, — писал Поланьи. В итоге спинхемлендская система привела к «обеднению масс», которые, согласно Поланьи, «почти потеряли человеческий облик». Он утверждал, что базовый доход — это не пол, а потолок.

Эпиграф документа, представленного Никсону, представлял собой цитату испано-американского писателя Джорджа Сантаяны: «Тот, кто не помнит прошлого, обречен прожить его вновь»¹³³.

Президент был ошарашен. Он связался со своими главными советниками и приказал им выяснить, что же произошло в Англии полутора столетиями раньше.

---

* Поланьи К. Великая трансформация. Политические и экономические истоки нашего времени. — СПб.: Алетейя, 2014. — *Прим. ред.*

Те сообщили ему первые результаты пилотных программ в Сиэтле и Денвере: люди определенно не стали работать меньше. Более того, советники отметили, что запутанная система трат на социальную сферу в Спинхемленде напоминала ту, которую унаследовал Никсон и которая на самом деле удерживала людей в порочном круге бедности.

Двое из ведущих советников Никсона, социолог и впоследствии сенатор Дэниэл Мойнихэн и экономист Милтон Фридмен, заявили, что право на доход уже существует, даже если общество заклеило его позором¹³⁴. Согласно Фридмену, «быть бедным» — значит попросту нуждаться в деньгах. Ни более ни менее.

И все же Спинхемленд отбросил тень далеко не только на события лета 1969-го. Президент изменил курс и риторику. Его план введения безусловного дохода изначально почти не предусматривал подталкивания людей к работе, но теперь Никсон начал подчеркивать важность оплачиваемой деятельности. И если обсуждение базового дохода при президенте Джонсоне началось с сообщений экспертов о бурном росте безработицы, Никсон стал говорить о неимении работы как о «выборе». Он был против Большого правительства, хотя его план предполагал предоставление денежной помощи примерно 13 млн американцев (90% из них были работающими бедняками).

«Никсон предлагал американскому народу новый вид социального обеспечения, — пишет историк Брайан Стинсленд, — но он не обозначил новых концептуальных рамок, в которых его следовало понимать»¹³⁵. И правда,

прогрессивные идеи Никсона были настояны на консервативной риторике.

Мы можем задаться вопросом: «Чего же в действительности хотел президент?» Один эпизод объясняет это. Седьмого августа того же года Никсон сказал Мойнихэну, что он читал биографии британского премьер-министра Бенджамина Дизраэли и государственного деятеля лорда Рэндольфа Черчилля (отца Уинстона Черчилля). «Тори и либеральная политика изменили мир», — заметил Никсон¹³⁶. Президент хотел изменить историю. Он считал, что у него есть редкий, исторический шанс отбросить старую систему, улучшить жизнь миллионов работающих бедняков и одержать решительную победу в войне с бедностью. Короче говоря, Никсон видел в базовом доходе долгожданный брак консервативной и прогрессивной политики.

Ему нужно было только убедить палату представителей и сенат. Для того чтобы успокоить своих коллег-республиканцев, Никсон решил внести в закон дополнительное условие: безработным получателям базового дохода надлежало зарегистрироваться в министерстве труда для получения работы. Никто в Белом доме не ждал ничего особенного от этого правила. «Мне совершенно плевать на требование о работе, — сказал Никсон за закрытыми дверьми. — Это плата за \$1600»¹³⁷.

На следующий день президент представил свой законопроект. Речь транслировали по телевидению. Если, для того чтобы протащить базовый доход через конгресс,

следовало представить социальные выплаты как стимул к работе, так тому и быть. Однако Никсон не мог предвидеть, что его риторика борьбы с ленью среди бедных и безработных в итоге настроит страну против базового дохода и государства всеобщего благоденствия в целом³⁸. Консервативный президент, который мечтал войти в историю как прогрессивный лидер, упустил неповторимую возможность преодолеть стереотип, возникший еще в Англии XIX в.: миф о лениности бедняка.

Для того чтобы развеять этот стереотип, нам нужно задаться простым вопросом: что же на самом деле было не так со Спинхемлендом?

Ирония истории

Вернемся в 1795 г.

Шесть лет Европейский континент сотрясала Французская революция. В Англии недовольство общества также достигло точки кипения. Всего двумя годами ранее молодой генерал Наполеон Бонапарт сокрушил Англию в ходе осады Тулона на юге Франции. Как будто этого было мало, страна страдала от очередного неурожая без надежды на импорт зерна с континента. С ростом цен на зерно угроза революции все приближалась к британским берегам.

В одном из районов Южной Англии люди осознали, что репрессий и пропаганды больше недостаточно для

того, чтобы сдерживать волну общественного негодования. Шестого мая 1795 г. местные мировые судьи встретились в деревенской гостинице в Спине и согласились радикально реформировать помощь неимущим. Теперь «все бедные и трудолюбивые мужчины и их семьи» должны получать доплату до прожиточного уровня, привязанного к стоимости хлеба и выплачиваемого в расчете на члена семьи¹³⁹. Чем больше семья, тем больше выплаты.

Эта программа социального обеспечения не первая в истории и даже не первая в Англии. Во времена правления королевы Елизаветы I (1558–1603) Закон о бедняках ввел две формы поддержки: одну для заслуживающих ее бедных (пожилых, детей и инвалидов), а вторую — для тех, кого надо было заставлять работать. Первых поместили в богадельни. Вторых продавали с аукциона землевладельцам, а местное правительство дополняло их заработную плату до принятого минимума. Спинхемлендская система положила конец этому разделению, совсем как через 150 лет собирался поступить Никсон. С этих пор нуждающиеся были просто нуждающимися и каждый из них имел право на поддержку.

Система быстро распространилась по югу Англии. Премьер-министр Уильям Питт Младший даже попытался превратить ее в закон. По всей видимости, она была очень успешной: голода и лишений стало меньше и, что более важно, бунт был подавлен в зародыше. Однако в тот же период стало расти сомнение: а так ли

уж мудро ли поддерживать бедных? Еще в 1786 г., за десять лет до Спинхемленда, викарий Джозеф Таунсенд в своей книге «Исследование законов о бедных» предупреждал, что «только голод может заставить их трудиться; но теперь наш закон гласит, что они никогда не будут голодать». Другой священник, Томас Мальтус, доработал идеи Таунсенда. Летом 1798-го, накануне промышленной революции, он описал «большое затруднение» на пути прогресса, которое «казалось ему непреодолимым». Он исходил из двух предпосылок: 1) для того чтобы выжить, людям необходима пища; и 2) страсть полов друг к другу неистребима.

Его вывод? Численность населения всегда будет расти быстрее, чем производство продуктов питания. Согласно благочестивому Мальтусу, половое воздержание — единственный способ предотвратить появление четырех всадников Апокалипсиса, сеющих войну, глад, мор и смерть. Мальтус был всерьез убежден в том, что Англия находится на пороге катастрофы столь же чудовищной, как черная смерть (чума), уничтожившая половину населения страны в 1349–1353 гг.¹⁴⁰

В любом случае помощь бедным грозила тяжелыми последствиями. Спинхемлендская система только поощряла бы людей вступать в браки и плодиться настолько возможно быстро и обильно. Один из близких друзей Мальтуса, экономист Дэвид Рикардо, полагал, что базовый доход также будет искушать неимущих меньше работать, что приведет к падению производства пищи

и раздует пламя революции, подобной Французской, в британских землях¹⁴¹.

В конце лета 1830 г. предсказанное восстание началось. Крича «Хлеба или крови!», тысячи сельскохозяйственных тружеников по всей стране крушили уборочные машины землевладельцев и требовали денег на жизнь. Власти ответили жестко: арестами, заключением и депортацией 2000 бунтовщиков, смертными приговорами.

Члены правительства в Лондоне поняли, что нужно что-то делать. Они инициировали изучение в национальном масштабе условий сельскохозяйственного труда, сельской бедности и самой спинхемлендской системы. Весной 1832-го правительство начало беспрецедентное по тем временам исследование, в ходе которого были опрошены сотни человек и собраны кипы данных. Итоговый отчет содержал 13 000 страниц. Но его можно было изложить всего в одном предложении: Спинхемленд оказался катастрофой.

Исследователи Королевской комиссии винили базовый доход в демографическом взрыве, снижении зарплат, возросшем аморальном поведении — то есть в полной деградации английского рабочего класса. Однако, писали они, к счастью, как только базовый доход был отменен:

- 1) бедные вновь начали трудиться;
- 2) они выработали «привычку к бережливости»;
- 3) «потребность в их труде» возросла;
- 4) оплата их труда «в общем улучшилась»;

- 5) они стали реже вступать в «неосмотрительные и несчастливые браки»;
- 6) их «моральное и общественное поведение улучшилось во всех смыслах»¹⁴².

Это был первый случай, когда правительство осуществило систематический сбор данных для принятия сложного решения. Поэтому весьма популярный и одобренный в обществе отчет королевской комиссии долго считался авторитетным источником в нарождающихся тогда социальных науках.

Даже Карл Маркс основывался на нем, проклиная спинхемлендскую систему в своем главном труде, «Капитале» (1867), 30 лет спустя. Он писал, что наниматели воспользовались помощью бедным для максимально возможного снижения оплаты труда и возложения ответственности на местное правительство. Подобно своему другу Фридриху Энгельсу Маркс видел в законах о бедноте пережиток феодального прошлого. Для освобождения пролетариата из оков бедности нужна была революция, а не базовый доход.

Критики Спинхемленда добились своего; и левые, и правые считали его ошибкой истории. Даже в XX в. такие видные мыслители, как Иеремия Бентам, Алексис де Токвиль, Джон Стюарт Милль, Фридрих Хайек и, главное, Карл Полањи, осуждали эту систему¹⁴³. Спинхемленд стал хрестоматийным примером правительственной программы, которая, несмотря на благие намерения, ведет в ад.

Сто пятьдесят лет спустя

Но это еще не вся история.

В 1960–1970-х гг. историки снова взглянули на отчет королевской комиссии о Спинхемленде и обнаружили, что большая часть текста в нем была написана еще до того, как были собраны какие бы то ни было данные. Из распространенных опросников лишь 10% были заполнены. Более того, вопросы в них были наводящими, с заранее заданными вариантами ответов. Среди респондентов почти не было получателей помощи. Свидетельства, если их позволительно так называть, поступали по большей части от местной элиты, особенно духовенства, на чей взгляд бедняки лишь становились все подлее и ленивее.

Отчет королевской комиссии, в основном сфабрикованный, стал основой нового драконовского закона о бедняках. Говорят даже, что у секретаря комиссии Эдвина Чедвика «план сложился в голове» еще до начала исследования, но ему хватило хитрости сначала найти ему обоснование. Чедвику также посчастливилось иметь «восхитительную способность» добиваться от свидетелей тех слов, которые были ему нужны, совсем как «французский повар может сделать прекрасное рагу из пары ботинок», если верить его коллегам по комиссии¹⁴⁴.

Авторы отчета почти вовсе не озаботились анализом данных, хотя и воспользовались «сложной структурой приложений для придания веса своим “открытиям”»,

отмечают два современных исследователя¹⁴⁵. Их подход кардинально отличался от того, который применялся в ходе экспериментов в США и Канаде в 1960-х и 1970-х гг. (см. главу 2). Эти эксперименты были дотошными и новаторскими, но почти не оказали влияния, в то время как отчет королевской комиссии являлся подделкой, но умудрился изменить курс президента Никсона полтора века спустя.

Еще одно, более недавнее, исследование показало, что спинхемлендская система на самом деле дала положительные результаты. Мальтус ошибался насчет демографического взрыва, который объяснялся главным образом растущим спросом на детский труд. В то время дети были своего рода ходячими копилками, а их доходы — некими пенсионными программами родителей. Даже сегодня, как только популяция освобождается от бедности, рождаемость в ней падает, и люди находят другие способы вложения в свое будущее¹⁴⁶.

В анализе Рикардо тоже содержал ошибки. Спинхемлендская система не была ловушкой, не дававшей вырваться из нищеты, и наемные работники сохраняли свое пособие — по крайней мере частично — даже при росте доходов¹⁴⁷. Как таковой, базовый доход не породил бедность, и его ввели именно в тех районах, где жилось особенно тяжело¹⁴⁸. Волнения в сельской местности произошли вследствие решения 1819 г. вернуться к довоенному золотому стандарту по совету — какое совпадение! — Дэвида Рикардо¹⁴⁹.

Маркс и Энгельс тоже заблуждались. В условиях конкуренции между землевладельцами за рабочую силу заработные платы попросту не могли снижаться. Вдобавок современные исторические исследования выявили, что влияние спинхемлендской системы было слабее, чем предполагалось. Деревни, где она не действовала, точно так же страдали из-за золотого стандарта, прихода промышленности с севера, изобретения молотильных машин. Эти машины, буквально отделяющие зерна от плевел, одним махом уничтожили тысячи рабочих мест, что привело к уменьшению заработных плат и увеличению расходов на помощь бедным.

И все это время устойчивый рост производства сельскохозяйственной продукции был непрерывным и составлял около 30% в год с 1790 по 1830 г.¹⁵⁰ Еды было как никогда много, но доля тех, кто мог ее себе позволить, все время сокращалась. Не из-за лени, а из-за конкуренции с машинами.

Гнусная система

В 1834-м спинхемлендская система была навсегда отменена. Восстание 1830 г., которое, вероятно, случилось бы раньше, если бы не базовый доход, определило судьбу пробных денежных выплат, а вину за бедность возложили на самих бедных. Если до этого Англия тратила

на помощь бедным 2% национального дохода, то после 1834-го этот показатель упал до 1%¹⁵¹.

Новый закон о бедняках ввел, вероятно, самую гнусную форму «социального обеспечения», которую только видел мир. Полагая, что работные дома — единственное действенное средство от лени и развращенности, королевская комиссия принудила бедных к бессмысленному рабскому труду — от дробления камней до ходьбы по топчаку. И все это время бедняки голодали. В городке Андовер люди даже глодали кости, которые им полагалось молоть на удобрение.

При попадании в работный дом супруги разлучались, у родителей отбирали детей, которых они больше никогда не видели. Женщин морили голодом, чтобы предотвратить беременность. Чарльз Диккенс прославился благодаря описанию положения бедняков тех времен. «Пожалуйста, сэр, можно добавки?» — говорит маленький Оливер Твист в богадельне, где мальчики получают три порции овсянки на воде в день, две луковицы в неделю и ломоть хлеба по воскресеньям. Не помощь бедным, а именно эти кошмарные работные дома позволили нанимателям удерживать оплату на столь низком уровне.

Тем временем миф о Спинхемленде сыграл ключевую роль в распространении идеи свободного, саморегулирующегося рынка. Согласно двум современным историкам, он помог «прикрыть первый большой политический провал новой науки, политической экономии»¹⁵². Лишь после Великой депрессии стало ясно, насколько близорукой

была одержимость Рикардо золотым стандартом. В конце концов идеальный, саморегулирующийся рынок оказался иллюзией.

Спинхемлендская система, напротив, была действенным способом решения проблемы бедности. В мире, менявшемся с головокружительной скоростью, она служила защитой. «Система не только не мешала, но, вероятно, даже способствовала росту экономики» — вот вывод более позднего исследования¹⁵³. Саймон Шретер, историк из Кембриджского университета, даже утверждает, что законодательство против бедности сыграло свою роль в возвышении Англии до мировой сверхдержавы. Согласно Шретеру, предоставив рабочим гарантию получения дохода и увеличив их мобильность, старый закон о бедных и спинхемлендская система сделали английское сельское хозяйство самым эффективным в мире¹⁵⁴.

Пагубный миф

Политиков время от времени упрекают в том, что они недостаточно интересуются историей. Однако в данном случае Никсон увлекся ею чрезмерно. Даже через полтора столетия после фатального отчета спинхемлендский миф продолжал жить и здравствовать. Когда законопроект Никсона провалился в сенате, консервативные мыслители начали бранить государство всеобщего благоденствия, приводя все те же ошибочные аргументы, что и в 1834 г.

Эти аргументы прозвучали и в «Богатстве и бедности» — супербестселлере, в котором бедность характеризовалась как моральная проблема, коренящаяся в лени и слабохарактерности. (Его автора, Джорджа Гилдера, Рональд Рейган цитировал наиболее часто.) Несколько лет спустя ими воспользовался консервативный социолог Чарльз Мюррей в своей влиятельной книге «Потеря опоры» (*Losing Ground*), где он переработал спинхемлендский миф¹⁵⁵. Правительственная поддержка, писал Мюррей, лишь подорвет половую мораль и рабочую этику бедных.

Опять сплошь Таунсенд и Мальтус, но, как верно замечает один историк, «где бы вы ни нашли бедных людей, вы встретите и небедных, теоретизирующих о культурной неполноценности бедняков и их неспособности к действию»¹⁵⁶. Даже бывший советник Никсона Дэниэл Мойнихэн разуверился в базовом доходе, когда выяснилось, что в ходе реализации пилотной программы в Сиэтле подскочила частота разводов, что позже оказалось математической ошибкой¹⁵⁷. Президент Картер, одно время увлекавшийся этой идеей, тоже разочаровался в ней.

Преданный последователь Айн Рэнд Мартин Андерсон чувял победу. «Радикальная реформа социальных пособий — неосуществимая мечта», — ликовал он на страницах *New York Times*¹⁵⁸. Пришло время отринуть старое государство всеобщего благоденствия, подобно тому как был отвергнут старый английский Закон о бедняках в 1834 г. В 1996-м президент от Демократической партии

Билл Клинтон отказался поддерживать жизнь «государства всеобщего благоденствия, каким мы его знали». Впервые с момента принятия Закона о социальной защите в 1935 г. помощь бедным вновь стала считаться услугой, а не правом. «Личная ответственность» стала модным словосочетанием. Способность общества к самосовершенствованию уступила место самосовершенствованию личности и воплотилась в распределении \$250 млн на «обучение целомудрию» матерей-одиночек¹⁵⁹. Почтенному Мальтусу это понравилось бы.

Среди немногих несогласных был постаревший Дэниэл Мойнихэн — не потому, что спинхемлендская система была так хороша, но потому, что она была лучше, чем ничего¹⁶⁰. Забыв о своих прежних опасениях, Мойнихэн предсказал, что детская бедность будет расти, если и дальше уничтожать государство всеобщего благоденствия. «Им должно быть стыдно, — сказал он о правительстве Клинтона. — История устыдит их»¹⁶¹. Тем временем уровень детской бедности в США вновь поднялся до уровня 1964 г., когда начинались война с бедностью и карьера Мойнихэна.

Уроки истории

Но все могло быть иначе...

Историк Брайан Стинсленд из Принстонского университета тщательно проследил взлет и падение базового

дохода в США и подчеркивает, что, если бы сенат одобрил никсоновский законопроект, последствия были бы огромны. Программы государственной помощи больше не рассматривались бы как потворство ленивым пройдохам. Исчезло бы деление бедных на «заслуживающих» и «незаслуживающих». Коренящееся в старом елизаветинском Законе о бедных, это историческое разделение по сей день является одним из главных препятствий на пути к миру без бедности. Базовый доход мог бы отменить его, гарантировав всем минимальный достаток¹⁶². Пойди США, богатейшее государство мира, этим путем, — другие страны, без сомнения, последовали бы за ними.

Но история сделала другой поворот. Старые доводы в поддержку базового дохода (прежняя система неэффективна, дорога, унижительна) стали использоваться против государства всеобщего благоденствия в целом. Тень Спинхемленда и ошибочная риторика Никсона заложили основы для сокращения выплат во времена Рейгана и Клинтона¹⁶³.

Сегодня идея базового дохода для всех американцев, по словам Стинсленда, «немыслима», как в прошлом были немислимы «право голосовать для женщин и равные права расовых меньшинств»¹⁶⁴. Неужели мы когда-нибудь сможем отказаться от догмы, что, если хочется денег, придется их заработать? То, что столь консервативный президент, как Ричард Никсон, еще совсем недавно подумывал о введении базового дохода, кажется, испарилось из коллективной памяти.

Государство всеобщего шпионажа

Как отмечал один из величайших авторов XX в., в первую очередь в бедности открывается ее особенная «жалкость». Джордж Оруэлл, который и сам, бывало, жил в нищете, знал, о чем говорит. В своих мемуарах «Фунты лиха в Париже и Лондоне» (1933) он пишет: «Думалось, простота — нет, поразительные сложности. Думалось, кошмар — нет, унылая серая скука»*.

Оруэлл вспоминает, как проводил целые дни, попросту лежа в постели, потому что не было ради чего вставать. Суть бедности в том, что в ней «будущее исчезает»; остается только выживать здесь и сейчас, утверждает писатель. Он удивляется: «Любопытна человеческая уверенность в праве поучать, наставлять вас на путь истинный, едва доход ваш падает ниже определенной суммы».

Сегодня каждое слово Оруэлла актуально как никогда. В последние десятилетия наши государства всеобщего благоденствия становятся все более похожими на государства всеобщего шпионажа. Пользуясь тактиками Большого брата, Большое правительство принуждает нас жить в Большом обществе. Недавно развитые страны удвоили усилия по ведению «активизирующей» политики для безработных, которая предполагает множество разнообразных мер от семинаров по устройству на работу до запретов собирать отбросы и от разговорной психотерапии

---

* Оруэлл Дж. Фунты лиха в Париже и Лондоне. — СПб.: Азбука-классика, 2005. — *Прим. ред.*

до семинаров по использованию LinkedIn. Неважно, что на каждое рабочее место подано по десять заявлений, — проблему все время объясняют не спросом, а предложением. Иными словами, тем, что безработный не развил свои «навыки устройства на работу» или просто недостаточно постарался.

Примечательно, что экономисты всегда осуждали такого рода программы для безработных¹⁶⁵. Некоторые программы помощи по устройству на работу даже *продлевают* период, в течение которого человек остается безработным¹⁶⁶, а стоимость услуг социальных работников, помогающих найти место, зачастую превышает размер пособия по безработице. В долгосрочной перспективе государственный надзор такого рода обойдется еще дороже. Когда вся рабочая неделя уходит на посещение бессмысленных семинаров и бездумное выполнение заданий, в конце концов остается меньше времени на воспитание детей, образование и поиски настоящей работы¹⁶⁷.

Представьте себе: безработная женщина с детьми тратит часть пособия из-за того, что она не развила в достаточной степени навыки поиска работы. Государство экономит пару тысяч долларов, но скрытые траты на детей — которые из-за этого вырастут бедными, будут плохо питаться, неудовлетворительно учиться в школе и с большей вероятностью иметь проблемы с законом — во много раз выше.

На самом деле консервативная критика старого государства-няньки бьет не в бровь, а в глаз. Нынешняя

бюрократическая волокита держит людей в бедности. На самом деле она является *причиной* их зависимости. В то время как от наемных работников ждут проявления их сильных сторон, социальные службы требуют, чтобы заявители продемонстрировали свои слабости: доказывали вновь и вновь, что их болезнь достаточно изнурительна, что депрессия достаточно тяжела, что шансы получить работу достаточно малы. В противном случае пособие урежут. Анкеты, беседы, проверки, обращения, оценки, консультации, еще анкеты — каждое прошение о помощи подается в соответствии со своими унижительными, стоящими денег инструкциями. «То, как растаптываются конфиденциальность и самоуважение, невообразимо для людей, которым не приходится сталкиваться с системой пособий, — говорит один социальный работник из Британии. — Это ядовитый туман подозрения»¹⁶⁸.

Идет не война с бедностью, а война с бедными. Нет более верного способа превратить находящихся на нижней ступени общества — в том числе таких гениев, как Оруэлл, — в легион ленивых, разочарованных и даже агрессивных бездельников и нахлебников. Их учат именно этому. Если и есть что-то общее у нас, капиталистов, с коммунистами прежних времен, так это патологически навязчивая идея об оплачиваемой работе. Так же как в советскую эру магазины нанимали «трех продавцов, чтобы продать кусок мяса», мы заставляем просителей помощи выполнять бессмысленные задания, даже если это делает нас банкротами¹⁶⁹.

ГЛАВА 4

Будь то капитализм или коммунизм — все сводится к бессмысленному разделению бедных на два типа и неверному представлению, от которого мы едва не освободились около 40 лет назад, — заблуждению, будто жизнь без бедности — это привилегия, которую нужно заработать, а не право, которого мы все заслуживаем.

Валовый внутренний продукт... является
мерой всего... за исключением того, ради
чего стоит жить.

РОБЕРТ КЕННЕДИ (1925–1968)

Новые цифры новой эры

Э то началось в 14:45 — с подземных толчков, зародившихся на глубине около семи километров. Половина из них по силе превышала те, что случались в последние 50 с лишним лет. Сейсмографы за 70 километров словно походили с ума, показывая девять баллов по шкале Рихтера. Меньше чем через полчаса первые волны ударили в берега Японии — семь, 15, 20 метров высотой. За несколько часов почти четыре тысячи квадратных километров земли были погребены под грязью, обломками и водой.

Погибло около 20 000 человек.

«Экономика Японии рухнет!» — предвещал заголовок *Guardian* вскоре после катастрофы¹⁷⁰. Через несколько месяцев Всемирный банк оценил ущерб в \$235 млрд, что сравнимо с ВВП Греции. Землетрясение в Сендае 11 марта 2011 г. вошло в историю как самая разорительная катастрофа из когда-либо происходивших.

Но на этом рассказ не заканчивается. В день землетрясения американский экономист Ларри Саммерс выступил

по телевидению с заявлением о том, что эта трагедия неожиданным образом поспособствует подъему японской экономики. Конечно, в краткосрочной перспективе произойдет спад производства, но спустя пару месяцев восстановительные усилия подхлестнут спрос, занятость населения и уровень потребления.

И Ларри Саммерс был прав.

Пережив небольшой спад в 2011 г., в 2012-м экономика страны выросла на 2%; в 2013-м показатели продолжили улучшаться. Япония переживала влияние устойчивого закона экономики, который гласит, что у любого бедствия есть светлая сторона — хотя бы для ВВП.

То же и с Великой депрессией. Соединенные Штаты только начали выползать из кризиса, когда разразилась крупнейшая катастрофа прошлого века, Вторая мировая война. Или возьмите наводнение, унесшее жизни почти двух тысяч жителей моей родины Нидерландов в 1953-м. Восстановление после этой катастрофы придало развитию голландской экономики огромный импульс. В начале 1950-х ситуация в промышленности страны была тяжелой, а затопление больших территорий на юго-западе привело к ежегодному росту на 2–8%. «Мы вытянули себя из трясины за собственные шнуры» — так выразился по этому поводу один историк¹⁷¹.

Что мы видим?

Так следует ли нам приветствовать стихийные бедствия? Сравнивать с землей целые жилые массивы? Взрывать заводы? Это могло бы быть отличным средством от безработицы и чудом для экономики.

Но прежде чем волноваться, следует вспомнить, что не всякий согласится с подобным ходом мысли. В 1850 г. философ Фредерик Бастиа сочинил эссе *Се qu'on voit et ce qu'on ne voit pas*, что приблизительно означает: «Что мы видим, а чего не видим»¹⁷². Он говорит, что с определенной точки зрения разбить окно — отличная идея. «Если предположить, что надо истратить шесть франков для починки стекла и что этим хотят сказать, что благодаря этому случаю стекольная промышленность получила шесть франков, и что на эти шесть франков ей оказано поощрение, то я буду вполне согласен с этим рассуждением... Придет стекольщик, исполнит свое дело, возьмет шесть франков, потрет руки от удовольствия...»

Се qu'on voit.

Но Бастиа понимал, что эта теория не учитывает того, что мы не видим. Положим (вновь), что министерство юстиции сообщает о 15-процентном росте активности на улицах. Вполне естественно, что вам захочется узнать, что именно там происходит. Пикник у соседей или публичные обнажения? Уличные музыканты или уличные грабители? Лотки с лимонадом или разбитые окна? Какова *природа* происходящей активности?

Именно этого ВВП, священная для современного общества мера прогресса, не измеряет.

Се qu'on ne voit pas.

Чего мы не видим?

Валовый внутренний продукт. Так что же это такое? Ну, это просто, скажете вы: ВВП является суммой всех товаров и услуг, производимых страной, с учетом сезонных колебаний, инфляции и, может быть, покупательной способности.

На что Бастиа ответил бы: вы упускаете из виду существенные части картины. Коммунальные услуги, чистый воздух, бесплатные газовые баллоны для дома — все это ничуть не повышает ВВП. Если женщина-предприниматель выйдет замуж за своего уборщика, то ВВП упадет, так как ее муж станет заниматься работой по дому бесплатно. Или возьмем Wikipedia. Люди вкладывают в нее свое время, а не деньги, и она оставила старую добрую Британскую энциклопедию далеко позади, заодно чуть снизив ВВП.

Некоторые страны при вычислении ВВП все же учитывают свою теневую экономику. К примеру, ВВП Греции подскочил на 25%, когда в 2006 г. статистики занялись черным рынком этой страны, тем самым позволив ее правительству получить несколько солидных кредитов незадолго до того, как в Европе разразился долговой кризис.

Италия стала включать в ВВП свой черный рынок еще в 1987 г. — ее экономика взмыла на 20% за сутки. «По Италии прокатилась волна эйфории после изменения экономистами формулы статистического расчета и включения в нее внушительной подпольной экономики, связанной с уклонением от уплаты налогов и использованием труда нелегальных работников»¹⁷³, — писали в *New York Times*.

И это не считая бесплатный труд, от волонтерской работы и ухода за детьми до готовки, — он даже не является частью черного рынка и составляет более половины того, что мы делаем. Конечно, мы можем нанять уборщиков и нянек, и в этом случае ВВП возрастет, но все-таки большую часть этой работы мы выполняем сами. Если учесть всю эту бесплатную деятельность, экономика вырастет, причем рост будет происходить в диапазоне от 37% (в Болгарии) до 74% (в Соединенном Королевстве)¹⁷⁴. Однако, как отмечает экономист Диана Койл, «обычно официальные статистические учреждения никогда этим себя не обременяли, наверное, потому, что этот труд выполняли главным образом женщины»¹⁷⁵.

И пока мы об этом говорим, одна лишь Дания когда-либо пыталась учитывать в своем ВВП цену кормления грудью. И сумма непустяковая: в США потенциальный вклад грудного молока был оценен в невероятные \$110 млрд в год¹⁷⁶, что сопоставимо с военным бюджетом Китая¹⁷⁷.

ВВП также плохо учитывает влияние научного прогресса. Наши компьютеры, видеокамеры и телефоны

умны, быстры и броски как никогда, но еще они невероятно дешевы, так что их роль трудно оценить¹⁷⁸. Когда-то за гигабайт энергонезависимой памяти пришлось бы выложить \$300 000, сегодня он стоит меньше четверти доллара¹⁷⁹. Эти ошеломляющие технологические новшества для ВВП все равно что карманная мелочь. Экономика может даже сокращаться из-за бесплатных продуктов (таких, как сервис звонков Skype, который стоит телекоммуникационным компаниям целое состояние). Сегодня у среднего африканца с мобильным телефоном есть доступ к большему количеству сведений, чем было у президента Клинтона в 1990-х, но доля информационного сектора в экономике последние 25 лет, с доинтернетовской поры, оставалась неизменной¹⁸⁰.

Не замечая много хорошего, ВВП еще и растет от всевозможных людских страданий. Затор машин на перекрестке, злоупотребление наркотиками, супружеская неверность? Да это золотые жилы для автозаправок, центров реабилитации и адвокатов по разводам. Будь вы ВВП, то для вас идеальным гражданином был бы больной раком заядлый игрок, озабоченный своим затяжным бракоразводным процессом и справляющийся с ним с помощью горстей прозака и истерического шопинга в «черную пятницу». Экологический ущерб сказывается даже дважды: одна компания делает кучу денег, загрязняя окружающую среду, а другая — прибирая за первой. И напротив, столетнее дерево не считается, пока вы его не срубили и не продали на древесину¹⁸¹.

Психические заболевания, ожирение, загрязнение, преступность — для ВВП чем их больше, тем лучше. Поэтому-то страна с самым высоким ВВП на душу населения, Соединенные Штаты, также имеет самые большие проблемы социального характера. «С точки зрения ВВП, — говорит писатель Джонатан Роу, — худшими семьями в Америке являются те, что и в самом деле ведут себя как семьи — сами себе готовят еду, прогуливаются после обеда и разговаривают друг с другом, а не просто отдают своих чад на откуп коммерческой культуре»¹⁸².

ВВП точно так же безразличен к неравенству, которое велико в большинстве развитых стран, и к долгам, из-за чего становится соблазнительным жить в кредит. В последнем квартале 2008 г., когда чуть не обрушилась глобальная финансовая система, британские банки росли как никогда быстро. На пике кризиса их доля в ВВП Великобритании составляла 9%, что почти равно доле всей обрабатывающей промышленности. Еще в 1950-х их вклад был практически нулевым.

В 1970-х статистики решили, что будет хорошей идеей измерять «производительность» банков исходя из рисков. Чем больше рискует банк, тем выше его доля в ВВП¹⁸³. Неудивительно, что банки стали стремиться раздавать побольше кредитов, подстрекаемые политиками, которые верили, что доля финансового сектора ценна ничуть не менее, чем доля производственного. «Если бы банковская деятельность вычиталась из ВВП, а не прибавлялась к нему, — писали недавно в *Financial Times*, — можно

было бы предположить, что финансового кризиса бы не произошло»¹⁸⁴.

Исполнительные директора, безрассудно раздающие ипотеки и деривативы ради миллионных бонусов, вносят более значительный вклад в ВВП, чем школа со всем штатом учителей или завод вместе с автомеханиками. Мы живем в мире, где, похоже, установилось странное правило: чем важнее ваше занятие для жизни (уборка, кормление грудью, обучение), тем меньше ваш вклад в ВВП. Как сказал в 1984 г. нобелевский лауреат Джеймс Тобин, «все больше наших ресурсов, включая лучших представителей молодежи, мы бросаем в финансовую деятельность, далекую от производства товаров и услуг, — деятельность,

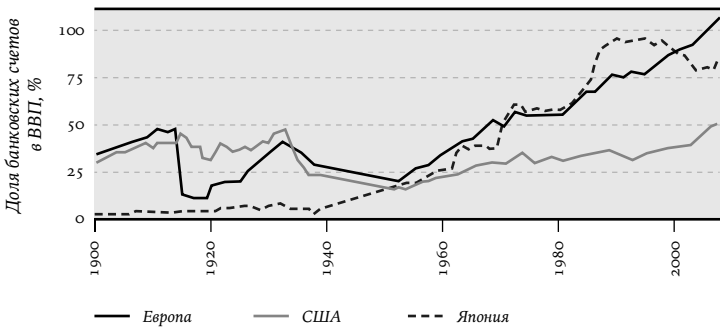

Рис. 6. Рост банковского сектора

На этом графике показано кредитование домохозяйств и организаций, не входящих в финансовый сектор. «Европа» — среднее значение для Дании, Англии, Франции, Германии, Италии, Нидерландов, Испании и Швеции.

Источник: Шуларик и Тейлор (2012)

приносящую большую личную прибыль, несоотносимую с ее общественной пользой»¹⁸⁵.

Другие времена — другие показатели

Не поймите меня неправильно — во многих странах экономический рост, социальные пособия и здравоохранение счастливо идут рука об руку. Это происходит там, где еще есть кого накормить и для кого строить дома. Но отдавать приоритет не росту, а другим целям — привилегия богатых. Большинство населения земли предпочитает деньги. «В нашем обществе, — сказал Оскар Уайльд, — единственный лишь класс помышляет о деньгах более, чем богатые: это бедняки»¹⁸⁶.

Тем не менее наше долгое историческое путешествие по Стране изобилия подошло к концу. Уже более 30 лет нам не становится лучше от роста, порой даже весьма наоборот. Если мы хотим повысить качество нашей жизни, нам придется приняться за поиски других способов и других мер.

Идея, будто ВВП по-прежнему является точной мерой общественного благосостояния, — один из самых распространенных мифов нашего времени. Даже политики, которые спорят между собой буквально обо всем, всегда соглашаются на том, что ВВП должен расти. Рост — это хорошо. Хорошо для занятости, для покупательной способности, а также и для нашего правительства: оно сможет больше потратить.

Современная журналистика была бы невозможна без ВВП, поскольку пользуется последними данными о росте национальной экономики как своего рода отчетами правительства. Падение ВВП ведет к рецессии, в серьезных случаях — к депрессии. На самом деле ВВП — как раз то, что нужно журналисту: регулярно публикуемые точные цифры плюс повод процитировать эксперта. Важнее всего то, что ВВП — понятный критерий. Справляется ли правительство со своей задачей? Как дела у нашей страны? Стала ли жизнь немного лучше? Без паники, у нас есть последние данные о ВВП, они скажут нам все, что нужно.

При всей одержимости ВВП, трудно поверить в то, что всего 80 лет назад его еще даже не придумали.

Конечно, человек стремился измерять богатство издавна, еще со времен напудренных париков. Экономисты, известные в ту эпоху как физиократы, полагали, что все богатство производится землей, и, следовательно, были озабочены главным образом урожайностью. В 1665 г. англичанин Уильям Петти впервые попытался оценить то, что он назвал национальным доходом. Он стремился выяснить, насколько Англия может увеличить налоговые поступления в свою казну и, значит, как долго она будет в состоянии финансировать войну с Голландией. В отличие от физиократов Петти полагал, что истинное богатство идет не от земли, а от заработной платы. Таким образом, рассуждал он, зарплаты следует обложить более высокими налогами. (Так уж сложилось, что Петти был богатым землевладельцем.)

Британский политик Чарльз Давенант также интересовался темой национального дохода. В 1695 г. он опубликовал очерк под однозначным названием «О способах и средствах обеспечения войны». Исследования подобного рода дали Англии значительное преимущество в ее соперничестве с Францией. Королю же Франции пришлось дожидаться конца XVIII в., чтобы получить собственную экономическую статистику. В 1781-м его министр финансов Жак Неккер представил *Compte rendu au roi* (Финансовый отчет королю) Людовику XVI, находившемуся тогда уже на грани банкротства. И хотя этот документ позволил французскому монарху получить еще несколько кредитов, остановить революцию 1789 г. было уже невозможно.

Термин «национальный доход» никогда не имел твердого значения, его определение менялось вместе с интеллектуальными течениями и требованиями момента. В каждую эру бытовали свои идеи о том, чем определяется богатство страны. Возьмем Адама Смита, отца современной экономической науки, полагавшего, что богатство наций коренится не только в сельском хозяйстве, но и в производстве. А рынок услуг — сектор, охватывающий всех от артистов до юристов и составляющий около двух третей современной экономики, — по мнению Смита «ничего не добавляет к стоимости»¹⁸⁷.

Тем не менее по мере того, как денежные потоки переходили от ферм к заводам, а затем к конвейерам и офисным небоскрегам, цифры, отражавшие размер этого

богатства, менялись соответствующим образом. Первым, кто заявил, что важна не *природа*, а *цена* продукции, был экономист Альфред Маршалл (1842–1924). По его мнению, кино с Пэрис Хилтон, один час «Берегов Джерси» и бутылка лаймового пива способны поддержать рост благосостояния страны — лишь бы они имели ценник.

Но всего 80 лет назад, когда перед президентом США Гербертом Гувером стояла задача побороть Великую депрессию, располагая только набором различных показателей вроде долей рынка, цены железа и количества транспорта на дорогах, это казалось невозможным. Даже самый значимый показатель — «индекс доменных печей» — был всего лишь громоздким обобщением, пытающимся определить уровень производительности в сталелитейной промышленности.

Если бы Гувера спросили о том, как обстоят дела «в экономике», он был бы озадачен. И не только из-за отсутствия нужного показателя, но и потому, что президент не имел понятия о современном значении слова «экономика». В конце концов, «экономика» — лишь идея, и эту идею еще предстояло сформулировать и обосновать.

В 1931 г. конгресс созвал ведущих статистиков страны и обнаружил, что все эти специалисты не способны ответить даже на основные вопросы о состоянии дел в стране. Они четко понимали, что ситуация в корне неблагоприятна, но их последние надежные показатели относились еще к 1929-му. Было ясно, что количество бездомных растет и что компании банкротятся направо

и налево, но никто не представлял себе истинного масштаба проблемы.

За несколько месяцев до этого президент Гувер приказал, чтобы работники министерства торговли разъехались по стране и изучили обстановку на местах. Те возвратились в основном с непроверенными данными, согласующимися с убеждениями самого Гувера, будто восстановление экономики уже не за горами. Это, однако, не убедило конгресс. В 1932 г. он поручил Саймону Кузнецу, талантливому молодому профессору родом из России, ответить на простой вопрос: как много мы можем производить?

За несколько следующих лет Кузнец заложил основы того, что в дальнейшем получит название ВВП. Первоначальные расчеты ученого вызвали восторженные отклики, а его представленный конгрессу отчет, будучи опубликован, стал национальным бестселлером (и повысил ВВП, поскольку продавался по цене 20 центов за экземпляр). Вскоре нельзя было включить радио без того, чтобы услышать о «росте национального дохода» или «спаде экономики».

Важность ВВП трудно переоценить. В сравнении с его ролью бледнеет даже значение атомной бомбы, если верить некоторым историкам. Как оказалось, ВВП является превосходным мерилom мощи нации в военное время. «Лишь тому, кто лично участвовал в экономической мобилизации времен Первой мировой войны, понятно, сколькими путями и как сильно оценки национального дохода на протяжении 20 лет облегчили нашу борьбу

во Второй мировой войне», — писал директор Национального бюро экономических исследований США Уэсли Митчел вскоре после войны¹⁸⁸.

Точные показатели порой могут оказаться вопросом жизни и смерти. В своем очерке 1940 г. «Как оплатить войну» (How to Pay for the War) Кейнс жаловался на ненадежность британской статистики. Гитлеру тоже не доставало цифр, необходимых для подъема экономики Германии. Лишь в 1944-м, когда русские совершили прорыв на Восточном фронте, а союзники высадились на Западе, немецкая экономика достигла максимальной производительности¹⁸⁹.

К этому времени американский ВВП, за измерение которого Кузнец получит Нобелевскую премию, уже одержал победу.

Совершенный показатель

После депрессии и войны ВВП — хрустальный шар наций, самый показательный из всех показателей — превратился в мерило прогресса. И теперь его задачей стало не усиление военного потенциала, а укоренение общества потребления. «Во многом подобно космическому спутнику, способному наблюдать за погодой на целом континенте, ВВП может дать общую картину состояния экономики», — писал экономист Пол Сэмюэльсон в своем учебнике *Economics*. «Без измерения таких агрегированных показателей, как

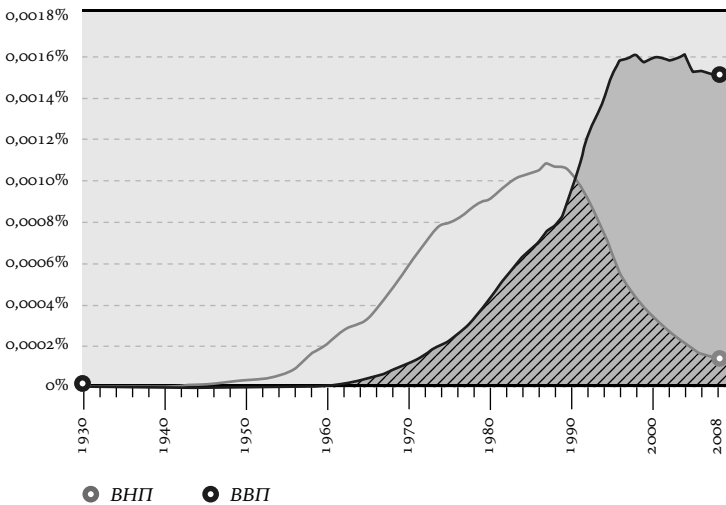
ВВП, те, кто определяет политику, будут вынуждены дрейфовать в море неорганизованных данных, — продолжает он. — ВВП и связанные с ним данные подобны маякам, позволяющим политикам направлять экономику к ключевым экономическим целям»¹⁹⁰.

В начале XX в. правительство США наняло одного-единственного экономиста, а если точнее — «экономиста-орнитолога», чья работа заключалась в изучении птиц. Спустя менее чем 40 лет Национальное бюро экономических исследований платило зарплату примерно 5000 экономистов в современном смысле этого термина. В их числе были и Саймон Кузнец и Милтон Фридмен, одни из важнейших мыслителей своего века¹⁹¹. Во всем мире экономисты начали играть доминирующую роль в политике. Большинство из них получили образование в США, стране — колыбели ВВП, где в моду вошла новая форма экономики, основанная на моделях, уравнениях и числах. Многих, многих числах.

Это была совершенно иная форма экономики по сравнению с той, что Джон Мейнард Кейнс и Фридрих Хайек изучали в школе. В 1900 г. люди, говоря об «экономике», обычно подразумевали просто «общество». В 1950-х же возникло новое поколение технократов, придумавших совершенно новую цель: «экономика» должна «расти». Что более важно, они думали, будто знают, как этого добиться.

До изобретения ВВП об экономистах редко вспоминали в прессе, но в годы после Второй мировой войны

на них начали ссылаться авторы множества статей. Экономисты освоили трюк, никому более не доступный: управление действительностью и предсказание будущего. Экономике все более стали воспринимать как механизм, перемещая рычаги которого политики могут вызывать «рост». В 1949 г. изобретатель и экономист Билл Филлипс

Рис. 7. Распространенность терминов «ВНП» и «ВВП» в англоязычных книгах, опубликованных в 1930–2008 гг.

Поначалу чаще использовался показатель *ВНП* — *валовой национальный продукт* (*GNP, gross national product*), но в 1990-х его обошел *ВВП* (*GDP, gross domestic product*). *ВНП* отражает всю экономическую деятельность страны (в том числе за рубежом), а *ВВП* учитывает экономическую деятельность только внутри страны (включая предприятия других государств). В большинстве стран разрыв между *ВВП* и *ВНП* составляет не более нескольких процентов.

Источник: Google Ngram

даже соорудил настоящую машину из пластиковых контейнеров и труб, олицетворявшую экономику; перекачиваемая по ней вода символизировала потоки федеральных средств.

Как объясняет один историк, «первое, что вы, будучи молодой нацией, предпримете в 1950-х или 1960-х гг., — это открытие национальной авиалинии, создание национальной армии и измерение ВВП»¹⁹². Но выполнение последнего пункта становилось все более хитрым делом. В 1953 г., когда ООН опубликовала первое стандартное руководство по расчету ВВП, оно состояло из менее чем полусотни страниц. В последней редакции, изданной в 2008-м, 722 страницы. И хотя этот документ склоняют в СМИ на все лады, мало кто действительно понимает, как же вычисляется ВВП. Даже многие профессиональные экономисты понятия об этом не имеют¹⁹³.

Для того чтобы измерить ВВП, необходимо учесть многочисленные данные и принять сотни совершенно субъективных решений относительно того, что считать, а что игнорировать. Несмотря на такую методологию, определение ВВП относят к точным наукам, а его мельчайшие колебания способны привести к новым выборам в органы власти или к краху политической карьеры. И все же эта кажущаяся точность иллюзорна. ВВП не является четко обозначенным объектом, ждущим, когда его «измерят». Измерение ВВП — это попытка измерить идею.

Отличную идею, следует признать. Нельзя отрицать то, что ВВП пришелся очень кстати в военное время, когда

враг был у ворот и само существование страны зависело от производительности, от выпуска как можно большего количества танков, самолетов, бомб и гранат. В военное время совершенно оправданно брать в долг у своего будущего. В военное время есть смысл загрязнять среду и влезать в долги. И даже может оказаться, что стоит пренебречь семьей, отправить детей работать на конвейере, пожертвовать своим свободным временем и забыть обо всем, что делает жизнь достойной.

В самом деле, в военное время нет критерия более полезного, чем ВВП.

Альтернативы

Однако дело в том, что война закончилась. Наше стандартное представление о прогрессе — порождение другой эры и других задач. Статистика больше не отражает состояния нашей экономики. И у этого есть последствия. В каждую эру нужны свои цифры. В XVIII в. они касались размеров урожая. В XIX — радиуса железнодорожной сети, количества фабрик и объемов добычи угля. А в XX столетии — массового промышленного производства в границах национального государства.

Но сегодня наше богатство невозможно выразить в простых долларах, фунтах и евро. Во всех областях — от здравоохранения до образования и от журналистики до финансов — мы по-прежнему зациклены

на «эффективности» и «прибыли», как будто общество не более чем большой конвейер. Но именно в экономике услуг такого рода простые количественные показатели не работают. «Валовый национальный продукт является... мерой всего... за исключением того, что делает жизнь достойной», — сказал Роберт Кеннеди¹⁹⁴.

Настала пора для нового набора показателей.

Еще в 1972 г. четвертый король Бутана предложил перейти к измерению «валового национального счастья», поскольку ВВП игнорирует важнейшие аспекты культуры и благополучия (прежде всего знание народных песен и танцев). Но такую характеристику, как счастье, измерить ничуть не проще. В конце концов, можно быть счастливым, попросту надравшись в стельку — *ce qu'on ne voit pas*. И разве нет в полноценной жизни места неудачам, печали и грусти? Как однажды сказал философ Джон Стюарт Милль, «лучше быть недовольным Сократом, чем довольным дураком»¹⁹⁵.

Более того, нам *необходима* хорошая порция раздражения, разочарования и неудовлетворенности, которые будут толкать нас вперед. Если Страна изобилия — место, где все счастливы, значит, она погружена в апатию. Если бы женщины не протестовали, они никогда не получили бы право голоса; если бы афроамериканцы не бунтовали, законы Джима Кроу по-прежнему оставались бы в силе. Если бы мы попытались утолить нашу боль, ухватившись за валовое национальное счастье, то прогрессу пришел бы конец. «Недовольство, — писал Оскар

Уайльд, — первый шаг к прогрессу как у отдельного человека, так и у народа»¹⁹⁶.

Так какие у нас есть альтернативы? Два претендента — индикатор подлинного прогресса (ИПП) и индекс устойчивого экономического благосостояния (ИУЭБ), учитывающие загрязнение, преступность, неравенство и добровольную работу. В Западной Европе ИПП рос куда медленнее ВВП, а в США даже снижается с 1970-х. А как насчет Международного индекса счастья — рейтинга, который отражает состояние окружающей среды и в котором наиболее развитые страны фигурируют в середине, а США болтается в самом низу?

Но даже к этим подсчетам я отношусь со скепсисом.

Бутан лидирует в рейтингах на основе собственного индекса, в котором удобным образом не учитывается диктаторство «драконового короля» и этническая чистка народности лхоцампа. В коммунистической Восточной Германии был «валовый социальный продукт», уверенно росший год за годом, невзирая на масштабное негативное воздействие режима на общество, экологию и экономику. Точно так же, хотя ИПП и ИУЭБ компенсируют некоторые недостатки ВВП, они совершенно игнорируют огромные технологические достижения последних лет. Оба этих индекса показывают, что не все в мире хорошо, но они и не рассчитаны на что-либо другое.

На самом деле простые показатели последовательно скрывают больше, чем показывают. Высокий индекс человеческого развития (введенный ООН) или индекс

лучшей жизни (предложенный Организацией экономического сотрудничества и развития, ОЭСР) — это здорово, *но не тогда, когда мы не знаем, что именно он измеряет*. Определенно то, что чем больше богатеют страны, тем труднее становится измерить их богатство. Это парадоксально, но мы живем в век информации и тратим все больше денег на деятельность, достоверной информацией о которой не располагаем.

Секрет растущего государства

Все восходит к Моцарту.

В 1782 г., когда этот великий композитор сочинил свой Струнный квартет № 14 соль мажор (К. 387), для его исполнения требовалось четыре человека. Сегодня, 250 лет спустя, эту пьесу по-прежнему должны играть четыре музыканта¹⁹⁷. Если вы желаете повисить свою производительность как скрипача, самое большее, что вы можете сделать, — играть чуть быстрее. Скажем иначе: некоторые вещи, например музыка, всячески сопротивляются попыткам повисить эффективность. Мы можем производить кофеварки все быстрее и дешевле, в то время как скрипач не может поднять темп, не испортив исполняемую им вещь.

Логично ожидать, что в своем соревновании с машинами мы продолжим тратить все меньше на продукты, которые можно производить с относительно высокой

эффективностью, и все больше — на такие трудоемкие услуги и удовольствия, как искусство, здравоохранение, образование и безопасность. Не случайно государственный сектор наиболее благополучных стран вроде Дании, Швеции и Финляндии так обширен. Их правительства субсидируют отрасли, производительность в которых нельзя повысить. В отличие от производства холодильника или автомобиля уроки истории и посещения врача попросту нельзя сделать «более эффективными»¹⁹⁸.

Естественно, что в результате правительство поглощает все большую долю экономического пирога. Явление, впервые замеченное в 1960-х экономистом Уильямом Баумодем и ныне известное как «болезнь цен Баумоля», заключается в том, что издержки в таких трудоинтенсивных секторах, как здравоохранение и образование, растут быстрее, чем издержки в секторах, где большая часть работы поддается автоматизации.

Но постойте.

Разве не следует называть это благословением, а не болезнью? В конце концов, чем эффективнее становятся наши заводы и наши компьютеры, тем *менее* эффективными должны быть наши образование и здравоохранение — ведь у нас остается больше времени на то, чтобы применять более индивидуальный подход в образовании и по отношению к старым и немощным людям, нуждающимся в заботе. И это здорово, верно? Согласно Баумолю, главное препятствие, мешающее выделить ресурсы

на подобные благородные цели, — «иллюзия, будто мы не можем этого себе позволить».

Весьма стойкая иллюзия. Тому, кто одержим эффективностью и производительностью, трудно понять истинную ценность образования и ухода. Потому-то многие политики и налогоплательщики замечают одни только издержки. Они не понимают, что чем богаче становится страна, тем больше ей следует тратить на учителей и врачей. Вместо того чтобы видеть в росте этих затрат благословение, в них усматривают болезнь.

Однако — если только мы не захотим, чтобы школы и больницы походили на заводы, — мы можем быть уверены в том, что в нашем беге наперегонки с машинами стоимость здравоохранения и образования будет только расти. Тем временем продукты вроде холодильников и автомобилей уже стали *слишком дешевы*. Глядя только на цену продукта, мы упускаем из виду значительную долю издержек. По данным британских исследователей, на каждый фунт, заработанный рекламным агентом, приходится на семь фунтов разрушений в форме стресса, избыточного потребления, загрязнения и долга; и наоборот, каждый фунт, заработанный уборщиком мусора, равносителен 12 фунтам, выраженным в здоровье и устойчивости¹⁹⁹.

Услуги государственного сектора зачастую несут в себе множество скрытых выгод, в то время как частный сектор усеян скрытыми издержками. «Мы можем позволить себе платить больше за услуги, которые нам нужны, главным

образом за здравоохранение и образование, — пишет Баумоль. — Чего мы, вероятно, не можем себе позволить, так это последствий снижения издержек».

Можно возразить, что подобные «экзогенные факторы» попросту невозможно охарактеризовать количественно, так как они требуют слишком многих субъективных допущений, но именно в этом все и дело. «Ценность» и «производительность» нельзя выразить объективно, в цифрах, даже если мы притворяемся, будто все обстоит наоборот: «У нас высокий процент выпускников, значит, мы даем хорошее образование», «У нас большая доля аудитории, значит, мы делаем хорошее телевидение», «Экономика растет, значит, дела у нашей страны идут хорошо»...

Цели нашего общества, ставящего во главу угла производительность, так же абсурдны, как и пятилетние планы бывшего СССР. Основывать политическую систему на показателях производительности — значит превратить хорошую жизнь в электронную таблицу. Как сказал писатель Кевин Келли, «производительность — для роботов. Люди превосходно умеют растрачивать время, экспериментировать, играть, исследовать и заниматься творчеством»²⁰⁰. Управление с помощью цифр — последнее средство страны, которая больше не знает, чего ей хочется, страны, лишенной видения утопии.

Индикаторы прогресса

«Существуют три вида лжи: ложь, наглая ложь и статистика» — эту желчную фразу приписывают премьер-министру Великобритании Бенджамину Дизраэли. Тем не менее я твердо верю в старый принцип Просвещения, гласящий, что решения требуют основания в виде надежных сведений и чисел.

ВВП был изобретен в период глубокого кризиса и позволил принять великие вызовы 1930-х. Теперь, когда мы столкнулись с новыми кризисами, связанными с безработицей, экономическим спадом и изменением климата, нам предстоит отыскать новый показатель. Что нам нужно, так это «приборная панель» с набором индикаторов, позволяющих следить за всем тем, что обеспечивает достойную жизнь: за деньгами и ростом, но также и за социальными службами, рабочими местами, знаниями, сплоченностью общества. И, конечно же, за самым дефицитным ресурсом — временем.

«Но такой набор индикаторов не может быть объективным!» — возможно, возразите вы. Верно. Однако нейтральных показателей не существует вовсе. За любой статистикой скрывается определенный набор предположений и предубеждений. Более того, мы руководствуемся этими цифрами и связанными с ними допущениями. Это верно не только в отношении ВВП, но и в отношении Индекса человеческого развития и Международного индекса счастья. И именно потому, что нам нужно действовать

по-новому, нам нужны новые цифры, на которые мы станем ориентироваться.

«Вряд ли можно делать выводы о благополучии нации... на основании исчисления национального дохода, — заявил Саймон Кузнец конгрессу 80 лет назад. — Параметры, использующиеся для определения объема национального дохода, подвержены воздействию такой иллюзии и вытекающим из этого злоупотреблениям, особенно когда они касаются материй, являющихся предметом спора противостоящих общественных групп, в котором действенность аргумента обусловлена его чрезмерной упрощенностью»²⁰¹.

Изобретатель внутреннего валового продукта призвал не учитывать расходы на вооруженные силы, рекламу и финансовый сектор при измерении ВВП²⁰², но его совет не был услышан. После Второй мировой войны Кузнец все более беспокоился из-за того, что породил чудовище. «Следует помнить о различиях между количеством и качеством роста, — писал он в 1962 г., — между издержками и выручкой, между краткосрочным и долгосрочным. Задавая целью роста, мы должны уточнять, что должно расти и для чего»²⁰³.

Ныне нам предстоит вернуться к этим давним вопросам. Что есть рост? Что такое прогресс? И даже, более основательно, что входит в формулу достойной жизни?

Способность разумно заполнить досуг —
это последний продукт цивилизации.

БЕРТРАН РАССЕЛ (1872–1970)

Пятнадцатичасовая рабочая неделя

Спроси вы величайшего экономиста XX в. о том, что будет самой масштабной проблемой в XXI столетии, он ответил бы, не раздумывая.

Досуг.

Летом 1930 г., как раз когда Великая депрессия набирала обороты, британский экономист Джон Мейнард Кейнс прочитал занятную лекцию в Мадриде. Он уже обсудил кое-какие из своих новаторских идей с несколькими студентами в Кембридже и решил рассказать о них миру в коротком выступлении под заголовком «Экономические возможности наших внуков»²⁰⁴.

Иными словами, для нас с вами.

Мадрид тогда переживал непростые времена. Безработица вышла из-под контроля, распространялся фашизм, Советский Союз активно вербовал сторонников. Несколько лет спустя разразится опустошительная гражданская война. Как же *досуг* может быть самой большой проблемой? Тем летом Кейнс казался пришельцем с другой

планеты. «Сегодня мы переживаем острый приступ экономического пессимизма, — писал он. — Общим местом стали разговоры о том, что эпоха поразительного экономического прогресса, присущего XIX веку, закончилась...» И не без причин. Бедность неистовствовала, международное напряжение росло, и только машина смерти Второй мировой войны смогла вдохнуть новую жизнь в мировую промышленность.

Выступая в городе, находящемся на краю пропасти, британский экономист отважился на контринтуитивное предсказание. К 2030 г., сказал Кейнс, человечеству будет брошен величайший вызов в истории: что делать с морем свободного времени. Если политики не допустят «катастрофических ошибок» (например, жесткой экономии во время экономического кризиса), он ожидал, что за столетие уровень жизни на Западе повысится по меньшей мере вчетверо по сравнению с 1930 г.

Вывод? В 2030-м мы будем работать всего лишь 15 часов в неделю.

Будущее, полное досуга

Кейнс не был ни первым, ни последним пророком, предвидевшим времена избыточного досуга. За полтора столетия до него отец-основатель США Бенджамин Франклин уже предсказал, что в конце концов четырехчасового рабочего дня окажется достаточно. Более того, жизнь будет состоять

из «досуга и удовольствий». Карл Маркс тоже с нетерпением ждал того дня, когда общественное устройство предоставит каждому время «утром охотиться, после полудня ловить рыбу, вечером заниматься скотоводством, после ужина предаваться критике... — [не делая никого] в силу этого охотником, рыбаком, пастухом или критиком»*.

Примерно в то же время отец классического либерализма философ Джон Стюарт Милль утверждал, что растущее богатство лучше всего использовать для того, чтобы увеличить время досуга. «Культе досуга» он противопоставлял «культу труда», провозглашенному его великим противником Томасом Карлейлем (который, что примечательно, был большим сторонником рабства). Согласно Миллю, технические усовершенствования следует применять, чтобы как можно существеннее сократить рабочую неделю. «Будет столько же возможностей для всякого рода умственной культуры, морального и общественного прогресса, — писал он, — сколько будет места совершенствованию Искусства жизни»²⁰⁵.

И тем не менее промышленная революция, подстегнувшая взрывной экономической рост в XIX в., принесла то, что оказалось полной противоположностью досугу. Если английскому фермеру 1300 г. чтобы содержать себя, приходилось работать около 1500 часов в год, то во времена Милля заводской рабочий тратил вдвое больше времени, чтобы попросту выжить. В таких городах, как

---

* Цитата дана в переводе А. Зуева.

Манчестер, 70-часовая рабочая неделя — без отпусков и выходных — была нормой даже для детей. «Зачем беднякам выходные? — удивлялась одна британская герцогиня в конце XIX в. — Им следует работать!»²⁰⁶ Избыток свободного времени озлобляет.

Тем не менее начиная примерно с 1850 г. богатство, созданное промышленной революцией, стало просачиваться в низшие классы. А деньги — это время. В 1855-м каменщики Мельбурна, Австралия, первыми установили восьмичасовой рабочий день. К концу столетия продолжительность рабочей недели в некоторых странах составляла менее 60 часов. В 1900 г. нобелевский лауреат и драматург Джордж Бернард Шоу предсказал, что при таких темпах рабочие через 100 лет будут трудиться всего два часа в день.

Работодатели, конечно же, сопротивлялись. Когда в 1926 г. 32 видных американских бизнесменов спросили, что они думают об укорочении рабочей недели, лишь двое ответили, что считают эту идею благой. Согласно остальным тридцати, лишнее свободное время приведет только к росту преступности, долгам и вырождению²⁰⁷. И все же именно Генри Форд — титан промышленности, создатель модели Т — в том же году первым ввел пятидневную рабочую неделю.

Сначала все говорили, что он спятил. Затем последовали его примеру.

Отъявленный капиталист и создатель конвейера, Генри Форд обнаружил, что сокращение рабочей недели

на самом деле повышает производительность его работников. Время на досуг, заметил он, — «объективный факт в бизнесе»²⁰⁸. Отдохнувший работник — более эффективный работник. И, кроме того, рабочий, мающийся на фабрике от рассвета до заката, не имеющий свободного времени на поездки и прогулки, никогда не купит одну из его машин. Как Форд сказал одному журналисту, «пора избавиться от представления, будто досуг для рабочего — это либо потерянное время, либо классовая привилегия»²⁰⁹.

Всего за десятилетие критики были переубеждены. Национальная ассоциация промышленников (НАП), 20 годами ранее предупреждавшая о том, что сокращение рабочей недели разрушит экономику, теперь гордо объявляла, что в США самая короткая рабочая неделя в мире. В новообретенные часы досуга рабочие проезжали на своих «фордах» мимо рекламных щитов НАП, гласящих, что «нет пути, подобного тому, которым идет Америка»²¹⁰.

«Раса, обслуживающая машины»

Все, казалось, указывало на то, что великие умы от Маркса до Милля и от Кейнса до Форда должны оказаться правы.

В 1933 г. сенат США одобрил проект закона, устанавливающего 30-часовую рабочую неделю. Хотя из-за давления со стороны промышленников законопроект застрял в палате представителей, сокращение рабочей недели

оставалось приоритетом профсоюзов. В 1938-м закон о пятидневной рабочей неделе был наконец-то принят. В следующем году одной из самых популярных в США стала народная песенка об утопической стране, в которой «куры несут вареные яйца», сигареты растут на деревьях, а «тот придурок, что придумал работать», повешен на самом высоком дереве.

После Второй мировой войны время досуга продолжало неуклонно увеличиваться. В 1956 г. вице-президент Ричард Никсон пообещал, что «в не столь отдаленном будущем» американцы будут работать лишь четыре дня в неделю. Страна достигла «плато процветания», и он был убежден в том, что сокращение рабочей недели неизбежно²¹¹. Что вскоре всю работу будут выполнять машины. При этом, восторгался один английский профессор, должно «в изобилии высвободиться время для отдыха, позволяющее погрузиться в творчество, искусство, театр, танцы и воспользоваться сотнями других способов снятия ограничений повседневной жизни»²¹².

Смелое предсказание Кейнса стало трюизмом. В середине 1960-х комитет сената высказал в своем докладе предположение, что к 2000 г. рабочая неделя сократится всего до 14 часов, с как минимум семинедельным ежегодным отпуском. Корпорация РЭНД, влиятельный экспертно-аналитический центр, пророчила будущее, в котором всего 2% населения смогут производить все необходимое обществу в целом²¹³. Вскоре все рабочие места будут предназначены только для элиты.

Летом 1964 г. *New York Times* попросила великого писателя-фантаста Айзека Азимова предсказать будущее²¹⁴. Каким станет мир через 50 лет? О чем-то Азимов говорил осторожно: «В 2014 г. роботы не будут ни распространены, ни очень умелы». Но в иных отношениях он ожидал многого — автомобилей, рассекающих воздух, и городов, построенных под водой.

И все же одна вещь его волновала: распространение скуки. Человечество, писал он, станет «по большей части расой, обслуживающей машины», и у этого будут «серьезные ментальные, эмоциональные и социологические последствия». К 2014 г. психиатрия станет самой распространенной медицинской специальностью, так как миллионы людей будут тонуть в море «вынужденного досуга». «Работа», — писал он, — станет самым прекрасным словом в словаре».

В 1960-х все больше мыслителей стали высказывать свои опасения. Лауреат Пулитцеровской премии Себастьян де Грасиа сказал *Associated Press*: «Есть причины опасаться того... что свободное время, принудительное свободное время, вызовет неутолимую скуку, безделье, аморальность и рост насилия над личностью». А в 1974 г. министерство внутренних ресурсов США забило тревогу, заявляя, что «досуг, который многие считают синонимом рая, может стать самой сложной задачей будущего»²¹⁵.

Несмотря на эти опасения, мало кто сомневался в том, каков будет ход истории. Примерно к 1970 г. социологи уверенно говорили о неизбежном «конце работы».

Человечество стояло на пороге настоящей революции досуга.

Джордж и Джейн

Знакомьтесь, перед вами Джордж и Джейн Джетсон. Это честная пара, живущая со своими двумя детьми в просторной квартире в Орбит-Сити. Муж работает в большой компании оператором роботов; жена — традиционная американская домохозяйка. Джорджа мучают кошмары о работе. И неудивительно. Его обязанность — время от времени нажимать на одну-единственную кнопку, при том что босс — мистер Спейсли, низкий, пухлый и с внушительными усами, — тиран.

«Вчера я проработал *целых два часа!*» — жалуется Джордж после очередного кошмарного сна. Джейн потрясена: «Он что, считает тебя *двужильным?*»²¹⁶

Рабочая неделя в Орбит-Сити составляет в среднем девять часов. К сожалению, этот город существует только в телевизоре, в рамках «самого влиятельного футуристического произведения XX в.» — «Джетсоны»²¹⁷. Мультсериал вышел в 1962 г., а его действие происходит в 2062-м; по сути, это «Флинстоны» в будущем. Его показывали бесчисленное количество раз, и на «Джетсонах» выросло уже не одно поколение.

Сегодня, 50 лет спустя, многие предсказания создателей ситкома о 2062 г. уже сбылись. Робот-уборщик?

Сделано. Солярий? Ага. Сенсорный экран? Готово. Видеотелефон? А как же. Но в иных отношениях нам еще далеко до Орбит-Сити. Когда уже появятся летающие машины? И самодвижущихся тротуаров что-то не видно.

Но что действительно разочаровывает, так это то, что времени для досуга не прибавилось.

Позабытая мечта

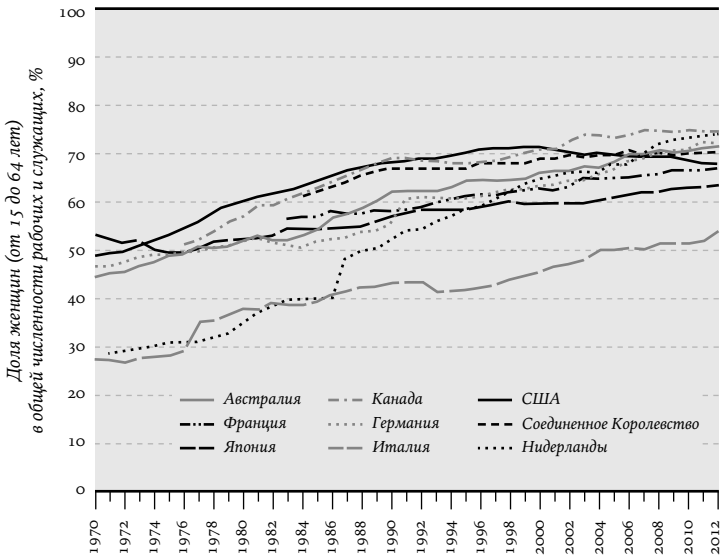
В 1980-х гг. сокращение рабочей недели застопорилось. Экономический рост привел к тому, что стало больше не времени для досуга, а продукции. В Австралии, Австрии, Англии, Испании и Норвегии рабочая неделя вообще перестала укорачиваться²¹⁸. В США она даже выросла. Через 70 лет после принятия в Америке закона о 40-часовой рабочей неделе три четверти работников трудилось здесь более 40 часов в неделю²¹⁹.

И это не все. Даже в тех странах, где наблюдалось сокращение *индивидуальной* рабочей недели, свободного времени у семей становилось все меньше. Почему? Это связано с самым важным изменением за последние десятилетия — переломом, связанным с развитием феминизма.

Футуристы ничего подобного не предсказывали. В конце концов, Джейн Джетсон из 2062-го все еще была послушной домохозяйкой. В 1967 г. *Wall Street Journal* предположила, что доступность роботов позволит мужчине XXI в. часами отдыхать дома на диване со своей женой²²⁰.

Никто не ожидал того, что к январю 2010-го, впервые после того как мужчин мобилизовали на Вторую мировую войну, основную часть рабочей силы в США будут составлять женщины. В 1970-х их доход составлял 2–6% от семейного; сейчас он достигает 40%²²¹.

Эта революция произошла с головокружительной быстротой. Если учесть неоплачиваемый труд, то женщины в Европе и Северной Америке работают больше мужчин²²². «Моя бабушка не имела даже права избирать, у моей мамы не было противозачаточных таблеток, а у меня нет времени» — так описала ситуацию одна нидерландская комедийная актриса²²³.

Источник: ОЭСР

Рис. 8. Работающие женщины, 1970–2012 гг.

Когда женщины пошли на штурм рынка труда, мужчины должны были начать работать меньше (и больше готовить, заниматься домом и заботиться о своей семье). Но этого на самом деле не произошло. В 1950-х гг. пары работали в общей сложности пять-шесть дней в неделю, в то время как сегодня — скорее семь-восемь. При этом воспитание детей стало отнимать гораздо больше времени. Результаты исследований показывают, что во многих странах родители посвящают своим детям

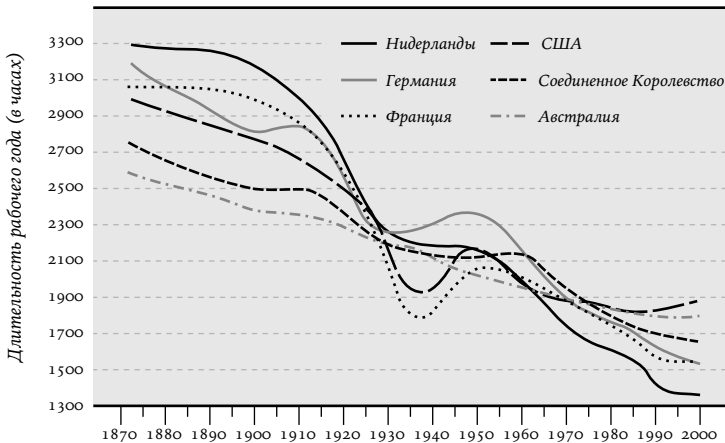

Рис. 9. Мы работали все меньше (до 1980 г.)

Количество рабочих часов в год на душу населения стало резко снижаться в конце XIX в. Однако после 1980-го данные более не показательны, так как численность женщин в составе рабочей силы существенно возросла. Вследствие этого семьям стало все сильнее не хватать времени, хотя количество рабочих часов на одного работника все еще снижается в некоторых странах.

Источник: Международная организация труда

существенно больше времени²²⁴. Сегодня в США работающие матери проводят с детьми больше времени, чем матери-домохозяйки 1970-х²²⁵.

Даже граждане Нидерландов — страны с самой короткой рабочей неделей в мире — чувствуют возрастающий с 1980-х гг. груз работы, переработки, работы по дому и получения образования. В 1985-м эта деятельность отнимала 43,6 часа в неделю; в 2005-м — 48,6 часа²²⁶. Три четверти работников Нидерландов страдают от нехватки времени, четверть обычно работает сверхурочно, а у каждого восьмого проявляются симптомы выгорания²²⁷.

Более того, работу все труднее отделить от досуга. Исследование, проведенное Гарвардской бизнес-школой, показало, что благодаря современным технологиям руководители и специалисты в Европе, Азии и Северной Америке проводят от 80 до 90 часов в неделю «за работой либо “следят” за работой и остаются на связи»²²⁸. Согласно же корейскому исследованию, из-за смартфонов средний работник трудится дополнительные 11 часов в неделю²²⁹.

Можно с уверенностью сказать, что прогнозы великих не вполне сбылись. Даже близко не приблизились к реальности. Азимов, возможно, был прав в том, что в 2014 г. «работа» станет самым примечательным словом в нашем словарном запасе, но совершенно не по тем причинам. Нам не скучно до смерти; мы вусмерть заработались. Армия психологов и психиатров борется не с распространяющейся скукой, а с эпидемией стресса.

Пророчество Кейнса уже давным-давно сбылось. Около 2000 г. такие страны, как Франция, Нидерланды и США, были впятеро богаче, чем в 1930 г.²³⁰ И тем не менее самым серьезным вызовом нашего времени являются не досуг и скука, а стресс и неопределенность.

Капитализм кукурузных хлопьев

«Там деньги приносят хорошую жизнь, — воодушевленно описывал средневековый поэт мифическую Страну изобилия Кокань, — и самые богатые — те, кто дольше прочих спит»²³¹. В Кокани год представляет собой бесконечную череду праздников: Пасха, Троицын день, День св. Иоанна, Рождество следуют друг за другом по кругу. Всякого желающего работать запирают в погребу. Даже произнести слово «работа» — уже серьезное преступление.

Как ни странно, люди Средневековья, вероятно, были ближе нас к вожделенной праздности Страны изобилия. В 1300 г. календарь был полон праздников и празднеств. По оценкам гарвардского экономиста и историка Джульет Шор, праздничные дни составляли не менее одной трети года: в Испании целых пять месяцев, а во Франции — почти шесть. Крестьяне в основном работали ровно столько, сколько требовалось для того, чтобы прокормиться, — и не больше. «Жизнь текла медленно, — пишет Шор. — Наши предки, может, и не были богаты, но у них было достаточно свободного времени»²³².

Так куда же подевалось все это время?

На самом деле ответ простой. Время — деньги. Экономический рост позволяет либо больше отдыхать, либо больше потреблять. С 1850 по 1980 г. нам удавалось получить и то и другое, но после 1980-го росло по большей части только потребление. Даже там, где реальные доходы перестали увеличиваться и усилилось неравенство, безудержное потребление продолжилось, уже в кредит.

И именно это и было главным доводом против сокращения рабочей недели: «Мы не можем себе такого позволить». Больше досуга — чудесный идеал, но он попросту слишком дорог. Если мы все станем работать меньше, наш уровень жизни обрушится.

Но так ли это?

В начале XX в. Генри Форд провел ряд экспериментов, показавших, что производительность рабочих его завода наиболее высока при 40-часовой рабочей неделе. Дополнительные 20 часов работы оправдывают себя в течение еще четырех недель, но после этого производительность *снижается*.

Эксперименты Форда были продолжены другими. 1 декабря 1930 г., когда бушевала Великая депрессия, изобретатель кукурузных хлопьев магнат У.К. Келлог решил ввести на своей фабрике в Батл-Крик, штат Мичиган, шестичасовой рабочий день. Затея оказалась невероятно успешной: Келлог смог нанять еще 300 рабочих, а число несчастных случаев сократилось на 41%. Более того, производительность его работников заметно повысилась.

«Это для нас не просто теория, — гордо рассказал Келлог местной газете. — Себестоимость единицы продукции понизилась настолько, что за шесть часов мы можем платить столько же, сколько раньше платили за восемь»²³³.

Для Келлога, как и для Форда, укорочение рабочей недели было просто вопросом эффективного ведения бизнеса²³⁴. А вот для жителей Батл-Крик оно сыграло куда более важную роль. У них, писали в местной газете, впервые появился «настоящий досуг»²³⁵. Родители смогли больше времени проводить с детьми. Люди начали больше читать, заниматься садоводством или спортом. Вдруг церкви и общественные центры заполнили горожане, у которых высвободилось время на частную жизнь²³⁶.

Почти полстолетия спустя премьер-министр Великобритании Эдвард Хит тоже обнаружил преимущества капитализма кукурузных хлопьев, хотя и не ставил перед собой такой цели. В конце 1973 г. он пребывал в растерянности. Инфляция достигла рекордных высот, государственные расходы взлетели до небес, профсоюзы ни в какую не хотели идти на какой бы то ни было компромисс. Как будто этого было мало, забастовали шахтеры — и ввиду нехватки угля британцам пришлось убавить мощность отопления и напялить самые теплые свитера. Наступил декабрь, но даже рождественская елка на Трафальгарской площади не была подсвечена.

Хит решился на радикальные меры. 1 января 1974 г. он ввел трехдневную рабочую неделю. Наемным

работникам запрещалось пользоваться электричеством больше чем три дня в неделю, пока не будут восстановлены запасы топлива. Стальные магнаты предсказывали обрушение промышленного производства на 50%. Министры страшились катастрофы. В марте 1974-го, после возвращения пятидневной рабочей недели, чиновники выяснили, насколько уменьшились объемы производства. Они не могли поверить своим глазам: общее сокращение составило 6%²³⁷.

Форд, Келлог и Хит обнаружили, что время работы и производительность *не идут* рука об руку. В 1980-х гг. сотрудники Apple носили футболки с надписью: «Работаю 90 часов в неделю, и мне это нравится!» Позже эксперты по производительности подсчитали, что, если бы они работали вдвое меньше, мир получил бы передовой компьютер Macintosh годом раньше²³⁸.

Есть серьезные признаки того, что для современной экономики знаний даже 40-часовая рабочая неделя избыточна. Исследования показывают, что человек, который постоянно задействует свои творческие способности, в среднем может быть продуктивен не более шести часов в день²³⁹. Не случайно самые короткие рабочие недели установлены в самых богатых странах с многочисленным креативным классом и высокообразованным населением.

Решение (почти) всех проблем

Недавно один мой друг спросил меня: «От каких проблем мы избавимся, работая меньше?»

Я бы сформулировал этот вопрос наоборот: «Есть ли хотя бы одна проблема, от которой мы *не* избавимся, работая меньше?»

Стресс? Бесчисленные исследования показали, что люди, работающие меньше, более довольны своей жизнью²⁴⁰. Недавний опрос работающих женщин даже позволил немецким исследователям определить, как строится «идеальный день». Самая большая часть дня (106 минут) посвящена «интимным отношениям». «Общению» (82), «расслаблению» (78) и «питанию» (75) также уделяется много времени. В конце списка находились «воспитание детей» (46), «работа» (36) и «дорога» (33). Исследователи сухо отметили, что «для того, чтобы максимизировать благополучие, вероятно, работа и потребление (повышающие ВВП) должны играть меньшую роль в повседневной деятельности человека по сравнению с нынешним положением дел»²⁴¹.

Изменение климата? Всемирный переход к более короткой рабочей неделе мог бы снизить выбросы CO₂ в этом веке вдвое²⁴². Страны с более короткой рабочей неделей меньше вредят окружающей среде²⁴³. Для того чтобы начать меньше потреблять, нужно начать меньше работать, а еще лучше — начать потреблять наше благосостояние в форме досуга.

Несчастные случаи? Сверхурочная работа смертельно опасна²⁴⁴. Длинные рабочие дни приводят к росту числа ошибок: рука усталого хирурга не так тверда, а недосыпающий солдат чаще бьет мимо цели. Чернобыль, космический шаттл «Челленджер» — перегруженность менеджеров зачастую оказывается главным фактором подобных катастроф. Не случайно финансовый сектор, ставший причиной крупнейшего бедствия прошлого десятилетия, просто завален сверхурочной работой.

Безработица? Очевидно, нельзя попросту разделить трудовые обязанности на несколько частей. Рынок труда не похож на игру в музыкальные стулья, в которой любой участник имеет возможность сесть на любое место; мы не можем попросту «принести побольше стульев». Тем не менее исследователи из Международной организации труда заключили, что распределение рабочих заданий — когда двое работающих неполный рабочий день выполняют работу, которую обычно делает один человек, работающий целый день, — во многом помогло выйти из последнего кризиса²⁴⁵. Деление рабочих мест способно смягчить удар, особенно во время рецессии, на пике безработицы, когда предложение превышает спрос²⁴⁶.

Эмансипация женщин? Страны с короткой рабочей неделей уверенно лидируют в рейтингах гендерного равенства. Ключевой фактор — как можно более справедливое распределение функций. Только когда мужчины начнут вносить вклад в готовку, уборку и прочую работу по дому, женщины смогут полноценно участвовать

в экономике. Иными словами, эмансипация женщин — задача мужчин. Однако значение имеет не только выбор каждого отдельного мужчины: весьма существенную роль играет законодательство. Меньше всего разрыв между женщинами и мужчинами в Швеции — стране с превосходной системой заботы о детях и отпусками по уходу за ребенком для мужчин. Такой отпуск особенно важен: мужчины, находившиеся дома в течение нескольких недель после рождения ребенка, впоследствии проводят больше времени со своими женами, детьми и за кухонной плитой. Причем этот эффект сохраняется — готовы? — *всю их оставшуюся жизнь*. В Норвегии мужчины, уходящие в отпуск по уходу за ребенком, на 50% чаще делят обязанности по стирке со своими женами²⁴⁷. В Канаде они проводят больше времени за работой по дому и ухаживая за детьми²⁴⁸. Отпуск по уходу за детьми для мужчин — это троянский конь, способный решающим образом повлиять на исход борьбы за равенство полов²⁴⁹.

Старение населения? Все больше пожилых людей хотят продолжать трудовую деятельность даже после достижения пенсионного возраста. Но в то время как 30-летние и те, кто чуть постарше, стонут от работы, семейной ответственности и ипотеки, пожилые никак не могут получить работу, даже когда она им по силам. Так что следует более равномерно распределять рабочие места не только между полами, но и между поколениями. Молодые, начинающие сегодня трудовую карьеру, вполне

могут проработать до 80-летнего возраста. Но для этого они могли бы работать не по 40 часов в неделю, а по 30 или даже 20. «В XX веке имело место перераспределение богатства, — отмечал один из ведущих демографов. — Полагаю, что в этом столетии произойдет великое перераспределение рабочих часов»²⁵⁰.

Неравенство? Самые длинные рабочие недели именно в тех странах, где блага распределены наиболее неравномерно. Если бедные работают все больше, чтобы просто прокормиться, богатые считают, что отпуск и выходные обходятся им теперь дороже, поскольку они стали больше зарабатывать за час.

В XIX в. типичный богач попросту отказывался закатывать рукава. Труд был уделом крестьян. Чем больше человек работал, тем он, следовательно, был беднее. С тех пор положение изменилось. Сегодня наличие у человека множества рабочих дел — признак его статуса. Нитье о том, что работы слишком много, зачастую является скрытой попыткой показаться важным и интересным. Когда есть время на себя, это скорее говорит об отсутствии работы и лени, по крайней мере в тех странах, где разрыв между богатыми и бедными велик.

Растущая боль

Почти столетие назад наш давний друг Джон Мейнард Кейнс сделал еще один удивительный прогноз.

Кейнс понимал, что крушение рынка акций в 1929 г. не уничтожило мировую экономику. Производители по-прежнему могли поставлять столько же продукции, что и за год до этого; просто спрос на многие продукты упал. «Мы страдаем не от ревматизма, поражающего людей в почтенном возрасте, — писал Кейнс, — а от болезни роста — от слишком стремительных перемен».

Почти 80 лет спустя мы столкнулись точно с такой же проблемой. Дело не в том, что мы бедны, а в том, что нам не хватает оплачиваемой работы. И, вообще-то говоря, это хорошая новость.

Она означает, что мы можем приготовиться к решению величайшей задачи из числа стоявших перед нами: заполнению целого моря свободного времени. Очевидно, 15-часовая рабочая неделя все еще остается далекой утопией. Кейнс предсказал, что к 2030 г. экономисты будут играть лишь второстепенную роль «на одном уровне с дантистами». Но сегодня день, когда эта мечта станет реальностью, кажется как никогда далеким. Экономисты доминируют в СМИ и политике. Мечта о короткой рабочей неделе тоже растоптана. Вряд ли кто-то из политиков готов ее поддержать, даже с упором на рекордные уровни безработицы.

Но Кейнс не был безумцем. В его время рабочая неделя быстро сокращалась, и ученый просто экстраполировал в будущее эту начавшуюся около 1850 г. тенденцию. «Конечно, все произойдет постепенно, — уточнял он, — катастрофы не будет». Представьте себе, что революция

досуга начнет набирать обороты в этом веке. Даже в условиях медленного экономического роста мы, жители Страны изобилия, могли бы работать меньше 15 часов в неделю уже к 2050 г., зарабатывая столько же, сколько в 2000-м²⁵¹.

Если мы действительно можем это осуществить, то пора начинать готовиться.

Национальная стратегия

Сначала мы должны спросить себя: а действительно ли мы этого хотим?

Оказывается, опросы на эту тему уже проводились. Наш ответ: да, очень хотим. Ради того, чтобы иметь больше свободного времени, мы готовы даже поступиться нашей драгоценной покупательной способностью²⁵². Однако стоит отметить, что последнее время грань между работой и досугом размылась. Работа ныне зачастую воспринимается как своего рода хобби, а то и ключевой аспект нашей личности. В своей классической книге «Теория праздного класса» (1899) социолог Торстейн Веблен описывал досуг как еще пока признак элиты. Но то, что раньше относилось к досугу (искусства, спорт, наука, забота, филантропия), сегодня считается работой.

Ясно, что в современной Стране изобилия по-прежнему полно низкооплачиваемой, неприятной работы. А высокооплачиваемая работа зачастую рассматривается как

не особенно полезная. И все же цель — не дожидаться с нетерпением конца рабочей недели. Совсем наоборот. Настало время, чтобы женщины, бедняки и пожилые получили шанс делать больше, а не меньше хорошей работы. Стабильная и осмысленная работа играет ключевую роль в любой хорошо прожитой жизни²⁵³. И наоборот, вынужденный досуг — увольнение — это катастрофа. Психологи продемонстрировали, что, когда у человека нет работы, это подрывает его благополучие сильнее, чем развод или потеря близкого²⁵⁴. Время лечит любые раны, кроме отсутствия работы. Ведь чем дольше вы находитесь на обочине, тем глубже вы сползаете в кювет.

Но какую бы важную роль ни играла работа в нашей жизни, люди по всему миру, от Японии до США, жаждут сокращения рабочей недели²⁵⁵. Когда американские ученые опросили работников с целью выяснить, чего те хотели бы больше — прибавки, эквивалентной двум неделям работы, или двухнедельного отпуска, — дополнительное время отдыха предпочли вдвое больше респондентов. Отвечая на вопрос британских исследователей, что лучше — выиграть в лотерею или поменьше работать, опять же вдвое больше участников опроса выбрали снижение рабочей нагрузки²⁵⁶.

Все данные говорят о том, что мы не можем обойтись без ежедневной внушительной порции «безработности». Если мы будем работать меньше, нам станет более доступно то, что нам также важно: семья, общественная деятельность, развлечения и отдых. Не случайно в странах

с самыми короткими рабочими неделями самое большое количество добровольцев и самый большой социальный капитал.

Теперь, когда мы знаем, что хотим работать меньше, встает второй вопрос: как нам этого добиться?

Мы не можем попросту взять и переключиться на 20- или 30-часовую рабочую неделю. Сначала идею сокращения количества рабочих часов следует возродить в качестве политического идеала. Затем мы можем сокращать рабочую неделю шаг за шагом, меняя деньги на время, вкладывая больше денег в образование, развивая более гибкую пенсионную систему и создавая правовые основы для отпусков по уходу за ребенком для мужчин.

Все начинается с изменения системы вознаграждений. Сейчас работодателям дешевле держать одного работника, работающего сверхурочно, чем нанять двоих на полставки²⁵⁷. Это объясняется тем, что многочисленные затраты на рабочую силу, такие как медицинское обеспечение, рассчитываются на одного работника, а не исходя из часа работы²⁵⁸. Кроме того, мы как индивиды попросту не можем в одностороннем порядке решить работать меньше. Поступив так, мы рискуем утратить статус, упустить карьерные возможности и в конце концов вовсе потерять работу. Недаром сослуживцы следят друг за другом: кто пробыл на рабочем месте дольше всех? Кто отработал больше часов? В конце рабочего дня почти в каждом офисе можно увидеть за столами

уставших сотрудников, бесцельно просматривающих в Facebook профили незнакомых им людей и дожидаящихся, когда кто-нибудь из коллег встанет и первым уйдет из офиса.

Для того чтобы разорвать этот порочный круг, понадобится действовать коллективно — компаниями, а еще лучше — странами.

Хорошая жизнь

Когда в ходе написания этой книги я говорил людям, что пытаюсь найти решение самой серьезной проблемы нынешнего столетия, это вызывало у них живейший интерес. Не о террористах ли я пишу? Не об изменениях климата? Может быть, о третьей мировой войне?

Когда же я начинал говорить о досуге, их разочарование было прямо-таки осязаемым. «Мы же попросту приклеимся к телевизорам, разве нет?»

Мне это напоминало о строгих священниках и купцах XIX в., которые считали, что простонародье не в состоянии правильно распорядиться ни правом голоса, ни достойной заработной платой, ни тем более досугом, и выступали за 70-часовую рабочую неделю как за действенный инструмент борьбы с алкоголизмом. Но ирония заключается в том, что именно в промышленных городах, где приходится слишком много работать, все больше и больше людей ищут спасения в бутылке.

Сегодня другие времена, но кое-что не изменилось: в перегруженных работой странах, таких как Япония, Турция и, конечно, Соединенные Штаты, слишком много смотрят телевизор. В США — до пяти часов в день; за жизнь успевает набежать девять лет. Американские дети проводят перед телевизором в полтора раза больше времени, чем в школе²⁵⁹.

Однако настоящий досуг — не роскошь и не порок. Он жизненно необходим нашему мозгу — так же, как нашему телу требуется витамин С. Никто на смертном одре не думает: «Если бы я только поработал еще несколько часов в офисе и чуть больше посидел перед ящиком». Конечно, правильно использовать море свободного времени будет непросто. Образовательные учреждения XXI в. должны учить не только трудиться, но и жить, что гораздо важнее. «Если люди не будут утомлены в свободное время, — писал в 1923 г. философ Бертран Рассел, — им подойдут не только пассивные и пустые развлечения»²⁶⁰.

Мы сможем распорядиться такой хорошей жизнью, но для этого нам понадобится время.

Работа — прибежище людей,
у которых нет лучшего занятия.

ОСКАР УАЙЛЬД (1854–1900)

Почему не стоит быть банкиром

Густой туман окутал парк у здания нью-йоркской мэрии на рассвете 2 февраля 1968 г.²⁶¹ Здесь собрались 7000 городских дворников, готовых взбунтоваться. Представитель профсоюза Джон ДеЛери обращается к собранию, стоя на крыше грузовика. Когда он объявил, что мэр отказывается идти на дальнейшие уступки, гнев толпы приблизился к точке кипения. Увидев, что люди начали бросаться тухлыми яйцами, ДеЛери осознал, что время компромиссов кончилось. Настало время выйти за рамки закона — но этот путь дворникам заказан по той простой причине, что выполняемая ими работа слишком важна.

Время бастовать.

На следующий день в Большом Яблоке мусор остался не убран. Почти все бригады дворников города не вышли на работу. «Нас никогда не уважали, и меня это не волновало, — цитирует одного дворника местная газета. — А теперь волнует. Люди обращаются с нами как с грязью».

Два дня спустя, когда мэр решил посмотреть, что происходит, город был уже по колено завален мусором

и отбросы продолжали прибывать по 10 000 тонн в сутки. По улицам заструилась мерзкая вонь, крысы стали появляться даже в самых престижных районах. Всего за несколько дней один из самых привлекательных городов мира стал похож на трущобы. Впервые с эпидемии полиомиелита в 1931 г. городские власти объявили чрезвычайное положение.

И все же мэр отказывался уступать. Его поддерживала местная пресса, которая изображала бастующих жадными нарциссами. Лишь через неделю начало приходить понимание того, что победа за мусорщиками. «Нью-Йорк беззащитен перед ними, — в отчаянии заявляли авторы передовиц в *New York Times*. — Величайший из городов вынужден сдать либо утонуть в нечистотах». На девятый день забастовки, когда мусора накопилось уже под 100 000 тонн, уборщики добились своего. «Недавний шаг Нью-Йорка к хаосу показал, что бастовать выгодно»²⁶², — писали позже в *Time*.

Разбогатеть, не пошевелив и пальцем

Возможно, это так, но не для каждой профессии.

Вообразите, например, что все 100 000 вашингтонских лоббистов завтра начнут бастовать²⁶³. Или что дома решат остаться все налоговые бухгалтеры Манхэттена. Кажется маловероятным, что мэр объявит чрезвычайное положение. На самом деле вряд ли какой-то из этих сценариев

чреват большими неприятностями. А о забастовке, скажем, консультантов по продвижению в соцсетях, телемаркетологов или специалистов по высокочастотной торговле даже в новостях вряд ли объявят.

То ли дело когда речь заходит о дворниках. Как ни посмотри, они делают то, что нам необходимо. А неприятная правда в том, что все больше людей выполняют работу, без которой мы запросто обошлись бы. Перестань они вдруг трудиться, мир не станет ни беднее, ни уродливее, ни как-либо еще хуже. Возьмите скользких торгашей с Уолл-стрит, набивающих карманы за счет очередного пенсионного фонда. Возьмите ушлых юристов, способных затянуть корпоративное судебное разбирательство до скончания дней. Или талантливого рекламного борзописца, чей слоган года навсегда выводит конкурента из игры.

Вместо того чтобы *создавать* богатство, эти люди всего лишь *перераспределяют* его.

Конечно, четкой грани между теми, кто создает блага, и теми, кто их перераспределяет, нет. Нельзя отрицать того, что финансовый сектор вносит вклад в наше благосостояние и при этом смазывает шестерни остальных секторов. Банки помогают разделять риски и поддерживают людей с перспективными идеями. И все же ныне банки стали столь велики, что во многом попросту перетасовывают богатство, а то и разрушают его. Вместо того чтобы увеличить размер пирога, взрывное расширение банковского сектора увеличило долю, которую он оставляет себе²⁶⁴.

Или возьмем профессию юриста. Само собой разумеется, что закон необходим для процветания страны. Сегодня в США в 17 раз больше юристов на душу населения, чем в Японии; делает ли это американский закон во столько же раз более эффективным, чем японский?²⁶⁵ Стали ли американцы в 17 раз более защищенными? Во-все нет. Некоторые адвокатские конторы даже завели обыкновение скупать патенты на продукты, которые они не собираются производить, только ради того, чтобы иметь возможность подавать иски о нарушении их патентных прав.

Причем оказывается, что именно те виды деятельности, которые нацелены на перераспределение денег и практически не создают прибавочной стоимости, оплачиваются лучше всего. Это удивительное, парадоксальное положение дел. Как получается, что проводникам процветания — учителям, полицейским, врачам — платят так мало, в то время как у малозначащих, избыточных и даже разрушительных *посредников* дела идут так хорошо?

Когда праздность еще была правом по рождению

Возможно, пролить свет на эту головоломку поможет история.

Вплоть до эпохи, начавшейся несколько веков назад, почти все население планеты трудилось в области

сельского хозяйства. Из-за этого богатый высший класс был волен бездельничать, жить на свои личные средства и воевать — все эти хобби не создают богатства; в лучшем случае перераспределяют его, а в худшем — разрушают. Всякий дворянин голубых кровей гордился своим образом жизни, дающим немногим счастливицам наследственное право набивать карманы за счет других. Работа? Это для крестьян.

В те дни, до промышленной революции, забастовка фермеров парализовала бы всю экономику. В наши дни различные графики, диаграммы и схемы указывают на то, что все изменилось. Доля сельского хозяйства в экономике ничтожна. Действительно, в США финансовый сектор в семь раз больше сельскохозяйственного сектора.

Значит ли это, что забастовка фермеров поставит нас в менее затруднительное положение, чем забастовка банкиров? (Нет, совсем наоборот.) И, кроме того, разве производство сельскохозяйственных продуктов не выросло в последние годы? (Да, конечно.) И что, зарабатывают ли сегодня фермеры как никогда много? (К сожалению, нет.)

Видите ли, при рыночной экономике все работает с точностью до наоборот. Чем больше продукции производится, тем ниже цена. В том-то и загвоздка. На протяжении последних десятилетий поставки продовольствия значительно выросли. В 2010 г. американские коровы дали вдвое больше молока по сравнению с 1970 г.²⁶⁶ За то же время урожаи пшеницы также удвоились, а помидоров — утроились. Чем лучше чувствует себя сельское хозяйство,

тем меньше мы хотим за него платить. Сегодня еда на наших столах дешевле грязи.

В этом и заключается экономический прогресс. С ростом эффективности ферм и заводов их доля в экономике падала. И чем производительнее становились сельское хозяйство и обрабатывающая промышленность, тем меньше работников им требовалось. В то же время это изменение приводило к росту сектора услуг. Но прежде чем получить работу в этом новом мире консультантов, бухгалтеров, программистов, советников, брокеров и юристов, нам сначала следовало приобрести соответствующую квалификацию.

Этот рост породил огромное богатство.

Как ни странно, он также породил систему, в которой все больше людей могут зарабатывать деньги, не внося ощутимый вклад во всеобщее благосостояние. Назовем это парадоксом прогресса: здесь, в Стране изобилия, чем богаче и умнее мы становимся, тем проще без нас обойтись.

Если банкиры забастовали

«ЗАКРЫТИЕ БАНКОВ»

Такая заметка появилась 4 мая 1970 г. в *Irish Independent*. После долгих, но бесплодных переговоров о заработной плате, не поспевающей за инфляцией, сотрудники ирландского банка решили объявить забастовку.

Внезапно 85% запасов страны оказались недоступны. Все указывало на то, что забастовка может затянуться, и предприятия по всей Ирландии начали придерживать наличность. Через две недели после начала забастовки *Irish Times* сообщила, что половина из 7000 банкиров страны уже забронировала авиабилеты в Лондон, где они собираются искать новую работу.

Поначалу эксперты предсказывали, что жизнь в Ирландии остановится. Сначала иссякнут запасы наличности, затем остановится торговля и наконец ударит безработица. «Вообразите себе, что все вены в вашем теле вдруг стали сжиматься и разрушаться, — так описывал царящие страхи один экономист, — и тогда вы поймете, что видят экономисты в закрытии банков»²⁶⁷. На пороге лета 1970 г. Ирландия готовилась к худшему.

А затем произошло нечто странное. Или, точнее, не произошло вообще ничего.

В июле лондонская *Times* сообщила, что «доступные цифры и тенденции указывают на то, что этот конфликт пока не оказал неблагоприятного влияния на экономику». Несколькими месяцами позже Центральный банк Ирландии составил баланс. «Ирландская экономика продолжила функционировать достаточно продолжительное время с закрытыми для бизнеса основными банками», — заключил он. Более того, экономика продолжила расти.

В итоге забастовка длилась ровно полгода — в 20 раз дольше забастовки нью-йоркских мусорщиков. Но если по ту сторону Атлантики уже через шесть дней было

введено чрезвычайное положение, то Ирландия без банкиров прекрасно продержалась целых шесть месяцев. «Я толком ничего не могу вспомнить о забастовке банкиров прежде всего потому, что она не оказала ощутимого влияния на повседневную жизнь»²⁶⁸, — рассказывал ирландский журналист в 2013 г.

Но чем же они пользовались вместо денег, без банкиров-то?

Все просто: ирландцы стали выпускать собственные наличные. После закрытия банков они продолжили, как обычно, выписывать друг другу чеки, которые, однако, больше было нельзя обналичить в банке. Пустующее место занял другой торговец ликвидными активами — ирландский паб. Во времена, когда ирландец по меньшей мере трижды в неделю заходил в местный паб выпить пинту, все — и особенно бармен — прекрасно понимали, кому можно доверять. «Управляющие этими розничными точками и общественными заведениями были хорошо осведомлены о материальном положении своих клиентов, — объясняет экономист Антуан Мерфи. — В конце концов, нельзя годами подавать человеку напитки и ничего не узнать о его ликвидных средствах»²⁶⁹.

Люди мгновенно создали полностью децентрализованную денежную систему с одиннадцатью тысячами пабов в качестве ключевых узлов и с обычным доверием в качестве основополагающего механизма. К моменту открытия банков в ноябре ирландцы напечатали невероятные £5 млрд самодельной валюты. Часть чеков была

выпущена компаниями, иные были нацарапаны на тыльной стороне сигаретных пачек, а то и на туалетной бумаге. Согласно историкам, ирландцы смогли обойтись без банкиров благодаря своей сплоченности.

Так что, проблем вовсе не было?

Нет, конечно, они были. Возьмите парня, купившего скаковую лошадь в кредит, а затем уплатившего долг деньгами, которые выиграл, когда его лошадь пришла первой, то есть по сути сыграв на чужие деньги²⁷⁰. Это очень похоже на то, чем сегодня занимаются банки, только в меньшем масштабе. Во время забастовки ирландским компаниям было труднее раздобыть капитал для крупных инвестиций. В действительности сам факт, что люди начали самостоятельно проводить банковские операции, ясно показывает, что они не могли обойтись без какого-то рода финансового сектора.

Но они *смогли* прекрасно обойтись без лапши на ушах, рискованных спекуляций, сверкающих небоскребов и огромных бонусов, выплачиваемых из карманов налогоплательщиков. «Возможно, очень возможно, — предполагает писатель и экономист Умар Хак, — люди нужны банкам гораздо больше, чем банки нужны людям»²⁷¹.

Еще одна форма налогообложения

Как разителен контраст между этой забастовкой и той, что прошла двумя годами ранее за три с половиной

тысячи километров. Ньюйоркцы в отчаянии смотрели, как их город превращается в свалку, ирландцы же стали сами себе банкирами. Нью-Йорк заглянул в бездну уже через шесть дней, а в Ирландии все шло своим чередом и через полгода.

Давайте только сначала кое-что уточним. Делать деньги, не создавая ничего ценного, ни в коем случае не просто. Это требует таланта, амбиций и мозгов. Мир банковской деятельности переполнен умными людьми. «Гений великого спекулятивного инвестора в том, чтобы увидеть то, чего другие еще пока не видят, — объясняет экономист Роджер Бутл. — Это навык. Как и способность стоять на мыске одной ноги с полным чайником на голове, не теряя равновесия и не проливая ни капли»²⁷².

Иными словами, тот факт, что нечто является сложным, не делает это автоматически ценным.

В последние десятилетия умники изобрели самые разнообразные комплексные финансовые продукты, не создающие богатство, а уничтожающие его. По сути, эти продукты являются для всего остального населения налогом. Как вы думаете, кто платит за все эти костюмы индивидуального пошива, просторные имения и роскошные яхты? Если банкиры не создают добавочную стоимость сами, она должна браться откуда-то (у кого-то) еще. Не только правительство перераспределяет блага. Финансовый сектор тоже этим занимается, только общество не дает ему таких полномочий.

Итог в том, что богатство может быть где-то *сосредоточено*, но это не означает, что оно там же и *создается*. Это одинаково верно в отношении и феодального землевладельца былых времен, и нынешнего исполнительного директора Goldman Sachs. Единственная разница в том, что банкиры порой на минуту забываются и воображают себя великими создателями всего этого богатства. Лорд, который гордился тем, что живет трудом своих крестьян, не питал подобных иллюзий.

Бесполезная работа

А ведь все могло быть совсем не так. Помните предсказание экономиста Джона Мейнарда Кейнса о том, что мы будем работать всего 15 часов в неделю уже в 2030 г.²⁷³ Что уровень нашего процветания превзойдет все ожидания и мы обменяем внушительную долю нашего богатства на свободное время?

В действительности случилось по-другому. Наш достаток существенно вырос, но свободного времени у нас вовсе не море. Совсем наоборот. Мы работаем как никогда много. В предыдущей главе я описал, как мы возложили свое свободное время на алтарь культа потребления. Кейнс определенно этого не предвидел.

Но есть еще один фрагмент пазла, который никак не встает на место. Большинство людей не участвуют в производстве разноцветных чехлов для iPhone,

экзотических шампуней с растительными экстрактами или кофе со льдом и толченым печеньем. Наше пристрастие к потреблению удовлетворяется по большей части роботами и полностью зависимыми от зарплаты рабочими третьего мира. И хотя производительность в сельском хозяйстве и обрабатывающей промышленности в последние десятилетия бурно росла, занятость в этих отраслях упала. Так правда ли то, что наша перегруженность работой обусловлена стремлением к бесконтрольному потреблению?

Дэвид Грэбер, антрополог из Лондонской школы экономики, убежден, что дело не только в этом. Несколько лет назад он написал замечательную работу, в которой возложил вину не на вещи, которые мы покупаем, а на работу, которую мы делаем. Она метко озаглавлена «О феномене бесполезных работ»²⁷⁴.

Из анализа Грэбера следует, что бесчисленное количество людей проводят всю свою трудовую жизнь, выполняя бессмысленную, на их взгляд, работу в качестве специалиста по обзвону клиентов, директора по персоналу, специалиста по раскрутке в социальных сетях, пиарщика или же одного из администраторов в больницах, университетах и правительственных учреждениях. Именно такую работу Грэбер называет бесполезной. Даже люди, ее выполняющие, признают, что эта деятельность по сути излишня.

Первая статья, которую я написал о данном явлении, вызвала поток признаний. «Лично я предпочел бы делать

что-нибудь по-настоящему полезное, — ответил один биржевой маклер, — но я не могу смириться со снижением дохода». Он также рассказал о своем «потрясающе талантливом бывшем однокласснике с кандидатской степенью по физике», разрабатывающем технологии по диагностике рака и «зарабатывающем настолько меньше меня, что это подавляет». Конечно же, то, что ваша работа служит важным интересам общества и требует немало таланта, ума и настойчивости, еще не гарантирует, что вы будете купаться в деньгах.

И наоборот. Разве является совпадением то, что распространение высокооплачиваемой бесполезной работы совпало с бумом высшего образования и развитием экономики знаний? Помните, зарабатывать деньги, ничего не создавая, непросто. Для начала вам придется освоить весьма высокопарный, но бессмысленный жаргон (совершенно необходимый при посещении стратегических межотраслевых симпозиумов для обсуждения мер по усилению благотворного эффекта кооперации в интернет-сообществе). Убирать мусор может каждый; карьера в банковской сфере доступна немногим избранным.

В мире, который становится все богаче и где коровы дают все больше молока, а роботы производят все больше продукции, есть и больше места для друзей, семьи, общественной работы, науки, искусства, спорта и прочих вещей, делающих жизнь достойной. Но еще в нем появляется больше места для всякого вздора. Покуда мы одержимы работой, работой и еще раз работой (даже

при дальнейшей автоматизации полезной деятельности и передаче ее на внешний подряд), количество излишних рабочих мест будет только расти. Совсем как число менеджеров в развитых странах, выросшее за последние 30 лет и не сделавшее нас ни на цент богаче. Напротив, исследования показывают, что страны с большей численностью менеджеров на деле *менее* производительны и инновационны²⁷⁵. Половина из 12 000 профессионалов, опрошенных *Harvard Business Review*, заявила, что их работа «бесмысленна и незначима», и столько же респондентов сообщили, что не чувствуют связи с миссией своей компании²⁷⁶. Другой недавний опрос показал: целых 37% британских работников считают, что занимаются бесполезной работой²⁷⁷.

И совсем не все новые рабочие места в секторе услуг бессмысленны — вовсе нет. Взгляните на здравоохранение, образование, пожарные службы и полицию, и вы обнаружите массу людей, которые каждый вечер идут домой, зная, несмотря на свои скромные заработки, что они сделали мир лучше. «Как будто им сказали: “У вас есть настоящая работа! И помимо всего этого вам хватает наглости требовать такого же уровня пенсий и медицинского обслуживания, как у среднего класса?”» — пишет Грэбер.

Можно и по-другому

Все это особенно шокирует потому, что происходит в рамках капиталистической системы, основанной на таких капиталистических ценностях, как эффективность и производительность. Политики без устали подчеркивают необходимость сокращения государственного аппарата, но при этом по большей части молчат о том, что бесполезные рабочие места продолжают множиться. В результате правительство, с одной стороны, урезает количество полезных рабочих мест в сферах, связанных со здравоохранением, образованием и инфраструктурой (что приводит к безработице), а с другой — вкладывает миллионы в индустрию безработицы — обучение и наблюдение, которые уже давным-давно не рассматриваются как эффективные инструменты²⁷⁸.

Современному рынку одинаково безразличны и полезность, и качество, и инновации. Единственное, что для него важно, — прибыль. Иногда это приводит к восхитительным прорывам, иногда не приводит. Создание одного бесполезного рабочего места за другим, будь то работа для телемаркетолога или налогового консультанта, имеет прочное обоснование: можно сколотить состояние, не произведя вообще ничего.

В такой ситуации неравенство только усугубляет проблему. Чем больше богатства сосредоточено наверху, тем выше спрос на корпоративных юристов, лоббистов и специалистов по высокочастотной торговле. В конце концов,

спрос существует не в вакууме: он формируется в результате постоянных переговоров, определяется законами и институтами страны и, конечно, людьми, управляющими финансовыми ресурсами.

Возможно, этим также объясняется то, почему инновации последних 30 лет — времени растущего неравенства — не вполне соответствуют нашим ожиданиям. «Мы хотели летающих автомобилей, а вместо них получили 140 символов», — шутит Питер Тиль, описавший себя как интеллектуала из Кремниевой долины²⁷⁹. Если послевоенная эпоха дала нам такие замечательные изобретения, как стиральная машина, холодильник, космический челнок и оральные контрацептивы, то последнее время мы имеем улучшенную версию того же телефона, что мы купили пару лет назад.

На самом деле все выгоднее становится *не внедрять* инновации. Только представьте себе, сколько открытий не было сделано из-за того, что тысячи ярких умов растратили себя на выдумывание сверхсложных финансовых продуктов, в итоге принесших только разрушение. Или провели лучшие годы своей жизни, копируя существующие фармацевтические препараты так, чтобы их отличие от оригинала оказалось незначительным, но все же достаточным для того, чтобы мозговитый юрист мог написать заявку на выдачу патента, после чего ваш замечательный отдел по связям с общественностью запустит совершенно новую кампанию по продвижению не столь уж и нового лекарства.

Вообразите себе, что все эти таланты были вложены не в *перераспределение* благ, а в их *создание*. Кто знает, может быть, у нас уже появились бы реактивные ранцы, подводные города и лекарство от рака.

Давным-давно Фридрих Энгельс описал «ложное сознание», жертвой которого по сей день является рабочий класс, или «пролетариат». Согласно Энгельсу, заводской рабочий XIX в. не восставал против землевладельческой элиты потому, что его мировоззрение было затуманено религией и национализмом. Возможно, сегодняшнее общество застряло в похожей колее, только на этот раз это касается вершины пирамиды. Возможно, взгляд этих людей затуманен количеством нулей в их зарплате, весомостью бонусов и замечательными пенсионными программами. Возможно, толстый бумажник становится причиной аналогичного ложного сознания: убежденности в том, что ты производишь нечто очень ценное, *ведь ты так много зарабатываешь*.

В любом случае сейчас дела обстоят не так, как должны бы. Для того чтобы наша способность к инновациям и творчеству не пропала зря, экономику, налоги и университеты стоит изобрести заново. «Нам не следует терпеливо ждать медленного изменения в культуре», — заявил более 20 лет назад экономист-одиночка Уильям Баумоль²⁸⁰. Нам не надо ждать, пока азартные игры на чужие деньги перестанут быть выгодными; пока дворники, полицейские и медсестры начнут нормально зарабатывать; пока математические гении вновь будут мечтать

о строительстве колоний на Марсе, а не об основании собственных хедж-фондов.

Мы можем сделать шаг в направлении другого мира, и начать, как это часто бывает, с налогов. Налоги нужны даже в утопиях. Например, первым шагом может стать обзудание финансовой индустрии с помощью налогообложения транзакций. В 1970 г. период владения американскими акциями в среднем составлял пять лет; 40 спустя — всего пять дней²⁸¹. Если мы введем налог на транзакции — обязательную уплату налога при каждой покупке или продаже акции, — высокочастотным трейдерам, практически не приносящим пользу обществу, будут больше не выгодны мгновенные покупки и продажи финансовых активов. На самом деле мы сэкономим на легкомысленных расходах, поддерживающих финансовый сектор. Возьмем оптоволоконный кабель, проложенный для ускорения передачи сообщений между финансовыми рынками Лондона и Нью-Йорка в 2012 г. Его стоимость — \$300 млн. Разница в скорости — целых 5,2 миллисекунды.

Но важнее то, что эти налоги сделают нас всех богаче. Они позволят не только более справедливо разделить пирог, но и увеличить его в размерах. Тогда талантливая молодежь, стремящаяся на Уолл-стрит, сможет снова захотеть стать учителями, изобретателями и инженерами.

В последние же десятилетия произошло прямо противоположное. Гарвардское исследование показало, что снижение налогов во времена Рейгана подтолкнуло

большинство лучших умов страны к изменению профессии: учителя и инженеры переквалифицировались в банкиров и бухгалтеров. Если в 1970 г. мужчин, окончивших Гарвард и занимающихся исследованиями, было вдвое больше, чем тех, кто выбирал банковское дело, то 20 лет спустя соотношение изменилось: в финансовой сфере трудилось уже в полтора раза больше выпускников этого учебного заведения.

В результате все мы стали беднее. На каждый заработанный банком доллар приходится примерно 60 центов, уничтоженных в другой части экономической цепочки. И напротив, на каждый доллар, заработанный исследователем, как минимум пять долларов — а зачастую гораздо больше — вбрасываются обратно в экономику²⁸². Высокие налоги на самые высокие доходы послужат, как сказали бы в Гарварде, «переходу талантливых индивидов из профессий с отрицательным внешним эффектом, в профессии, оказывающие положительное внешнее влияние».

Теперь переведем на нормальный язык: высокие налоги заставят больше людей делать работу, которая полезна.

Специалисты по тенденциям

Если есть на свете место, с которого следует начинать поиски лучшего мира, то это — классная комната.

Хотя образование, возможно, и способствовало появлению бесполезных работ, оно было также источником нового и осязаемого процветания. Если мы составим список десятка самых влиятельных профессий, педагогическая деятельность окажется среди лидеров. Не потому, что учителю достаются награды вроде денег, власти или положения, а потому, что учитель во многом определяет нечто более важное — направление человеческой истории.

Может быть, это звучит пафосно, но возьмем заурядного учителя младших классов, у которого каждый год новый класс — 25 детей. Значит, за 40 лет преподавания он повлияет на жизнь тысячи детей! Более того, учитель воздействует на личность учеников в их наиболее податливом возрасте. Они же, в конце концов, дети. Педагог не только готовит их к будущему — он еще и напрямую формирует это будущее.

Поэтому наши усилия в классной комнате принесут дивиденды для всего общества. Но там почти ничего не происходит. Все значимые дискуссии, связанные с проблемами образования, касаются его формальных аспектов. Способов преподавания. Дидактики. Образование последовательно представляется как помощь в адаптации — смазка, позволяющая с меньшими усилиями скользить по жизни. В ходе телефонной конференции, посвященной вопросам образования, бесконечный парад специалистов по тенденциям предрекает будущее и то, какие навыки окажутся существенными в XXI в.:

основные слова — «креативность», «адаптируемость», «гибкость».

В фокусе внимания неизменно компетенции, а не ценности. Дидактика, а не идеалы. «Способность решать задачи», а не проблемы, требующие решения. Неизменно все крутится вокруг одного вопроса: какие знания и навыки нужны сегодняшним учащимся для того, чтобы преуспеть на рынке труда завтра — в 2030 г.?

И это совершенно неправильный вопрос.

В 2030-м высоким спросом будут пользоваться смекалистые бухгалтеры без проблем с совестью. Если сохранятся нынешние тенденции, страны вроде Люксембурга, Нидерландов и Швейцарии станут еще более крупными налоговыми гаванями, где транснациональные корпорации смогут эффективнее уклоняться от уплаты налогов, оставляя развивающиеся страны в еще более невыгодном положении. Если цель образования — принимать эти тенденции как они есть, вместо того чтобы переломить их, то ключевым навыком XXI в. обречен быть эгоизм. Не потому, что этого требуют законы рынка и технологий, но лишь по той причине, что, очевидно, именно так мы предпочитаем зарабатывать деньги.

Нам следует задать себе совершенно другой вопрос: какими знаниями и навыками наши дети *должны обладать* в 2030 г.? Тогда вместо предвосхищения и приспособления мы поставим во главу угла управление и создание. Вместо того чтобы размышлять о том, что нам *нужно*, чтобы зарабатывать на жизнь той или иной бесполезной

деятельностью, мы можем задуматься над тем, как мы *хотим* зарабатывать. Ни один специалист по тенденциям не сможет ответить на этот вопрос. И как бы он смог это сделать? Он просто следит за тенденциями, но не создает их. Сделать это — наша задача.

Для ответа нам необходимо исследовать себя и свои личные идеалы. Чего мы хотим? Больше времени на друзей, например, или на семью? На волонтерство? Искусство? Спорт? Будущее образование должно будет готовить нас не только для рынка труда, но и для жизни. Мы хотим обуздать финансовый сектор? Тогда, наверное, нам следует поучить подающих надежды экономистов философии и морали. Мы хотим большей солидарности между расами, полами и социальными группами? Введем предмет обществознания.

Если мы перестроим образование на основе наших новых идей, рынок труда радостно последует за ними. Представим себе, что мы увеличили долю искусств, истории и философии в школьной программе. Можно биться об заклад, что возрастет спрос на художников, историков и философов. Это подобно тому, как Джон Мейнард Кейнс представлял себе 2030 г. в 1930-м. Возросшее процветание и усилившаяся роботизация наконец-то позволят нам «ценить цель выше средств и предпочитать благо пользе». Смысл более короткой рабочей недели не в том, чтобы мы могли сидеть и ничего не делать, а в том, чтобы мы могли проводить больше времени за теми делами, которые для нас подлинно важны.

В конце концов, именно общество — а не рынок и не технологии — решает, что действительно ценно. Если мы хотим, чтобы в этом веке все мы стали богаче, нам необходимо освободиться от догмы, будто любая работа имеет смысл. И раз уж мы об этом заговорили, давайте избавимся и от того заблуждения, что высокий заработок автоматически отражает нашу ценность для общества.

Тогда мы, возможно, осознаем, что с точки зрения создания ценностей банкиром быть не стоит.

Нью-Йорк 50 лет спустя

Спустя полвека после забастовки Большое Яблоко, видимо, выучило урок. «В Нью-Йорке все хотят быть мусорщиками», — гласил недавний газетный заголовок. Сегодня те, кто убирается в огромном городе, имеют завидную зарплату. За пять лет можно заработать \$70 000 плюс сверхурочные и премии. «Эти люди обеспечивают жизнь нашего города, — объясняет в статье представитель департамента санитарного контроля. — Если они перестанут работать, даже ненадолго, жизнь в Нью-Йорке попросту остановится»²⁸³.

Было в газете и интервью с городским уборщиком. В 2006 г. 20-летнему Джозефу Лерману позвонили из городской администрации и сообщили, что он может начать работать сборщиком мусора. «Я почувствовал себя

так, как будто сорвал джекпот», — вспоминает он. Сегодня Лерман ежедневно встает в четыре утра и таскает мешки с мусором не менее 12 часов подряд. Для других ньюйоркцев вполне логично то, что он получает за свой труд хорошие деньги. «Честно говоря, — говорит официальный представитель мэрии, — эти мужчины и женщины не просто так слывут героями Нью-Йорка».

Цель будущего — безработица,
чтобы мы могли играть.

АРТУР КЛАРК (1917–2008)

Наперегонки с машиной

Такое случается уже не в первый раз. В начале XX в. эти старые добрые работники начали уступать место машинам. В 1901 г. в Англии их насчитывалось более миллиона, но уже через несколько десятилетий они практически исчезли²⁸⁴. Их заработки медленно, но верно таляли с приходом моторизованного транспорта — до такой степени, что перестало хватать даже на еду.

Конечно же я говорю о ломовых лошадях.

И у жителей Страны изобилия тоже есть все причины бояться за свои рабочие места, учитывая головокружительное развитие роботов, способных водить машины, читать, говорить, писать и — самое главное — вычислять. «Роль человека как важнейшего фактора производства обязательно будет падать, — писал нобелевский лауреат Василий Леонтьев в 1983 г., — точно так же, как роль лошадей в сельскохозяйственном производстве сначала снизилась, а затем вовсе свелась к нулю с появлением тракторов»²⁸⁵.

Роботы. Они стали одним из наиболее веских доводов в пользу сокращения рабочей недели и введения

универсального базового дохода. В самом деле, если нынешние тенденции сохранятся, альтернатива всего одна: структурная безработица и рост неравенства. «Машинное оборудование... — вор, который ограбит тысячи людей, — гневался английский ремесленник Уильям Лидбитер на встрече в Хаддерсфилде в 1830 г. — Мы увидим, как они разрушат эту страну»²⁸⁶.

Все началось с наших зарплат. В Соединенных Штатах реальный размер заработной платы среднестатистического работника, занятого с 9:00 до 17:00, *снизился* с 1969 по 2009 г. на 14%²⁸⁷. В других развитых странах, от Германии до Японии, заработная плата в большинстве профессий не менялась годами, невзирая на рост производительности. Главная причина проста: рабочей силы становится все больше. Технологические прорывы заставляют обитателей Страны изобилия напрямую конкурировать с миллиардами трудящихся по всему миру и с машинным производством.

Очевидно, люди не лошади. Лошадь обучается лишь до определенной степени. Люди же способны учиться и расти. Поэтому вольем деньги в образование и трижды крикнем «Ура!» экономике знаний.

Но только остается одна проблема. Даже у обладателей бумажки в рамке на стене есть причины для беспокойства. В 1830 г. механизированный ткацкий станок уничтожил профессию Уильяма Лидбитера, которой тот хорошо владел. Дело не в том, что Лидбитер не имел образования, а в том, что вдруг его навыки стали не нужны. В будущем подобный опыт переживут многие и многие люди.

«Рискну сказать, что в конце концов это приведет к крушению вселенной», — предупредил Уильям.

Люди против машин... Добро пожаловать на гонки!

Чип и ящик

Весной 1965 г. Гордон Мур, влиятельный инженер и будущий сооснователь Intel, получил письмо из журнала *Electronics Magazine* с просьбой написать статью о будущем компьютерного чипа в честь 35-летия издания. В те дни даже лучшие опытные модели содержали всего 30 транзисторов. Транзисторы — основные строительные кирпичики любого компьютера; тогда транзисторы были большими, а компьютеры — медленными.

Мур начал собирать данные и обнаружил нечто, его удивившее. Количество транзисторов в чипе удваивалось ежегодно с 1959 г. Естественно, он задумался: а что, если эта тенденция продолжится? К 1975 г., осознал он, в каждом чипе будут невообразимые 60 000 транзисторов. Вскоре компьютеры смогут выполнять арифметические вычисления лучше всех умнейших ученых-математиков вместе взятых!²⁸⁸ Статья Мура так и называлась: «Увеличение числа компонентов в интегральных схемах». Эти набитые транзисторами чипы подарят нам «такие чудеса, как домашние компьютеры», а также «портативные средства связи» и даже, возможно, «автоматическое управление автомобилем».

Мур знал, что он говорит наобум. Но 40 лет спустя крупнейший производитель чипов — компания Intel — предложит \$10 000 любому, кто откопает оригинальный выпуск того номера *Electronics Magazine*. Эта догадка вошла в историю как закон — закон Мура.

«Несколько раз я думал, что мы достигли предела, — признался Мур в 2005 г. — Развитие замедлилось»²⁸⁹. Но оно не остановилось! В 2013-м новая игровая консоль Xbox One базировалась на чипе, содержащем невероятные пять *миллиардов* транзисторов. Никто не может сказать, сколько это продолжится, но пока что закон Мура остается в силе²⁹⁰.

Теперь о *ящичке*.

Точно так же, как транзисторы стали стандартной единицей в информационной индустрии, транспортные контейнеры когда-то стали стандартной единицей в транспортировке²⁹¹. Конечно, прямоугольный стальной ящик не выглядит столь же революционным, как чипы и компьютеры, но подумайте вот о чем: до появления транспортных контейнеров товары грузили на корабли, поезда и фургоны по одному. Вся эта погрузка, разгрузка и перегрузка удлиняла каждый этап пути на целые дни.

И напротив, уложить и разгрузить транспортный контейнер нужно всего один раз. В апреле 1956 г. из Нью-Йорка в Хьюстон отправилось первое контейнерное судно. Пятьдесят восемь ящиков были доставлены за считанные часы, а на следующий день судно уже возвращалось с новым грузом. До изобретения этого стального ящичка корабли

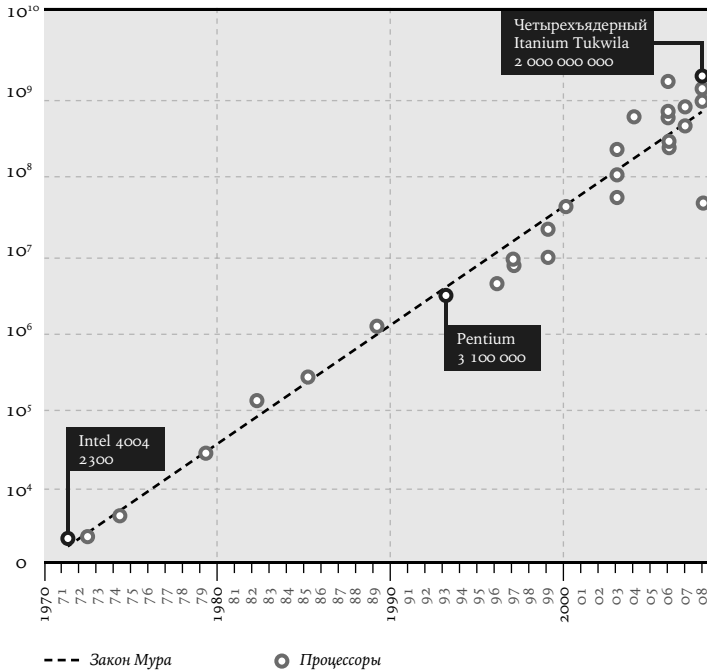

Рис. 10. Закон Мура

Число транзисторов в процессорах в 1970–2008 гг.

Источник: Wikimedia Commons

могли провести в порту от четырех до шести дней — половину своего времени. Через пару лет — всего 10%.

Пришествие чипа и ящика сделало мир меньше, ускорив движение товаров, услуг и капитала по земному шару²⁹². Технологии и глобализация шли рука об руку, быстро как никогда. Затем кое-что случилось — и никто не думал, что такое возможно.

Труд против капитала

Произошло то, чего, если верить учебникам, произойти не могло.

В 1957 г. экономист Николас Калдор выделил шесть знаменитых «фактов» экономического роста. Один из них: «Доли труда и капитала в общем доходе постоянны в течение длительных периодов времени». Константа такова: две трети дохода страны идут на зарплату рабочим, треть — в карманы владельцев капитала, то есть акций и машин. Поколениям молодых экономистов вдалбливали в головы, что «соотношение капитала и труда постоянно». Точка.

Но это не так.

Все начало меняться еще 30 лет назад, и сегодня лишь 58% богатства промышленно развитых стран идет на зарплату людям. Может показаться, что эта разница незначительна, но на самом деле она огромна. Сработали многие факторы, в том числе упадок профсоюзов, рост финансового сектора, снижение налогов на капитал и рост азиатских гигантов. Но какова главная причина? Технологический прогресс²⁹³.

Возьмем iPhone — технологическое чудо, совершенно невообразимое без чипа и ящика. Телефон собран из частей, которые произведены в США, Италии, Японии и на Тайване, скрепляются в Китае, а затем рассылаются по всему миру. Или возьмем обычную банку шоколадной пасты Nutella. Эта итальянская марка производится

- Штаб-квартира
- Крупные поставщики
- Главные офисы продаж
- Фабрики

Источник: Организация экономического сотрудничества и развития

Рис. 11. Откуда берется банка Nutella

на заводах в Бразилии, Аргентине, Европе, Австралии и России из нигерийского шоколада, малайзийского пальмового масла, китайского ванильного ароматизатора и бразильского сахара.

Может быть, мы и живем в век индивидуализма, но наши общества еще никогда не были столь зависимыми друг от друга.

Важный вопрос в том, кто получает выгоду. Инновации в Кремниевой долине приводят к массовым увольнениям в других местах. Просто взгляните на интернет-магазины

вроде Amazon. Появление онлайн-магазинов привело к потере миллионов рабочих мест в розничной торговле. Британский экономист Альфред Маршалл заметил эту динамику еще в конце XIX в.: чем меньше становится мир, тем меньше победителей. В свое время Маршалл наблюдал сокращение олигополии в сфере производства роялей. С каждой новой вымощенной улицей, с каждым новым вырытым каналом стоимость транспортировки падала еще немного, что упрощало перевозку продукции производителей роялей. Благодаря большей доле рынка и экономии за счет масштабов крупные производители оказывали растущее давление на мелких местных поставщиков. Поскольку мир сжимался все сильнее, мелкие игроки оказались вовсе выдавлены с рынка.

Этот процесс изменил облик и спорта, и музыки, и книгоиздательства — областей, в которых теперь доминирует горстка тяжеловесов. В эпоху чипа, ящика и интернет-торговли, если ты чуть лучше остальных, ты выиграл даже не битву, а войну. Экономисты называют это принципом «победитель забирает все»²⁹⁴. Маленькие бухгалтерские фирмы терпят убытки из-за появления программного обеспечения, позволяющего пользователям самостоятельно заполнить налоговые декларации, а книжным лавкам приходится бороться за место под солнцем с интернет-магазинами. Один сектор за другим занимают гиганты, хотя мир стал меньше.

Сегодня почти во всех развитых странах неравенство стремительно растет. В США разрыв между богатыми

и бедными уже больше, чем был в Древнем Риме, экономика которого основывалась на рабском труде²⁹⁵. В Европе разрыв между имущими и неимущими также увеличивается²⁹⁶. Даже Международный экономический форум, эта клика предпринимателей, политиков и поп-звезд, назвал растущее неравенство крупнейшей угрозой глобальной экономике.

Само собой, все произошло очень быстро. В 1964 г. в каждой из четырех крупнейших американских компаний работало около 430 000 человек, а в 2011-м их штат уменьшился вчетверо, несмотря на то что стоимость компаний вдвое выросла²⁹⁷. Или вспомним трагическую судьбу Kodak, компании, в которой изобрели цифровую камеру и где в конце 1980-х гг. трудились 145 000 человек. В 2012 г. она объявила о банкротстве, в то время как Instagram — бесплатный онлайн-сервис для обмена фотографиями со штатом 13 человек — был продан Facebook за миллиард долларов.

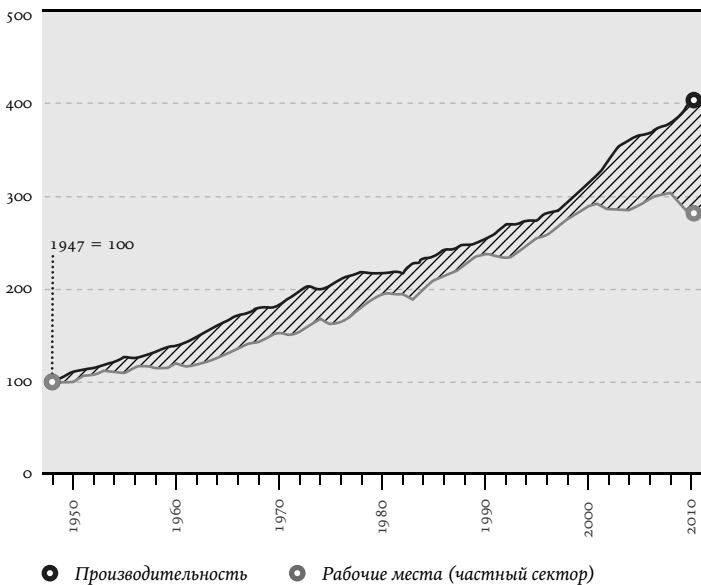
Действительность такова, что для создания успешного предприятия требуется все меньше и меньше людей, а это значит, что от каждого нового успешного предприятия выигрывают все меньше и меньше людей.

Автоматизация интеллектуальной работы

Еще в 1964 г. Айзек Азимов предсказал: «Человечество... станет по большей части расой, обслуживающей

машины». Но даже это оказалось чересчур оптимистично. Сегодня роботы угрожают рабочим местам даже тех, кто их обслуживает²⁹⁸. Среди экономистов популярна шутка: «На заводе будущего всего два работника: человек и собака. Человек нужен для того, чтобы кормить собаку. Собака — затем, чтобы не давать человеку прикасаться к оборудованию»²⁹⁹.

Сегодня обеспокоены не только эксперты по тенденциям из Кремниевой долины и технопроки. По оценкам оксфордских ученых, не менее 47% всех американских

Источники: министерство труда США, Бюро статистики труда

Рис. 12. Производительность и рабочие места в США, 1947–2011 гг.

рабочих мест и 54% европейских рабочих мест с высокой вероятностью будут уничтожены машинами³⁰⁰. Причем не за 100 лет или около того, а за ближайшие 20. «Энтузиасты отличаются от скептиков только временными оценками, — отмечает профессор из Университета Нью-Йорка. — Но через столетие нам будет все равно, насколько *быстро* это произошло; важно будет только то, что произошло после»³⁰¹.

Признаю, мы это слышим не впервые. Работники опасаются поднимающейся волны автоматизации уже 200 лет, и уже 200 лет работодатели уверяют их в том, что вместо старых рабочих мест естественным образом появятся новые. В конце концов, в 1800 г. фермерами были примерно 74% американцев, к 1900-му доля фермеров упала до 31%, а в 2000 г. их осталось всего 3%³⁰². Но это не привело к массовой безработице. И вспомним, что в 1930-м Кейнс писал о «новой болезни» «технологической безработицы», о которой скоро будут кричать все заголовки; однако в 1946 г., когда он умер, ситуация была отнюдь не плохой.

На протяжении 1950-х и 1960-х американская автомобильная промышленность пережила несколько волн автоматизации, но зарплаты и возможность трудоустроиться продолжали уверенно расти. Исследование 1963 г. продемонстрировало, что, хотя новые технологии и уничтожили за предыдущее десятилетие 13 млн рабочих мест, они создали 20 млн новых. «Вместо того чтобы бить тревогу по поводу усиливающейся автоматизации, мы

должны ее восхвалять», — отметил один из исследователей³⁰³.

Но это было в 1963-м.

На протяжении XX в. повышение производительности сопровождалось ростом численности рабочих мест. Человек и машина маршировали бок о бок. Сегодня, когда мы вступили в новое столетие, роботы внезапно нарастили темп. Началось это около 2000 г. с того, что два экономиста из Массачусетского технологического института назвали «великим разъединением». «Это большой парадокс нашей эры, — сказал один из них. — Производительность находится на рекордном уровне, инновации никогда не были столь стремительными, но в то же время мы наблюдаем падение медианного дохода и количества рабочих мест»³⁰⁴.

Сегодня новые рабочие места сосредоточены главным образом в основании пирамиды — в супермаркетах, сетях быстрого питания и в домах престарелых. Рабочие места, которым ничто не угрожает, еще существуют. Пока что.

Когда люди что-то значили

Сто лет назад слово *computer* обозначало род человеческой деятельности. Я не шучу: так называли работников — главным образом женщин, — которые целый день занимались вычислениями. Вскоре, правда, их труд стали

выполнять калькуляторы; это были первые из длинного ряда рабочих мест, уничтоженных компьютерами.

В 1990 г. технопророк Рэй Курцвейл предсказал, что компьютер даже сможет обыграть чемпиона мира по шахматам в 1998 г. Он, конечно же, ошибся. Deep Blue обыграл легендарного шахматиста Гарри Каспарова в 1997-м. Самым быстрым компьютером тех времен был ASCII Red, разработанный американскими военными; его максимальная скорость обработки информации составляла один терафлоп. Он был размером с теннисный корт и стоил \$55 млн. Шестнадцатью годами позже, в 2013 г., на рынок вышел новый суперкомпьютер, PlayStation 4, запросто выдававший два терафлопа, причем стоил он значительно меньше.

В 2011 г. компьютеры даже участвовали в телевикторинах. В тот год два ярчайших эрудита, Кен Дженнингс и Брэд Раттер, сразились с Watson на телевикторине Jeopardy!. Суммарные выигрыши Дженнингса и Раттера составляли к тому моменту более \$3 млн, но компьютеризированный противник попросту раздавил их. Битком набитый сведениями (200 млн страниц, включая полную копию Wikipedia), Watson дал больше правильных ответов, чем Дженнингс и Раттер, вместе взятые. «Участник телевикторины», — возможно, первая профессия, которую Watson сделал ненужной, — высказался Дженнингс. — Но я уверен, что это ненадолго»³⁰⁵.

Новое поколение роботов превзойдет нас не только силой, но и умом. Добро пожаловать, друзья, во Второй

век машин, как уже прозвали этот дивный новый мир чипов и алгоритмов. Первый век начался в 1765 г. с того, что шотландский изобретатель Джеймс Уатт во время прогулки придумал, как повысить эффективность парового двигателя. Было воскресенье, и набожному Уатту пришлось прождать целый день, прежде чем взяться за дело, но к 1776-му он соорудил механизм, способный выкачать 60 футов воды из шахты всего за 60 минут³⁰⁶.

Еще в те времена, когда почти все и везде были бедны, голодны, грязны, напуганны, тупы, больны и уродливы, вектор технологического развития устремился вверх. Вернее, он взмыл под углом около 90°. В 1800 г. Англия использовала втрое больше гидравлической энергии, чем энергии пара; 70 годами позже английские паровые двигатели генерировали столько энергии, что могли заменить 40 млн взрослых мужчин³⁰⁷. Машинная энергия стремительно вытесняла мускульную.

Сегодня, 200 лет спустя, пришел черед наших мозгов. И давно пора. «Компьютерный век настал везде, но только не в показателях роста производительности», — сказал экономист Боб Солоу в 1987 г. Компьютеры уже способны выполнять очень сложные операции, но их влияние на экономику минимально. Как и паровому двигателю, компьютеру тоже понадобилось время на то, чтобы набрать обороты. Или вспомним электричество: все значительные технологические новшества появились в 1870-х, но лишь около 1920 г. большинство фабрик перешли на электроэнергию³⁰⁸.

Перенесемся в сегодняшний день. Чипы теперь умеют делать то, что даже десять лет назад казалось невозможным. В 2004 г. два видных ученых написали книгу³⁰⁹, одна из глав которой многозначительно называлась «Почему люди все еще что-то значат». Почему же? А потому, что вождение автомобиля никогда не удастся автоматизировать. Но через шесть лет робоавтомобили Google уже проехали более миллиона километров.

Футуролог Рэй Курцвейл убежден, что в 2029 г. компьютеры будут не менее разумны, чем люди. В 2045-м они могут стать в миллиард раз умнее, чем все человеческие мозги вместе взятые. Согласно технопророкам, экспоненциальный рост машинной вычислительной мощности попросту неограничен. Конечно, Курцвейл наполовину гений, наполовину сумасшедший. И стоит помнить о том, что вычислительная мощность и разумность — не одно и то же.

И все же мы отказываемся от его пророчеств себе на погибель. В конце концов, мы уже не раз недооценивали силу экспоненциального роста.

На этот раз все иначе

Итак, вопрос на миллион: что нам следует делать? Какие новые рабочие места принесет будущее? И, самое важное, захотим ли мы делать такую работу?

Компании вроде Google, конечно же, будут заботиться о своих работниках, кормить их прекрасными обедами,

каждый день делать им массаж и щедро оплачивать их труд. Но для того чтобы получить работу в Кремниевой долине, вам понадобится незаурядный талант, амбиции и удача. Это одна сторона явления, которое экономисты называют «поляризацией рынка труда», — ширящейся пропасти между «паршивой работой» и «прекрасной работой». Хотя количество высоко- и низкоквалифицированной работы остается достаточно стабильным, рабочих мест, требующих средней квалификации, становится все меньше³¹⁰. Медленно, но верно опора современной демократии — средний класс — осыпается. И хотя США лидируют в этом процессе, остальные развитые страны не сильно от них отстают³¹¹.

Некоторые жители нашей современной Страны изобилия обнаружили себя на обочине даже несмотря на то, что они здоровы, крепки и готовы закатать рукава. Подобно английским ломовым лошадям в начале XX в., они не могут отыскать работодателей, готовых нанять их хоть за какую-то плату. Азиатский, африканский и роботизированный труд всегда будет дешевле. И хотя пока что более эффективным является передача работы на дешевый внешний подряд в Азию или Африку³¹², как только заработки и уровень технологического развития в этих странах начнут расти, роботы выиграют и там. В конце концов, аутсорсинг — это всего лишь трамплин. В итоге даже предприятия с потогонной системой организации труда во Вьетнаме и Бангладеш будут автоматизированы³¹³.

Роботы не болеют, не нуждаются в отдыхе и никогда не жалуются, но, если из-за них люди массово будут вынуждены заниматься низкооплачиваемой, бесперспективной деятельностью, избежать проблем не удастся. Британский экономист Гай Стэндинг предсказал появление нового, опасного социального класса, «прекариата»*, — людей с низкими заработками, временной работой и без политического голоса. Их сетования будут устрашающе похожи на жалобы Уильяма Лидбитера. Этот английский ремесленник, который боялся, что машины уничтожат его страну — и даже всю вселенную, — принадлежал к подобному опасному классу и движению, заложившему основы капитализма.

Знакомьтесь: луддиты.

Битва у «Роуфолдс-Милл»

11 апреля 1812 г. от 100 до 200 мужчин в масках собрались на темном участке земли неподалеку от Хаддерсфилда, между Манчестером и Лидсом, Англия. Они столпились у каменной колонны, известной как Тупой шпиль, вооруженные до зубов молотами, топорами и пистолетами.

Верховодит здесь харизматичный молодой рабочий-стригальщик по имени Джордж Меллор. Он высоко поднимает свой длинный пистолет (по слухам, привезенный

---

* См.: Стэндинг Г. Прекариат. Новый опасный класс. — М.: Ад Маргинем, 2014. — *Прим. ред.*

из России), чтобы все видели. Цель собравшихся — «Роуфолдс-Милл», фабрика, принадлежащая некоему Уильяму Картрайту. Богатый предприниматель, мистер Картрайт недавно внедрил ткацкий станок новой разновидности, способный заменить четырех умелых ткачей. С этих пор среди йоркширских луддитов, как называли себя эти люди в масках, начала бушевать безработица.

Но кто-то предупредил Картрайта. Он вызвал солдат, те устроили засаду. Двадцать минут, 140 пуль и две смерти спустя Меллор и его люди были вынуждены отступить. Судя по кровавым следам, обнаруженным на расстоянии вплоть до четырех миль, десятки из них были ранены.

Через две недели владелец «Роуфолдс-Милл» Уильям Хорсфолл, разъяренный атакой на фабрику, отправляется верхом из Хаддерсфилда в близлежащую деревню Марсден, поклявшись, что скоро будет «скакать по седло в крови луддитов». Он не знает о том, что четыре луддита, Меллор в их числе, планируют напасть на него. Хорсфолл не дожил и до полудня: он был убит пулей, выпущенной из русского пистолета.

Следующие месяцы Йоркшир охвачен восстаниями. Комитет, возглавляемый энергичным мировым судьей Джозефом Рэдклифом, получил указания расследовать бойню у «Роуфолдс-Милл» и убийство Уильяма Хорсфолла. Они устраивают облаву. Вскоре Бенджамин Уокер, один из тех, кто помог заманить Хорсфолла в ловушку, является с повинной к Рэдклифу в надежде спасти свою шкуру и получить обещанные £2000 награды.

Уокер называет своих сообщников: Уильяма Торпа, Томаса Смита и их лидера Джорджа Меллора.

Вскоре все трое были повешены.

Правота луддитов

«Ни один из заключенных не проронил ни слезинки», — писала *Leeds Mercury* на следующий день после казни. Меллор молился о прощении своих грехов, но луддитскую деятельность в их числе не упомянул. Уокеру — предателю — сохранили жизнь, но награды не выдали. Говорят, что он окончил свои дни бедняком на улицах Лондона.

Через 200 лет от «Роуфолдс-Милл» ничего не осталось, но неподалеку есть канатный завод, рабочие которого любят рассказывать истории о призраках луддитов, бродящих ночами по полям³¹⁴. И они правы: призрак луддизма с нами по сей день. В начале Первого века машин текстильные рабочие в Центральной и Северной Англии подняли восстание, считая своим предводителем легендарного Неда Лудда, который в 1779 г. якобы разнес два ткацких станка в приступе ярости. Поскольку профсоюзы были вне закона, луддиты прибегли к тому, что историк Эрик Хобсбаум назвал «переговорами посредством бунта». Двигаясь от одной фабрики к другой, рабочие громили здания и оборудование.

Конечно, рабочий Уильям Лидбитер несколько преувеличивал, пророча «разрушение вселенной машинами»,

но беспокойство луддитов трудно назвать бесосновательным. Их жалование стремительно сокращалось, рабочие места таяли, словно снег под солнцем. «Как этим мужчинам, выброшенным с работы, обеспечивать свои семьи? — вопрошали суконщики Лидса в конце XVIII в. — Кто-то говорит: начните и освойте новое дело. Предположим, мы так и поступим; но кто будет содержать наши семьи, пока мы заняты этой непростой задачей? А когда мы его освоим, откуда нам знать, что наши старания были не зря? Ведь может появиться другая машина, которая отберет у нас и это дело»³¹⁵.

Бунт луддитов, достигший своего пика в 1811-м, был жестоко подавлен. Более ста человек суд приговорил к повешению. Луддиты объявили войну машинам, но машины победили. В итоге этот эпизод представляют незначительной заминкой в марше прогресса. В конце концов машины породили столько новых рабочих мест, что их оказалось достаточно даже после демографического взрыва XX в. Как сказал дерзкий вольнодумец Томас Пейн, «каждая машина для упрощения труда — благословение для великой семьи, частью которой мы являемся»³¹⁶.

И это так. Слово «робот» происходит от чешского *robota* — «работа», «труд». Человек создал роботов, чтобы они делали именно то, чего люди предпочли бы не делать сами. «Машины должны работать в угольных шахтах, — с энтузиазмом писал Оскар Уайльд в 1890 г., — кочегарить на пароходах и чистить улицы, развозить письма в дождливые дни, делать утомительную и неприятную

работу»*. Согласно Уайльду, древним грекам была известна неудобная истина: для цивилизации нужны рабы. «Будущее мира зависит от механического рабства — рабства машин»³¹⁷.

Однако для будущего мира не менее важен механизм перераспределения. Нам следует придумать систему, которая гарантировала бы, что Второй век машин принесет пользу всем, — систему, которая возместит убытки проигравшим. Последние 200 лет такой системой был рынок труда, непрерывно кующий новые рабочие места и тем самым перераспределяющий плоды прогресса. Но насколько еще его хватит? Что, если страхи луддитов были хотя и преждевременными, но все же пророческими? Что, если большинство из нас в долгосрочной перспективе обречены отстать в беге наперегонки с машиной?

Что можно сделать?

Средства защиты

Согласно многим экономистам, выхода практически нет. Тенденции ясны. Неравенство продолжит расти, и каждый, кто не освоит навыка, недоступного машинам, останется на обочине. «Специальности, обслуживающие лиц с высокими заработками практически каждый момент их жизни, действительно станут одним из главных

---

* Весь Оскар Уайльд, «Душа человека при социализме» (1891). Уайльд О. Собрание сочинений в 3 т. Т. 3. — М.: Терра, 2000.

источников новых рабочих мест в будущем», — пишет американский экономист Тайлер Коуэн³⁸. Хотя низшим классам будут доступны такие удобства, как дешевая солнечная энергия и бесплатный wi-fi, разрыв между ними и ультрабогачами будет больше, чем когда бы то ни было.

Кроме того, даже по мере обеднения деревень и городов периферии смычка богатства и образованности будет укрепляться. Мы уже видим, как это происходит в Европе: испанским технарям проще найти работу в Амстердаме, чем в Мадриде, а греческие инженеры повышают ставки и отправляются в города вроде Штутгарта и Мюнхена. Выпускники колледжей переезжают поближе к тем, кто тоже окончил колледж. В 1970-х гг. самый образованный город Америки (в смысле доли жителей со степенью бакалавра) был на 16 процентных пунктов образованнее самого необразованного города. Сегодня разрыв вдвое больше³⁹. Если раньше люди судили друг о друге по происхождению, то сегодня они судят по дипломам. Покуда машины не могут оканчивать колледж, ученая степень окупается хорошо, как никогда прежде.

Неудивительно, что нашим обычным ответом было влить побольше денег в образование. Вместо того чтобы обгонять машину, мы изо всех сил стараемся от нее не отставать. В конце концов, именно массовые вложения в школы и университеты позволили нам приспособиться к технологическим цунами XIX–XX вв. Но тогда для повышения потенциального дохода нации фермеров требовалось совсем немного — базовые навыки вроде чтения,

письма и счета. Подготовить наших детей к новому веку будет значительно более трудным делом, не говоря уже о его дороговизне. Плоды с нижних веток уже собраны подчистую.

Либо мы можем внять совету голландского грессмейстера Яна Хейна Доннера. Когда его спросили, какую стратегию он выбрал бы в игре против компьютера, он ответил, почти не задумываясь: «Я бы взял с собой молоток». Избрать этот путь — значит последовать по стопам императора Священной Римской империи Франциска II (1768–1835), запретившего строительство заводов и железных дорог. «Нет, нет, я не собираюсь иметь с этим ничего общего, — заявил он, — иначе в стране может случиться революция»³²⁰. Из-за его сопротивления австрийские поезда и в XIX в. приводились в движение лошадьми.

Любому желающему продолжить собирать плоды прогресса придется придумать решение порадикальнее. Мы приспособились к Первому веку машин посредством революции в образовании и социальных пособиях, и Второй век машин требует не менее решительных мер. Таких мер, как сокращение рабочей недели и введение универсального базового дохода.

Будущее капитализма

Нам сегодня трудно вообразить общество будущего, в котором оплачиваемый труд не будет являться альфой

и омегой нашего существования. Но неспособность представить себе мир, где все иначе, свидетельствует только о бедности фантазии, но никак не о невозможности перемен. В 1950-х мы не могли вообразить, что холодильники, пылесосы и, самое главное, стиральные машины позволят рекордному числу женщин выйти на рынок труда, но, тем не менее, это случилось.

Однако курс истории определяет не сама технология. В конечном итоге мы, люди, решаем, какой быть нашей судьбе. Сценарий расового неравенства, намечающийся в США, не является единственно возможным. Альтернатива в том, что в какой-то момент в этом веке мы откажемся от ставшего догмой представления, будто для жизни необходимо работать. Чем богаче мы становимся как общество, тем менее эффективно рынок труда будет распределять богатство. Если мы хотим сохранить преимущества, которые дают технологии, у нас остается только один вариант: перераспределение. Массовое перераспределение.

Перераспределение денег (базовый доход), времени (укороченная рабочая неделя), налогообложения (брать налоги с капитала, а не с труда) и, конечно, роботов. Еще в XIX в. Оскар Уайльд с нетерпением ждал того дня, когда каждый ощутит пользу от умных машин, которые будут «общественной собственностью»³²¹. Технологический прогресс сделает общество более процветающим в целом, но нет экономического закона, который утверждал бы, что это принесет пользу каждому.

Не так давно французский экономист Томас Пикетти вызвал бурю негодования, предположив, что, если мы продолжим идти нынешним путем, вскоре вновь окажемся в обществе рантье «позолоченного века». Люди, владевшие капиталом (акциями, домами, машинами), наслаждались куда более высоким стандартом жизни, чем все остальные, кому приходилось тяжело работать. Сотни лет доходность капитала составляла 4–5%, в то время как ежегодный экономический рост — менее 2%. Если не возобновится сильный, инклюзивный рост (весьма маловероятно), не будут введены высокие налоги на капитал (тоже вряд ли) и не разразится третья мировая война (будем надеяться, что нет), неравенство может вновь приобрести пугающие масштабы.

Все стандартные решения — больше школьного образования, ужесточение законодательства, аскетизм — отправляются прямым ходом в мусор. В итоге единственным решением оказывается всемирный прогрессивный налог на богатство, говорит профессор Пикетти, впрочем признавая, что это всего лишь «полезная утопия». И тем не менее будущее не выбито в камне. На протяжении всей истории движение к равенству было важной частью политики. Если закону всеобщего прогресса не удастся проявиться самостоятельно, ничто не запрещает нам самим ввести его в действие. Отсутствие такого закона может угрожать свободному рынку как таковому. «Мы должны спасти капитализм от капиталистов», — заключает Пикетти²²².

УТОПИЯ ДЛЯ РЕАЛИСТОВ

Эта парадоксальная идея была точно выражена в коротком диалоге 1960-х гг. Внук Генри Форда, показывая лидеру профсоюза Уолтеру Рейтеру новую автоматизированную фабрику, в шутку спросил: «Уолтер, как вы собираетесь добиваться от этих роботов уплаты профсоюзных взносов?» Рейтер и глазом не моргнув ответил: «Генри, как вы собираетесь заставить их покупать ваши машины?»

Будущее уже здесь, оно просто
неравномерно распределено.

Уильям Гибсон (р. 1948)

За воротами Страны изобилия

И вот тут подступает щемящее чувство вины. Вот они мы, в Стране изобилия, философствуем о декадентских утопиях с дармовыми деньгами и 15-часовой рабочей неделей, в то время как миллионам людей по-прежнему приходится выживать на один доллар в день. Не следует ли нам вместо этого попытаться ответить на самый главный вызов наших дней — дать всем людям на земле блага Страны изобилия?

Ну, мы уже пытались. Запад тратит \$134,8 млрд в год, \$11,2 млрд в месяц, \$4274 в секунду на помощь развивающимся странам³²³. За последние 50 лет эта помощь составила почти \$5 трлн³²⁴. Вроде бы много, да? Но вообще-то войны в Ираке и Афганистане стоили примерно столько же³²⁵. И не забудем, что развитые страны ежегодно тратят вдвое больше на субсидии собственному сельскому хозяйству, чем на иностранную помощь³²⁶. Но это, конечно, много. Скажем прямо: \$5 трлн — это астрономическая сумма.

Итак, вопрос: помогло ли это?

Не так-то просто разобраться. Единственный честный ответ таков: этого никто не знает.

Мы буквально понятия не имеем. Условно говоря, 1970-е были временем расцвета гуманитарной помощи, но, опять-таки, ситуация в Африке оставалась откровенно тяжелой. Сейчас мы урезали объемы помощи, и дела пошли лучше. Есть ли здесь взаимосвязь? Кто знает? Без Band Aid и Боно могло быть в сто раз хуже. А может, и нет. Согласно исследованию Всемирного банка, 85% всей западной помощи в XX в. было потрачено иначе, чем предполагалось³²⁷.

Значит, все зря?

Мы понятия не имеем.

У нас, конечно, есть экономические модели, рассчитывающие поведение людей, исходя из предположения, что люди — рациональные существа. У нас есть ретроспективные обзоры, показывающие, как школа, деревня или страна менялась после того, как получала кучу денег. У нас есть трогательные и душераздирающие истории о конкретных случаях, в которых помощь помогала или не помогала. У нас есть чутье. Много чутья.

Эстер Дюфло, профессор из Массачусетского технологического института (МТИ), говорит с сильным французским акцентом и сравнивает исследования программ помощи развитию со средневековым кровопусканием³²⁸. Эта когда-то распространенная медицинская практика заключалась в том, что пациенту на вены ставили пиявки, которые должны были избавить его от лишних телесных

жидкостей. Если пациент выздоравливал, доктор мог себя с этим поздравить. Если больной умирал — что ж, на все воля Божья. Хотя врачи действовали из лучших побуждений, сегодня мы понимаем, что кровопускание стоило нам миллионов жизней. Даже в 1799 г., когда Алессандро Вольта изобрел электрическую батарейку, Джорджа Вашингтона лишили нескольких пинт крови, дабы облегчить ему боль в горле. Два дня спустя президент умер.

Иными словами, кровопускание — тот самый случай, когда лечение хуже болезни. Но можно ли такое сказать о помощи развитию? Согласно профессору Дюфло, у двух этих «лекарств» определенно есть общая ключевая черта — эффективность и того и другого научно не доказана.

В 2003 г. Дюфло участвовала в создании Лаборатории помощи бедным МТИ, в которой сегодня работают 150 исследователей, проводших более 500 исследований в 56 странах. Их работа перевернула мир помощи развитию с ног на голову.

Жила-была контрольная группа

Действие нашего рассказа начинается в Израиле, где-то в VII в. до н. э. Навуходоносор, царь Вавилона, только что покорил Иерусалим, и теперь он приказывает главному евнуху сопроводить несколько представителей израильской знати к нему во дворец. В их числе Даниил, человек,

известный своим благочестием. По прибытии Даниил просит евнуха позволить ему воздержаться «от королевской пищи и вина», поскольку он сам и его люди соблюдают определенную диету из религиозных соображений. Евнух потрясен и возражает. «Я боюсь своего господина, царя, — говорит он, — который решил, что вы будете есть и пить. Если царь заметит, что вы выглядите хуже, чем прочие молодые люди вашего возраста, я из-за вас лишусь головы».

И Даниилу в голову пришла хитрая мысль. «Испытай своих слуг в течение десяти дней: не давай нам есть ничего, кроме овощей, и только воду для питья. Затем сравни нас с теми, кто питался лишь царской едой, и реши, что с нами делать». Вавилонянин согласился. Десять дней спустя Даниил и его друзья выглядели «здоровее и упитаннее» придворных, и с этого момента им больше не подавали царских кушаний и вина — только овощи. Что и требовалось доказать.

Пройдет несколько веков, и эти события будут увековечены в главном бестселлере всех времен — Библии. В Книге пророка Даниила (Дан., 1:1–16) мы находим первое письменное свидетельство о проведении сравнительного эксперимента, в ходе которого гипотеза проверялась посредством контрольной группы. Но только еще через несколько столетий сравнительное испытание подобного рода станет золотым стандартом в науке. Сегодня мы назвали бы его рандомизированным контролируемым исследованием (РКИ). Будь вы ученым-медиком, вы бы произвольно разделили участников эксперимента,

имеющих одну и ту же проблему со здоровьем, на две группы. Одна из них получала бы препарат, который вы хотите протестировать, а другая — плацебо³²⁹.

Что касается кровопускания, то результаты первого сравнительного эксперимента в этой области были опубликованы в 1836 г. французским врачом Пьером Луи. Своим пациентам, страдавшим пневмонией, он либо пускал кровь, либо ставил пиявки в течение нескольких дней. В первой группе умерли 44% больных, во второй — 25%³³⁰. По сути, доктор Луи провел первые клинические испытания в истории, и кровопускание оказалось делом весьма рискованным.

Удивительно, но первое рандомизированное контролируемое исследование иностранной помощи развитию было проведено лишь в 1998 г. Только спустя полтора столетия после того, как доктор Луи отправил кровопускание в мусорную корзину истории, молодой американский профессор Майкл Кремер додумался изучить влияние бесплатных учебников на школьников Кении. В те годы считалось, что книги могут снижать количество прогулов и повышать экзаменационные оценки. Тонны академической литературы утверждали именно это, и в 1991-м, всего за несколько лет до публикации работы Кремера, Всемирный банк воодушевленно рекомендовал программы распространения бесплатных книг³³¹.

Но была одна небольшая проблема. Ни одно из этих более ранних исследований не учитывало других переменных.

Кремер энергично взялся за дело. Объединив силы с некой гуманитарной организацией, он отобрал 50 школ: 25 из них получили бесплатные учебники, в то время как учащиеся других 25 остались с пустыми руками. Провести РКИ в стране, где инфраструктура связи слаба, дороги ужасны, а голод — обычное явление, было непросто, но четыре года спустя данные были собраны.

Бесплатные книги не изменили ничего. Оценки не улучшились³³².

Эксперимент Кремера стал вехой. С тех пор вокруг помощи развитию выросла целая индустрия рандомизированных исследований; ее адепты получили меткое прозвище «рандомисты». Этим исследователям надоело опираться на интуицию и чутье, они устали спорить с кабинетными учеными о нуждах людей, страдающих в Африке и не только. Рандомисты хотели чисел — непроверяемых данных, показывающих, какая помощь помогает, а какая нет.

Кто же их лидер? Миниатюрная профессор с сильным французским акцентом.

Куча денег и хороший план

Не так давно, будучи студентом колледжа, я прослушал курс о помощи развитию. Нам задали прочесть книги Джеффри Сакса и Уильяма Истерли — двух ведущих мыслителей в этой области. В 2005-м Сакс издал книгу

«Конец бедности» (с предисловием поп-звезды Боно), в которой этот американский профессор утверждал, что крайнюю бедность можно полностью изжить до 2025 г. Все, что нам нужно, — куча денег и хороший план. Заметьте: *его* план.

Истерли раскритиковал идеи Сакса. Он обвинил коллегу в постколониальном мессианском стремлении облагодетельствовать человечество и заявил, что развивающиеся страны можно изменить только «снизу вверх», то есть через установление местной демократии и, самое главное, свободного рынка. Согласно Истерли, «лучший план — отсутствие плана».

Пересматривая старые конспекты, я не встретил в них имени Эстер Дюфло. Это и неудивительно, учитывая, что она старательно избегает напыщенной высокоинтеллектуальной риторики, свойственной таким типам ученого, как Сакс и Истерли. Цели Дюфло, по сути, в том, чтобы «устранить догадки из процесса создания политики»³³³.

Например, каждый год сотни тысяч детей умирают от малярии, хотя это можно предотвратить с помощью специальных сеток, производство, доставка и распространение которых, вместе с обучением их использованию, обойдется в \$10 за штуку. В своей работе 2007 г., озаглавленной «Решение за \$10» (The \$10 Solution), Сакс писал: «Нам следует выдвинуть армию добровольцев Красного Креста, чтобы они распространили надкроватные сетки и обеспечили обучение жителей десятков тысяч деревень по всей Африке».

Истерли понимал, к чему все это приведет. Сакс и Боно организуют благотворительный концерт, насобирают пару миллионов, а затем раскидают тысячи противомоскитных сеток по всей Африке. Местные торговцы сетками немедля вылетят в трубу, а лишние сетки вскоре станут использовать в качестве рыболовной снасти и свадебных вуалей. Через несколько лет после кампании Сакса-спасителя, когда дареные сетки поизносятся, число детей, умирающих от малярии, будет выше, чем когда-либо прежде.

Правдоподобно? А то.

Но Эстер Дюфло не интересуют спекуляции о том, что *кажется* правдоподобным. Если нужно узнать, что лучше — раздавать противомоскитные сетки или продавать их, — можно философствовать в кресле до посинения, а можно пойти и провести исследование. Именно так и решили поступить два ученых из Кембриджского университета. Они провели в Кении рандомизированное контролируемое исследование, в ходе которого одна группа людей получала сетки бесплатно, а другая могла купить их со скидкой. Когда за сетки надо было платить три доллара, их приобретал только каждый пятый. И наоборот, в группе, которая имела возможность получить сетки даром, предложение приняли почти все. Более того, в 90% случаев сетки использовались строго по назначению независимо от того, были они бесплатными или нет³³⁴.

Но и это не все. Через год всем участникам эксперимента предложили купить новую сетку, на этот раз за два доллара. Любой, кто читал книги Истерли, решит, что

люди из «бесплатной» группы не захотели платить, так как привыкли к халяве. Это звучит правдоподобно. К сожалению, этой теории не хватает самого главного: доказательств. Те, кто получал сетку бесплатно, покупали сетку вдвое чаще тех, кто заплатил за нее три доллара.

«Люди привыкли не к подачкам, — лаконично отмечает Дюфло, — а к сеткам».

Чудесный метод?

Это как минимум совершенно новый подход к экономике. Рандомисты мыслят не моделями. Они не думают, что люди рациональны. Они считают людей существами эксцентричными, иногда глупыми, пронизательными или испуганными, то альтруистами, то эгоистами. И этот подход, по-видимому, дает значительно лучшие результаты.

Так почему же мы выясняли это так долго?

Причин несколько. Проводить рандомизированные контролируемые исследования в бедных странах — дело трудное, долгое и дорогое. Зачастую местные организации вовсе не желают сотрудничать, не в последнюю очередь из-за опасения, что в результате исследования станет очевидна их собственная неэффективность.

Возьмем, к примеру, микрокредитование. Концепции эффективного оказания помощи развитию сменяют друг друга: «оптимизация управления», «образование», злополучные «микрокредиты» в начале этого века. Конец

микрокредитованию положила наша старая знакомая Эстер Дюфло. Она провела роковое РКИ в Хайдарабаде, Индия, и выяснила, что, несмотря на все оптимистичные рассказы о микрокредитовании, нет никаких доказательств, что оно является действенным средством борьбы с бедностью и болезнями³³⁵. Раздавать деньги куда полезнее. Оказывается, раздача наличных — один из наиболее тщательно изученных способов борьбы с бедностью. Рандомизированные контролируемые исследования по всему миру показали, что и в краткосрочной и в долгосрочной перспективе, и в большом и в малом объеме денежные перечисления — крайне успешный и действенный инструмент³³⁶.

И все же РКИ не панацея. Не все можно измерить, и не всякие результаты можно обобщить. Кто в состоянии предугадать, окажет ли бесплатное распространение учебников одинаковое влияние в Западной Кении и на севере Бангладеш? И, кроме того, следует учесть этический аспект. Например, если после стихийного бедствия исследователи станут предоставлять помощь лишь половине пострадавших и оставлять контрольную группу ни с чем, их метод будет выглядеть как минимум сомнительным с моральной точки зрения. Иной разговор, когда речь заходит о помощи структурному развитию. Поскольку денег на решение всех проблем все равно никогда не хватает, лучший способ — делать все, что кажется эффективным. Это как с новыми лекарственными препаратами: вы никогда не отправите их на рынок, не испытав.

Или возьмем школьную посещаемость. Похоже, у каждого есть своя идея насчет того, как ее повысить. Следует оплачивать школьную форму. Продвигать идею получения кредита для оплаты обучения. Обеспечить детей бесплатными завтраками. Установить туалеты. Повысить осведомленность общества о ценности образования. Нанять больше учителей. И так далее и тому подобное. Все эти предложения выглядят совершенно логичными. Но благодаря РКИ мы знаем, что \$100, которые расходуются на бесплатные обеды, дают возможность учиться дополнительные 2,8 года — втрое больше того, что позволяют бесплатные униформы. Было доказано, что дегельминтация детей с жалобами на боли в животе обуславливает дополнительные 2,9 года обучения при абсурдно малых затратах — всего десять долларов за лечение одного ребенка. Ни один кабинетный философ не мог бы такого предсказать, но за время, прошедшее после обнародования этих открытий, десятки миллионов детей были избавлены от кишечных паразитов.

В сущности, мало кто воспринимает результаты РКИ негативно. Традиционные экономисты говорят, что бедные должны лечиться от паразитов по собственной воле — исходя из понимания очевидных выгод и в силу врожденной человеческой рациональности. Но они заблуждаются. В статье в *New Yorker*, опубликованной несколько лет назад, Дюффо вспомнила хорошо известную шутку об экономисте, который видит на улице

стодолларовую банкноту. Будучи разумным человеком, он не подбирает купюру, ведь она не может не быть фальшивкой.

Для рандомистов вроде Дюфло тротуары усыпаны такими стодолларовыми банкнотами.

Большая тройка

Пришло время положить конец тому, что Дюфло называет большой тройкой помощи в целях развития, — идеологии, невежеству и инерции*. «Я могу предложить немного вариантов того, как начинать, — сказала она несколько лет назад в одном интервью. — Но у меня есть мнение, которое я всегда отстаиваю: человек должен оценивать явления. Я всегда рада результатам. Я пока что не видела такого результата, который мне бы не понравился»³³⁷. Многие желающие «творить добро» могут поучиться такому мироощущению. Дюфло — пример человека, который способен сочетать большие идеи с жадной знанием и быть идеалистом, не погрязая в идеологии.

И все же.

И все же помощь развитию, какой бы действенной она ни была, — всегда капля в море. На серьезные вопросы о том, какой должна быть структура демократии, в чем

---

* Точнее, Дюфло говорит о трех *I* (*three I's — Ideology, Ignorance, and Inertia*). — Прим. ред.

нуждается страна для процветания, нельзя ответить с помощью РКИ и, уж тем более, денег. Зациклиться на хитроумных исследованиях — значит забыть, что самые действенные меры против бедности принимаются в других звеньях экономической цепочки. По оценкам ОЭСР, бедные страны теряют из-за неуплаты налогов втрое больше, чем получают в виде иностранной помощи³³⁸. К примеру, борьба с офшорами потенциально может принести гораздо больше пользы, чем любые благонамеренные программы помощи.

Мы можем обратиться даже к большему масштабу. Вообразите, что есть некий единственный шаг, сделав который вы сможете излечить всяческую бедность повсюду, подняв каждого африканца над уровнем бедности по западным меркам и заодно положить несколько месячных зарплат *и в наши с вами* карманы. Просто представьте. Вы бы решились на эту меру? Нет. Конечно нет. В конце концов, она была вам доступна многие годы. Но этот самый лучший план так и не был воплощен.

Я говорю об открытии границ.

Не только для бананов, деривативов и айфонов, но для всех и каждого — для работников интеллектуального труда, для беженцев и для обычных людей, ищущих лучшей жизни.

Конечно, теперь мы все по горькому опыту знаем, что экономисты — не пророки (экономист Джон Кеннет Гэлбрейт однажды сострил, что единственное предназначение экономических прогнозов — спасти репутацию

астрологии), но их взгляды на данный вопрос удивительно схожи. Четыре разных исследования показали, что в зависимости от уровня мобильности на глобальном рынке труда рост «валового всемирного продукта» может составить от 67 до 147%³³⁹. То есть открытие границ сделает мир *вдвое* богаче.

Это привело одного исследователя из Университета Нью-Йорка к тому выводу, что сегодня мы «оставляем на тротуарах банкноты достоинством в триллион долларов»³⁴⁰. Экономист из Университета Висконсина подсчитал, что открытие границ повысит доход среднего ангольца примерно на \$10 000 в год, а нигерийца — на \$22 000³⁴¹.

Так зачем обсуждать крохи — помощь развитию, сто-долларовые купюры Дюфло, — когда вместо этого мы можем попросту распахнуть настежь ворота Страны изобилия?

\$65 000 000 000 000

Как план это звучит немного безумно. Но опять же, границы мира были все равно что открыты уже 100 лет назад. «Паспорта для того и устроены, чтобы мешать честным людям», — говорит детектив из романа Жюль Верна «Вокруг света в восемьдесят дней» (1874) британскому консулу в Суэце. «Вам известно, что формальность с визой необязательна и мы не требуем больше предъявления

паспорта?»* — говорит консул, когда главный герой, Филеас Фогг, просит поставить штамп.

Накануне Первой мировой войны границы существовали главным образом в виде линий на бумаге. Паспорта были редкостью, и страны, их все же выпустившие (вроде России и Османской империи), считались нецивилизованными. Кроме того, чудо технологий XIX в. — поезд — должно было стереть границы навсегда.

А затем разразилась война. Правительства позакрывали границы, чтобы не впускать шпионов и не выпускать всех тех, кто был нужен для ведения войны. На конференции 1920 г. в Париже международное сообщество пришло к первым в истории соглашениям об использовании паспортов. Сегодня любой, кто попытается повторить путешествие Филеаса Фогга, будет обязан получить десятки виз, пройти через сотни пропускных пунктов и бесчисленное количество раз подвергнуться обыску. В нашу эру «глобализации» лишь 3% мирового населения живет за пределами страны своего рождения.

Как это ни странно, мир открыт нараспашку для всего — кроме людей. Товары, услуги и акции гуляют по миру вдоль и поперек. Сведения распространяются свободно, Wikipedia доступна на трехстах языках, а Агентство национальной безопасности США может запросто узнать, в какие игры играет Джон из Техаса на своем смартфоне.

---

* Верн Ж. Вокруг света в восемьдесят дней. — М.: АСТ, 2016. — *Прим. ред.*

Конечно, все еще осталось несколько торговых барьеров. Например, в Европе существует сбор за жевательную резинку (€1,20 за килограмм), а США облагает налогом ввоз живых козлов (\$0,68 с головы)³⁴², но, если мы уберем эти препятствия, глобальная экономика вырастет лишь на несколько процентных пунктов³⁴³. Согласно Международному валютному фонду, снятие оставшихся ограничений на капитал высвободит самое большее \$65 млрд³⁴⁴. Карманная мелочь, если верить гарвардскому экономисту Ланту Притчетту. Открытие границ для рабочей силы увеличит богатство значительно существеннее — *в тысячу раз*.

Цифрами: \$65 000 000 000 000. Прописью: шестьдесят пять триллионов долларов.

Границы как фактор дискриминации

Конечно, экономический рост не является панацеей, но за пределами Страны изобилия он остается главным двигателем прогресса. Там все еще есть бесчисленные рты, которые надо кормить, дети, нуждающиеся в образовании, и дома, требующие постройки.

С этической точки зрения открытые границы также предпочтительнее. Скажем, Джон из Техаса умирает от голода. Он просит у меня еды, но я отказываю. Если Джон умрет, то чья в этом вина? Возможно, я лишь *позволил* ему умереть, что не вполне великодушно, но и не вполне является убийством.

Теперь представим себе, что Джон не просит еды, а идет на рынок, где полно людей, готовых обменять свои товары на работу, которую он может выполнить. Однако на этот раз я нанимаю пару вооруженных с головы до пят ребят, чтобы они не пустили Джона на рынок. Через несколько дней он умирает с голоду.

Могу ли я заявлять о своей невинности?

Рассказ о Джоне — рассказ о нашей глобализации «всего, кроме рабочей силы»³⁴⁵. Миллиарды людей вынуждены продавать свой труд за малую долю тех денег, которые они получили бы в Стране изобилия, и все из-за границ. Границы — самая большая причина дискриминации за всю историю человечества. Масштабы неравенства

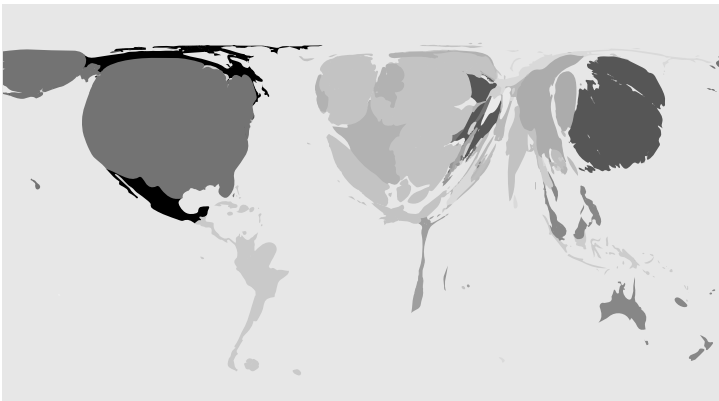

Рис. 13. Какие страны самые богатые?

Здесь показано соотношение ВВП на душу населения в разных странах. Чем больше страна на этой карте, тем она богаче.

Источники: Sasi Group, Университет Шеффилда (2005)

людей, живущих в одной и той же стране, ничто по сравнению с неравенством людей, имеющих разное гражданство. Сегодня богатейшие 8% получают половину мировой прибыли³⁴⁶, а богатейший 1% располагает более чем половиной всего мирового богатства³⁴⁷. Беднейший миллиард потребляет 1% от общего потребления; богатейший — 72%³⁴⁸.

Взгляните на Страну изобилия извне, и вы увидите, что ее обитатели не просто богаты, а неприлично богаты. Человек, живущий за чертой бедности в США, принадлежит к богатейшим 14% мирового населения; имеющий средний доход американец — к богатейшим 4%³⁴⁹. На самом верху разница еще более заметна. В 2009 г., когда набирал обороты кредитный кризис, размер премий сотрудникам инвестиционного банка Goldman Sachs равнялся суммарному заработку 224 млн беднейших людей³⁵⁰. А собственность всего восьми человек — богатейших людей на земле — равноценна собственности беднейшей *половины* человечества³⁵¹.

Да-да, всего восемь человек богаче 3,5 млрд вместе взятых.

Вопрос местожительства

Так что нет никакого чуда в том, что в ворота Страны изобилия стучатся миллионы людей. В развитых странах от работников ждут гибкости. Если ты хочешь работать,

тебе придется идти туда, где есть деньги. Но когда сверхгибкая рабочая сила направляется к нам из развивающихся стран, мы вдруг видим в них экономических нахлебников. Те, кто ищет убежища, имеют право остаться, только если у них есть основания опасаться дома преследований из-за своей религии или происхождения.

Полное безумие, если подуматься.

Возьмем сомалийского младенца. Вероятность того, что он доживет до своего пятого дня рождения, — 20%. Теперь сравним его с американскими солдатами, смертность которых составляла 6,7% в Гражданской войне, 1,8% во Второй мировой войне и 0,5% во время войны во Вьетнаме³⁵². Но мы незамедлительно отправим сомалийского младенца обратно, если окажется, что его мать — не «настоящая» беженка. Обратно на фронт сомалийской детской смертности.

В XIX в. неравенство являлось классовой проблемой; в наши дни это вопрос местожительства. «Рабочие всех стран, соединяйтесь!» — таков был лозунг в те времена, когда бедные повсеместно находились примерно в одинаково бедственном положении. Но сегодня ведущий экономист Всемирного банка Бранко Миланович отмечает: «Пролетарская солидарность попросту мертва, так как мирового пролетариата больше не существует»³⁵³. В Стране изобилия черта бедности в 17 раз выше, чем в джунглях за пределами Кокани³⁵⁴. Каждый получатель продуктовых карточек в США живет по-королевски в сравнении с беднейшими людьми мира.

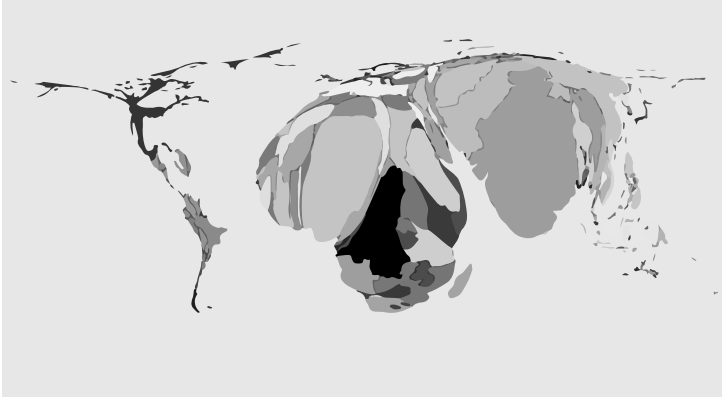

Рис. 14. Где самая высокая детская смертность?

Здесь показаны страны с наиболее высокими показателями смертности детей (до 5 лет). Чем больше страна на этой карте, тем выше в ней детская смертность.

Источники: Sasi Group (Университет Шеффилда) и Марк Ньюман (Университет Мичигана), 2012

И все же мы по большей части возмущаемся несправедливостью исключительно внутри наших национальных границ. Мы негодуем, видя, что за одну и ту же работу мужчинам платят больше, чем женщинам, и что белые американцы зарабатывают больше черных американцев. Но даже 150-процентный разрыв между доходами белых и афроамериканцев в 1930 г. меркнет по сравнению с несправедливостью, порождаемой нашими границами. Гражданин Мексики, живущий и работающий в США, зарабатывает в два с лишним раза больше, чем его соотечественник, остающийся на родине. Американец зарабатывает втрое больше боливийца, выполняющего ту же

работу, даже если они не различаются по уровню мастерства, возрасту и полу. Нигериец зарабатывает в 8,5 раза меньше, и это с поправкой на покупательную способность в этих двух странах³⁵⁵.

«Границы США влияют на заработки рабочих, имеющих одинаковую производительность, сильнее, чем *любые* формы дискриминации в оплате труда (гендерные, расовые или этнические)», — отмечают три экономиста. Это апартеид глобального масштаба. В XXI в. к настоящей элите причисляются те, кто родился не в правильной семье или правильном классе, а в правильной стране³⁵⁶. Но эта современная элита едва ли осознает свое везение.

Опровергаем заблуждения

Результаты дегельминтации детей, за которую ратует Эстер Дюфло, — детские игрушки в сравнении с тем, как расширяет возможности иммиграция. Открытие границ, даже кратковременное, — пока что самое мощное оружие в глобальной борьбе против бедности. Но, к сожалению, эта идея по-прежнему отвергается; причем ее противники приводят все те же старые, ошибочные доводы.

1. *Они все — террористы.*

Если вы следите за новостями, вас нельзя винить за то, что так думаете. Ведь в новостях говорится о том, что произошло сегодня («Главное событие: террористическая

атака в Париже»), а не о том, что происходит каждый день («Главное событие: температура в мире поднялась на 0,00005 °С»), и потому многие полагают, что терроризм является для нас основной угрозой. Но с 1975 г. по конец 2015-го вероятность быть убитым в результате нападения со стороны иностранца или иммигранта в США составляла лишь 1 к 3609709. За 30 лет из этого 41-летнего периода в стране никто не погиб в терактах, устроенных иностранцами или иммигрантами. Помимо 2983 человек, ставших жертвами террористической атаки 11 сентября, от рук иностранных террористов в эти годы погиб 41 человек — примерно по одному человеку в год³⁵⁷.

Новое исследование миграционных потоков между 145 странами, проведенное Университетом Уорвика, показывает, что иммиграция на самом деле связана со *снижением* числа террористических актов. «Когда мигранты переезжают из одной страны в другую, они привозят новые навыки, знания и взгляды, — пишет ведущий исследователь. — Если мы придерживаемся убеждения, что экономическое развитие связано со снижением активности экстремистов, нам следует ожидать усиления миграции, если мы хотим добиться положительного эффекта»³⁵⁸.

2. Они все — преступники.

Данные ничего подобного не говорят. Оказывается, люди, начинающие новую жизнь в США, совершают меньше правонарушений и реже оказываются в тюрьме, чем

местные. Даже с 1990 по 2013 г., когда число нелегальных иммигрантов утроилось до 11 млн, преступность существенно снизилась³⁵⁹. То же верно и для Соединенного Королевства: несколько лет назад исследователи из Лондонской школы экономики сообщили о том, что уровень преступности в областях, переживших массовую иммиграцию из Восточной Европы, значительно упал³⁶⁰.

А что насчет детей иммигрантов? В США они тоже вступают на путь преступности значительно реже тех, кто давно живет в стране. Если говорить о родных мне Нидерландах, то дети марокканских иммигрантов чаще имеют неприятности с законом. Конечно же, возникает вопрос: почему? Долгое время исследование этой проблемы было невозможным из-за диктатуры политической корректности. Но в 2004 г. в Роттердаме было предпринято первое исследование связи между этнической принадлежностью и молодежной преступностью. Десять лет спустя выяснилось, что корреляция между этническим происхождением и преступностью отсутствует. Ноль, ничего, зеро. Молодежная преступность, утверждается в отчете, порождается районом, в котором растет ребенок. В бедных сообществах дети голландского происхождения могут быть вовлечены в преступную деятельность ровно с такой же вероятностью, что и дети — представители этнических меньшинств³⁶¹.

Последующие исследования одно за другим подтвердили эти результаты. На самом деле, если сделать поправку на пол, возраст и доход, этническая

принадлежность и преступность оказываются совершенно не связаны между собой. «Более того, — писали голландские исследователи в недавней статье, — на долю беженцев приходится меньше зарегистрированных преступлений, чем на долю коренного населения»³⁶².

Не то чтобы эти результаты привлекли всеобщее внимание. Согласно нынешним принципам политической корректности преступность и этническая принадлежность взаимосвязаны на всех уровнях.

3. Они подорвут сплоченность общества.

Это казалось неприятной правдой. В 2000 г. известный социолог Роберт Патнэм провел исследование, в результате которого выяснилось, что разнообразие ослабляет единство: люди начинают меньше доверять друг другу, становятся менее склонны к дружеским отношениям и к выполнению волонтерской работы. По сути, заключил Патнэм на основании целых 30 000 интервью, из-за неоднородности сообщества люди «прячутся в своей скорлупе»³⁶³.

Потрясенный, он годами откладывал обнародование этих открытий. В 2007 г., когда ученый наконец-то их опубликовал результаты своего исследования, они предсказуемо произвели эффект разорвавшейся бомбы. Признанная одним из самых влиятельных социологических исследований столетия, работа Патнэма бесчисленное количество раз была процитирована газетами и отчетами и до сего дня служила опорой политикам, ставящим под сомнение преимущества мультикультурного общества.

Только есть одна проблема. Результаты работы Патнэма были опровергнуты много лет назад.

В ходе более позднего ретроспективного анализа 90 исследований не обнаружилось какой бы то ни было корреляции разнообразия и социальной сплоченности³⁶⁴. Как выяснили социологи Мария Абаскал из Принстонского университета и Делия Балдассарри из Университета Нью-Йорка, Патнэм допустил критическую ошибку. Он не учел, что афроамериканцы и латиноамериканцы сообщают о более низком уровне доверия независимо от того, где они живут³⁶⁵. Если принять во внимание этот факт, шокирующее открытие Патнэма рассыпается в пыль.

Но если не разнообразие виновато в разобщенности современного общества, то что? Ответ прост: бедность, безработица и дискриминация. «Вовсе не разнообразие сообщества подрывает доверие в нем, — заключают Абаскал и Балдассарри, — а те недостатки, с которыми сталкиваются люди в гетерогенных сообществах».

4. Они отберут наши рабочие места

Все мы уже это слышали. В 1970-х, когда огромное количество женщин вдруг хлынуло на рынок труда, все газеты наполнились предсказаниями о том, что женщины, как более дешевая рабочая сила, потеснят кормильцев-мужчин. Существует стойкое ошибочное мнение, что рынок труда похож на игру в музыкальные стулья. Это не так. Женщины, пожилые и иммигранты не потеснят мужчин, молодежь и трудолюбивых граждан с их рабочих

мест. На самом деле они создадут *новые* рабочие места. Рост рабочей силы означает рост потребления, спроса — и рост количества рабочих мест. Если мы настаиваем на сравнении рынка труда с игрой в музыкальные стулья, то это такой ее вариант, где новые игроки приносят новые стулья³⁶⁶.

5. Дешевый труд иммигрантов приведет к снижению наших зарплат.

Для того чтобы развеять это заблуждение, мы можем обратиться к исследованию, проведенному Центром изучения иммиграции. Этот «мозговой трест» — *противник* иммиграции — выяснил, что она практически не влияет на заработки³⁶⁷. Еще одно исследование показало, что благодаря приезжим заработки местного населения даже увеличиваются³⁶⁸. Трудолюбие иммигрантов повышает производительность, что приводит к общему росту зарплат.

Но и это еще не все. Анализируя период с 1990 по 2000 г., исследователи из Всемирного банка обнаружили, что *эмиграция* отрицательно влияет на заработки в Европе³⁶⁹. Хуже всего приходится неквалифицированным рабочим. В то десятилетие иммигранты оказались продуктивнее и образованнее, чем было принято считать, и даже стимулировали менее квалифицированных местных работников к профессиональному росту. Более того, зачастую альтернативой найму иммигрантов является передача работы на внешний подряд в другие страны.

А это, как ни странно, приводит к снижению зарплат³⁷⁰.

б. Они слишком ленивы для того, чтобы работать.

Верно, что мы в Стране изобилия платим бездельникам больше, чем они смогли бы заработать где-либо еще, но нет доказательств того, что иммигранты обращаются за помощью чаще коренных жителей. Или что страны с сильной социальной защитой привлекают большую долю мигрантов. В действительности, если сделать поправку на доход и статус рабочего места, иммигранты пользуются социальной помощью *реже*³⁷¹. В целом почти все затраты на иммигрантов окупаются. В таких странах, как Венгрия, Ирландия, Испания и Соединенное Королевство, они даже платят больше налогов на домовладение, чем коренные жители³⁷².

Вы все еще не убеждены? Страны могут вообще не давать иммигрантам права на получение государственной помощи или предоставлять его через определенное количество лет либо после того, как переселенцы уплатят \$50 000 налогов. Можно ввести подобные ограничения, если есть опасение, что приезжие могут угрожать политической стабильности или будут плохо интегрироваться. Можно ввести экзамены на знание языка и культуры. Можно не давать права голосовать. Можно отправлять иммигрантов домой, если те не смогут найти работу.

Нечестно? Пожалуй. Но вовсе не пускать людей несравненно более нечестно.

7. Они никогда не уедут.

Тут мы оказываемся перед лицом очаровательного парадокса: открытие границ *способствует* возвращению иммигрантов³⁷³. Возьмем границу между Мексикой и США. В 1960-х гг. ее пересекли миллионы мексиканцев, но со временем 85% из них вернулись на родину. С 1980-х и особенно после 11 сентября приграничная зона в США была серьезно милитаризована, а стену длиной 2000 миль охраняли камеры, сенсоры, беспилотники и 20 000 патрульных. Сегодня домой возвращаются лишь 7% нелегальных иммигрантов из Мексики.

«Мы ежегодно тратим миллиарды долларов наших налогоплательщиков на укрепление границы, которое не просто бесполезно, а контрпродуктивно, — заявляет профессор социологии из Принстонского университета. — Мигранты отреагировали на рост рисков и стоимости вполне рационально и стараются пересекать границу как можно реже»³⁷⁴. К 2007 г. численность мексиканцев, нелегально находящихся на территории США, выросло до семи миллионов, что в семь раз превышает показатель 1980 г.

Переезжай и стань богатым

Даже в мире без пограничного контроля многие бедные останутся там же, где и были. В конце концов, большинство людей сильно привязаны к своей стране, своему

дому и семье. Более того, путешествия дороги, и мало кто из бедной страны может позволить себе эмиграцию. Однако недавний опрос показал: имей бедняки такую возможность, 700 млн предпочли бы переехать в другую страну³⁷⁵.

Мы не можем открыть наши границы в одночасье и, конечно, не должны. Бесконтрольная миграция обязательно повредит сплоченности общества Страны изобилия. Но нам все же следует помнить вот о чем: в мире безумного неравенства миграция — самый мощный инструмент для борьбы с бедностью. Откуда нам это известно? По опыту. В 1850-х гг. в Ирландии, как и в 1880-х в Италии, жизнь резко ухудшилась и из этих стран уехало большинство фермеров; так же поступили и 100 000 голландцев в 1830–1880 гг. Все они устремили свой взгляд за океан к землям, которые, казалось, были полны неограниченных возможностей. Богатейшая страна мира, Соединенные Штаты, построена иммигрантами.

Сегодня, полтора столетия спустя, сотни миллионов человек живут в подлинных тюрьмах под открытым небом. Три четверти всех стен и оград вдоль границ были возведены после 2000 г. Тысячи миль колючей проволоки протянуты между Индией и Бангладеш. Саудовская Аравия огораживает свою территорию целиком. И даже в то время, когда продолжают открываться границы между странами — членами Евросоюза, он выделяет миллионы на то, чтобы не пропускать хлипкие лодочки, пересекающие Средиземное море. Такая политика

ни на йоту не уменьшила количество попыток проникнуть на территорию Евросоюза, зато она на руку торговцам людьми и стоит тысячи жизней. Сегодня, через 25 лет после падения Берлинской стены, во всем мире от Узбекистана до Таиланда и от Израиля до Ботсваны больше барьеров, чем когда-либо прежде³⁷⁶.

Человеку издревле не свойственно оставаться на одном месте. Жажда странствий у нас в крови. Почти у каждого найдется предок-иммигрант. И посмотрите на современный Китай, где 20 лет назад крупнейшая миграционная волна в мировой истории привела к переселению сотен миллионов китайцев из деревни в города. Как ни разрушительна миграция, время от времени она определенно оказывается мощнейшим двигателем прогресса.

Открыть ворота

Что возвращает нас к тем \$134,8 млрд в год, \$11,2 млрд в месяц, \$4274 в секунду. Эта сумма может показаться огромной, но это не так. Совокупные расходы на помощь развитию приблизительно равны тратам маленькой европейской страны вроде Нидерландов на одно только здравоохранение. Средний американец считает, что федеральное правительство выделяет на помощь другим странам более четверти национального бюджета, однако на самом деле эти ассигнования не превышают 1%³⁷⁷. Тем временем врата Страны изобилия остаются заперты на засов.

Сотни миллионов людей толпятся у входа в это закрытое общество, подобно нищим, когда-то стучавшимся в ворота обнесенных стенами городов. Статья 13 Всеобщей декларации прав человека гласит, что каждый имеет право покинуть свою страну, но она никому не гарантирует права приехать в Страну изобилия. И, как быстро узнают искатели убежища, процедура эта еще более волокитная, обескураживающая и безнадежная, чем подача прошения о социальной помощи. Сегодня, если вы желаете попасть в Кокань, вам предстоит пробиваться не через мили рисового пудинга, а через гору бумажек, которые надо заполнить.

Возможно, столетие или два спустя мы будем относиться к этим препятствиям так же, как сегодня относимся к рабству и апартеиду. Но одно можно сказать точно: если мы хотим сделать мир лучше, нам не обойтись без миграции. Даже чуть приоткрыть двери будет нелишним. Ученые Всемирного банка утверждают, что если все развитые страны станут впускать всего на 3% больше мигрантов, то бедные всего мира станут богаче на \$305 млрд³⁷⁸, что втрое превышает объем всей иностранной помощи развитию.

Как писал в 1987 г. Джозеф Каренс, один из главных сторонников открытия границ, «свободная миграция, может быть, и недостижима сегодня, но это цель, к которой нам следует стремиться»³⁷⁹.

Сложность заключается не в новых
идеях, а в освобождении от старых.

Джон Мейнард Кейнс (1883–1946)

Как идеи меняют мир

Поздним летом 1954 г. яркий молодой психолог, читая газету, зацепился взглядом за странный заголовок на последней странице:

Пророчество с планеты Клариион
ОБРАЩЕНИЕ К ГОРОДУ: СПАСАЙТЕСЬ ОТ ПОТОПА.
НАС ЗАЛЬЕТ 21 ДЕКАБРЯ,
СООБЩИЛИ ИЗ КОСМОСА ЖИТЕЛЬНИЦЕ ПРИГОРОДА.

Психолог, которого звали Леон Фестингер, заинтересовался и стал читать заметку. «Лейк-Сити будет затоплен водами озера Грейт-Лейк прямо перед рассветом 21 декабря». Это сообщение поступило от домохозяйки из пригорода Чикаго; она утверждала, что получила его от существ с другой планеты, развитых несравненно лучше, чем мы: «Они уже некоторое время посещают Землю на кораблях, которые мы зовем летающими тарелками».

Этого-то Фестингер и ждал. Налицо был шанс исследовать простой, однако противоречивый вопрос, над которым он годами ломал голову: что происходит с человеком,

когда он переживает серьезный кризис убеждений? Как эта домохозяйка отреагирует на то, что никакие летающие тарелки не прилетят ее спасти? Что с ней будет, когда никакого наводнения не случится? После непродолжительных поисков Фестингер выяснил, что эта женщина, некто Дороти Мартин, была не единственной, кто верил, что 21 декабря 1954 г. настанет конец света. Около дюжины ее последователей — все разумные, честные американцы — побросали работу, продали имущество и покинули семьи в силу своих убеждений.

Фестингер решил внедриться в чикагскую секту. С самого начала он заметил, что ее члены почти не пытаются убедить других в том, что апокалипсис близок. Спаситься могли только они — немногие избранные. Утром 20 декабря 1954 г. миссис Мартин получила новое сообщение свыше: «В полночный час вас рассадят по машинам и вы отправитесь в место, откуда взойдете на борт [летающей тарелки]».

Возбужденная группа принялась ожидать своего восшествия на небеса.

Вечер 20 декабря 1954 г.

23:15. Миссис Мартин получает сообщение о том, что собравшимся следует надеть пальто и приготовиться.

00:00. Ничего не происходит.

- 00:05. Один из верующих замечает, что на других часах в этой же комнате — 23:55. Собравшиеся решают, что полночь еще не наступила.
- 00:10. Сообщение от пришельцев: летающие тарелки задерживаются.
- 00:15. Несколько раз звонит телефон: журналисты хотят узнать, случился ли уже конец света.
- 02:00. Один из юных членов секты, рассчитывавший быть к этому моменту в паре световых лет от того места, где он находится, вспоминает, что его мать собиралась звонить в полицию, если он не объявится дома до двух часов ночи. Остальные уверяют юношу, что, покинув их, он совершит достойный поступок — пожертвует собой ради спасения группы. Тот уходит.
- 04:00. Один из верующих говорит: «Я сжег все мосты. Я повернулся к миру спиной. Я не могу позволить себе сомнений. Я должен верить».
- 04:45. Миссис Мартин получает новое сообщение: Бог решил пощадить Землю. Эта маленькая группа верующих осветила ночь таким «светом», что они спасли Землю.
- 04:50. Последнее сообщение свыше: пришельцы хотят, чтобы эта благая весть «была немедленно сообщена газетам». Вооруженные новой миссией, верующие связались со всеми местными газетами и радиостанциями до восхода солнца.

Если пророчества не сбываются

«Человека убежденного трудно переубедить» — так начинается Леон Фестингер рассказ об этих событиях. Его работа «Когда пророчества не сбываются» была опубликована в 1956 г. и до сих пор остается одним из основополагающих трудов в социальной психологии. «Сообщите ему о своем несогласии, и он отвернется, — продолжает Фестингер. — Предоставьте ему факты или расчеты, и он усомнится в ваших источниках. Обратитесь к логике, и он вас попросту не поймет».

Можно смеяться над историей миссис Мартин и ее последователей, но никто из нас не имеет иммунитета к явлению, описанному Фестингером. Ученый назвал этот феномен «когнитивный диссонанс». Когда наша глубокая убежденность сталкивается с действительностью, мы скорее станем отрицать действительность, чем изменим наши взгляды. Более того, наша вера станет крепче прежнего³⁸⁰.

Заметьте, мы обычно весьма гибки, когда речь идет о вопросах практических. Многие из нас даже готовы внимать советам по удалению пятен и нарезке огурцов. Но когда на кону наши политические, идеологические или религиозные идеи, мы упрямы как никогда. Мы не уступаем, если кто-то усомнился в нашем мнении по поводу наказаний за преступления, добрачного секса или глобального потепления. Люди склонны рассматривать эти установки как часть своей личности, из-за чего от них

трудно избавиться. Мы отождествляем себя с такими идеями, они определяют наше положение в социальных группах — церквях, семьях и дружеских кругах.

И тупость здесь *точно* ни при чем. Исследователи из Йельского университета показали, что образованные люди наиболее непоколебимы в своих убеждениях³⁸¹. В конце концов, образование дает нам инструменты для отстаивания своего мнения. Интеллектуалы отлично натренировались отыскивать доводы, экспертов и исследования, подкрепляющие их уже сложившиеся убеждения, а интернет позволяет еще более твердо придерживаться собственных взглядов, ведь очередное доказательство всегда в одном клике мышки от нас.

Сообразительные люди, включает американский журналист Эзра Клейн, используют свой интеллект не для поиска правильного ответа, а для поиска ответа, который они *хотели бы получить*³⁸².

Когда мои часы пробили полночь

Я должен кое в чем признаться. В ходе написания главы 6 этой книги я наткнулся на статью «Сокращение рабочей недели, возможно, не повышает благосостояния»³⁸³ в *New York Times*. В ней рассказывалось об одном южнокорейском исследовании, показавшем, что укорочение рабочей недели на 10% не сделало работников счастливее. В ходе дополнительных поисков в интернете я набрел

на публикацию в лондонской *Telegraph*, автор которой предположил, что уменьшение объемов работы может оказаться попросту вредным для здоровья³⁸⁴.

Вдруг я превратился в Дороти Мартин, а мои часы пробили полночь. Я немедленно мобилизовал механизмы защиты. Для начала я засомневался в источнике: *Telegraph* — консервативная газета, так насколько серьезно мне следует отнестись к статье? И это «может» в заголовке *New York Times*... Насколько убедительны результаты данного исследования на самом деле? Заработали даже мои стереотипы: южнокорейцы такие трудоголики, они, вероятно, продолжали работать сверхурочно, не отчитываясь об этом. Более того, *счастье*? А как именно его измеряли?

Удовлетворенный, я забыл об этом исследовании. Я убедил себя в том, что оно не может иметь отношения к делу³⁸⁵.

Приведу еще пример. В главе 2 я изложил доводы в пользу введения универсального базового дохода. Я многое вложил в это убеждение за несколько последних лет. Первая моя статья на эту тему собрала почти миллион просмотров, и ее процитировала *Washington Post*. Я читал лекции об универсальном базовом доходе и объяснил его необходимость на голландском телевидении. Я получил поток восторженных электронных писем. Не так давно я даже слышал, как кто-то назвал меня мистер Базовый Доход. Медленно, но верно мое мнение стало определять мою личную и профессиональную идентичность. Я все-рвез убежден, что универсальный базовый доход — идея,

время которой пришло. Я глубоко изучил этот вопрос, и факты говорят о том, что я прав. Но, если честно, порой я задаюсь таким вопросом: если факты станут доказывать обратное, позволю ли я себе это заметить? Буду ли я достаточно внимателен и смел для того, чтобы пересмотреть свои убеждения?

Власть идеи

«Продолжай строить свои воздушные замки», — съязвил мой друг после того, как я прислал ему пару своих статей о сокращении рабочей недели и о безусловном базовом доходе. Мне было понятно, из чего он исходил. В конце концов, какой смысл в безумных новых идеях, когда политики не могут справиться даже с обеспечением сбалансированности бюджета?

Тогда я и начал задаваться вопросом о том, могут ли новые идеи подлинно изменить мир.

Возможно, ваш (весьма разумный) интуитивный ответ будет таким: нет, люди будут упрямо цепляться за старую привычную веру. Но мы знаем, что идеи со временем менялись. Вчерашние передовые представления сегодня стали здравым смыслом. Саймон Кузнец дал жизнь идее ВВП. Рандомисты выбили почву из-под ног сторонников иностранной помощи развитию, потребовав доказательств ее эффективности. Вопрос не в том, *могут ли* новые идеи победить старые, а в том, *как* это происходит.

Исследования показывают, что внезапные встряски могут творить чудеса. Джеймс Куклински, политолог из Университета Иллинойса, обнаружил, что люди более всего склонны менять свое мнение тогда, когда они непосредственно сталкиваются с новыми неприятными фактами³⁸⁶. Возьмем недавний успех правых политиков, которые предупреждали об «исламистской угрозе» еще в 1990-х гг., но оставались неустышанными до тех пор, пока не произошло шокирующее обрушение башен-близнецов 11 сентября 2001 г. Маргинальные точки зрения вдруг стали всеобщим наваждением.

Если верно то, что идеи меняют мир не постепенно, а спорадически — в кризисные моменты, — базовая посылка нашей демократии, нашей журналистики и образования совершенно ошибочна. По сути, это означает, что просвещенческая модель того, как люди меняют свое мнение — посредством сбора сведений и рассудительного обдумывания, — попросту призвана поддерживать статус-кво. Это означает, что те, кто безгранично верит в рациональность, нюансы и компромиссы, не понимают того, как идеи правят миром. Мироззрение — не конструктор лего, в котором можно добавить кусочек здесь и убрать кусочек там. Это крепость, укрепляемая всеми существующими средствами, покуда давление на ее стены не станет настолько сильным, что те рушатся.

Тогда же, когда Леон Фестингер внедрялся в секту миссис Мартин, американский психолог Соломон Аш продемонстрировал, что под влиянием коллектива мы можем

игнорировать даже то, что видим собственными глазами. В ходе известного ныне эксперимента он показывал участникам три линии на листе бумаги и спрашивал, которая из них самая длинная. Когда другие присутствовавшие в помещении люди — сотрудники Аша, незнакомые испытуемому, — давали одинаковый ответ, тот вторил им, даже когда этот ответ был очевидно неправильным³⁸⁷.

Политика не исключение. Политологи установили, что то, как голосуют люди, определяется не столько тем, как они оценивают свою жизнь, сколько их представлениями об обществе. Нам не особенно интересно, что правительство может сделать для нас лично; мы хотим знать, что оно может сделать для всех нас. Отдавая свой голос, мы делаем это не только для себя, но и для группы, к которой хотим принадлежать.

Но Соломон Аш сделал еще одно открытие. Единственный голос против может изменить всю картину. Когда всего один человек в группе придерживался истины, испытуемые были более склонны доверять собственным глазам. Пусть это воодушевит тех, кто чувствует себя вопиющим в пустыне: продолжайте строить воздушные замки. Ваше время придет.

Ночь была длинна

В 2008 г. казалось, что мы испытываем самый сильный с 1930-х гг. когнитивный диссонанс. 15 сентября

инвестиционный банк Lehman Brothers заявил о своем банкротстве. Внезапно глобальный банковский сектор начал рушиться, как карточный домик. В последующие месяцы незыблемые ранее представления о свободном рынке обращались в пепел одно за другим.

Бывший глава Федеральной резервной системы США Алан Гринспен, когда-то прозванный пророком и маэстро, был ошеломлен. «Не только отдельные финансовые учреждения стали более устойчивы к потрясениям, порождаемым фундаментальными факторами риска, — уверенно заявлял он в 2004 г., — но и вся финансовая система в целом стала более крепкой»³⁸⁸. В 2006-м, когда Гринспен уволился, все полагали, что он будет увековечен в Зале славы финансистов.

На заседании комитета палаты представителей двумя годами позже обанкротившийся банкир признал, что он «потрясен и не может поверить в произошедшее». Вера Гринспена в капитализм испытала серьезный удар. «Я обнаружил изъян. Я не знаю, насколько он существенен и стоек. Но меня очень расстроил этот факт»³⁸⁹. Отвечая на вопрос, не связаны ли его ошибки с его собственными идеями, Гринспен ответил: «Именно по этой причине я и шокирован, ведь 40 лет все говорило мне о том, что система работает исключительно хорошо».

21 декабря 1954 г. учит нас, что центром всего является момент кризиса. Часы бьют полночь, что будет дальше? Кризис позволяет открыться новым идеям, но и укрепляет старые убеждения.

Что же случилось после 15 сентября 2008-го? Движение Оссуру ненадолго оживило людей, но вскоре схлынуло. Тем временем политические партии левого толка проиграли выборы почти во всех странах Европы. Греция и Италия более или менее отказались от демократии и провели реформы в духе неолиберализма, потакая кредиторам, сокращая аппарат правительства и повышая гибкость рынка труда. В Северной Европе правительства тоже провозгласили новую эру аскетизма.

А Алан Гринспен? Несколько лет спустя экс-главу Федерального резерва спросили, были ли ошибки в его идеях, и тот решительно ответил: «Не было. Думаю, альтернативы нет»³⁹⁰.

Вернемся к сегодняшнему дню: фундаментальную реформу банковского сектора еще предстоит провести. На Уолл-стрит банкиры получают самые большие бонусы со времен краха³⁹¹. Банковские резервы мизерны как никогда прежде. Йорис Лейендейк, журналист *Guardian*, два года изучавший изнанку лондонского финансового сектора, в 2013 г. так подытожил свой опыт: «Будто стоишь в Чернобыле и видишь, что они перезапустили реактор, не сменив прежнего руководства»³⁹².

Остается только гадать: был ли когнитивный диссонанс 2008 г. *достаточно* мощным? Или *чересчур* мощным? Или мы слишком многое вложили в наши старые убеждения? Или альтернативы попросту нет?

Последняя возможность беспокоит больше всего.

Слово «кризис» происходит из древнегреческого языка и буквально означает «разделять», «просеивать». Таким образом, кризис — это момент истины, в который осуществляется фундаментальный выбор. Но кажется, что в 2008 г. мы не могли сделать такой выбор. Внезапно обнаружив себя перед лицом обрушения всего банковского сектора, мы были лишены настоящих альтернатив; мы могли лишь и дальше сползать по тому же пути.

Тогда, наверное, «кризис» — не самое подходящее слово для нынешнего нашего положения? Мы, скорее, в коме. Это тоже древнегреческое слово. Оно означает «глубокий сон без сновидений».

Бойцы капиталистического сопротивления

Все это глубоко иронично, если вдуматься.

Хотя бы два человека уж точно посвятили жизнь построению воздушных замков, сохраняя противоестественную уверенность в том, что однажды их правота будет доказана. Речь об основателях неоллиберализма. Я восхищаюсь ими обоими — сомнительным философом Фридрихом Хайеком и публичным интеллектуалом Милтоном Фридменом.

Сегодня «неоллиберал» — ругательство, которое применяют ко всякому, кто не согласен с левыми. Однако Хайек и Фридмен были амбициозными неоллибералами, которые полагали своим долгом изобрести либерализм

заново³⁹³. «Нужно внести в работу созидания свободного общества дух интеллектуального приключения, — писал Хайек. — Нам нужна либеральная утопия»³⁹⁴.

Даже если вы убеждены в том, что они злодеи, сделавшие жадность модной, и что их следует винить в финансовом кризисе, серьезно осложнившим жизнь миллионов людей, — вы все равно можете многому научиться у Фридриха Хайека и Милтона Фридмена.

Один родился в Вене, другой — в Нью-Йорке. Оба крепко верили во власть идей. Долгие годы оба относились к незначительному меньшинству, почти секте, существовавшей вне кокона господствующей мысли. Вместе они разорвали этот кокон, перевернув мир так, что диктаторы и миллиардеры могут только им позавидовать. Хайек и Фридмен задались целью уничтожить дело жизни своего общего врага, британского экономиста Джона Мейнарда Кейнса. По-видимому, единственное, что у них было общего с Кейнсом, — вера в то, что идеи экономистов и философов сильнее законных интересов ведущих бизнесменов и политиков.

Наш рассказ начинается 1 апреля 1947 г. Еще не минуло и года со смерти Кейнса, когда 40 философов, историков и экономистов собрались в маленькой деревне Мон-Пелерин в Швейцарии. Кто-то из них добирался сюда неделями и пересек ради этого океан. В последующие годы они станут известны как Общество Мон-Пелерин.

Все 40 мыслителей, собравшихся в этой швейцарской деревне, говорили откровенно, и вместе они составили

силы капиталистического сопротивления господству социализма. «Конечно, мало осталось людей, не относящихся к социалистам», — сетовал однажды организатор встречи Хайек. Тогда, когда Новый курс Рузвельта толкнул даже США к усилению элементов социализма в политике, идея защиты свободного рынка рассматривалась как революционная и Хайек чувствовал, что «безнадежно разошелся с духом времени»³⁹⁵.

Милтон Фридмен также присутствовал на этой встрече великих умов. «Я был юным и наивным провинциальным американцем, — вспоминал он позже. — И вот я встретился с людьми со всего мира, преданными тем же либеральным принципам, что и я. Всем нам приходилось непросто в своих странах, но среди нас находились ученые, которые уже либо приобрели международную известность, либо были на нее обречены»^{*396}. На самом деле не менее восьми членов Общества Мон-Пелерин впоследствии получили Нобелевскую премию.

Однако в 1947 г. никто не мог предречь им такого звездного будущего. Огромные территории Европы лежали в руинах. Процесс восстановления шел под флагом кейнсианских идеалов: занятость для всех, меньше свободного рынка, регулирование банковской деятельности. Государство войны стало государством всеобщего благоденствия. И все же именно в эти годы неolibеральная мысль начала получать признание — благодаря усилиям

---

* Перевод А. Зуева.

Общества Мон-Пелерин, группы людей, которая станет одним из ведущих мозговых центров XX столетия. «Вместе они помогли подготовить трансформацию глобальной политики, последствия которой будут давать о себе знать десятилетиями», — пишет историк Энгус Бёргин³⁹⁷.

В 1970-х гг. Хайек передал председательство в «Мон-Пелерине» Фридмену. Под управлением этого крохотного американца-очкарика, чьи энергия и энтузиазм превосходили даже увлеченность его австрийского предшественника, общество радикализировалось. По сути, не было такой проблемы, в которой Фридмен не винил бы правительство. А решением всегда был свободный рынок. Безработица? Устраните минимальную оплату труда. Стихийное бедствие? Поручите организацию гуманитарной помощи корпорациям. Школы в бедственном положении? Приватизируйте образование. Дорогое здравоохранение? Приватизируйте и его и заодно пустите под откос общественный надзор. Наркомания? Легализуйте наркотики и позвольте рынку творить чудеса.

Фридмен распространял свои идеи всеми возможными способами: разработал различные курсы лекций, вел авторскую колонку, выступал на радио и телевидении, писал книги и даже снял документальный фильм. В предисловии к бестселлеру «Капитализм и свобода» он написал, что долг мыслителя — не переставать предлагать альтернативы. Те идеи, что сегодня кажутся *политически невозможными*, могут однажды стать *политически неизбежными*.

Оставалось только ждать критического момента. «Один лишь кризис — подлинный или кажущийся — дает настоящую возможность, — объяснял Фридмен. — Когда этот кризис происходит, то принимаемые меры зависят от того, какие идеи окажутся под рукой»³⁹⁸. Кризис наступил в октябре 1973 г., когда Организация арабских стран — экспортеров нефти повысила цену на нефть на 70% и наложила на США и Голландию нефтяное эмбарго. Ударила инфляция, и западные экономики свалились в рецессию. Причем стагфляция, как окрестили это явление, согласно кейнсианской теории была даже невозможна. Однако Фридмену удалось ее предсказать.

Всю оставшуюся жизнь Фридмен неустанно подчеркивал тот факт, что его успех невообразим без фундамента, который закладывался с 1947 г. Подъем неолиберализма походил на эстафету: мозговые центры рассказали о нем журналистам, а те — политикам. В итоге эстафету приняли два самых влиятельных лидера западного мира: Рональд Рейган и Маргарет Тэтчер. Когда Тэтчер спросили, что она считает своей величайшей победой, она ответила: «Новый лейборизм». Под руководством неолиберала Тони Блэра даже социально-демократические соперники Тэтчер из Лейбористской партии приняли ее взгляды.

Меньше чем за 50 лет идея, когда-то отверженная как радикальная и маргинальная, стала править миром.

Урок неолиберализма

Некоторые утверждают, что сегодня, пожалуй, уже нет разницы, за кого голосовать. Хотя среди нас есть и левые и правые, ни одна сторона не может предложить какого бы то ни было внятного плана на будущее. По иронии судьбы неолиберальное дитя двух мыслителей, преданно веривших во власть идей, воспрепятствовало развитию идей новых. Может показаться, что мы застали «конец истории»: последней остановкой была «либеральная демократия», а «свободный потребитель» подводит итоги развития нашего биологического вида³⁹⁹.

К 1970 г., когда Фридмен стал президентом Общества Мон-Пелерин, большинство философов и историков уже перешли в его лагерь, а споры касались в основном глубоко технических экономических аспектов⁴⁰⁰. По прошествии времени видно, что появление на сцене Фридмена ознаменовало приход эры, в которой главными мудрецами западного мира стали экономисты. Эта эпоха продолжается по сей день⁴⁰¹.

Мы живем в мире менеджеров и технократов. «Давайте просто сконцентрируемся на решении задач, — говорят они. — Сосредоточимся на том, чтобы сводить концы с концами». Политические решения непременно представляются как необходимые — нейтральные и объективные, — будто никакого иного выбора нет. Проявление этой тенденции заметил еще Кейнс: «Люди практики, которые считают себя совершенно не подверженными

интеллектуальным влияниям, обычно являются рабами какого-нибудь экономиста прошлого»⁴⁰².

15 сентября 2008 г., когда крушение банка Lehman Brothers стало началом крупнейшего кризиса с 1930-х гг., реальные альтернативы отсутствовали. Не на что было опереться. Годами интеллектуалы, журналисты и политики уверенно утверждали, что мы достигли конца эпохи «больших нарративов» и пришло время заменить идеологию прагматикой.

Естественно, нам следует по-прежнему гордиться свободой, которую для себя и для нас завоевали прошлые поколения. Но чего стоит наша свобода слова, если нам больше нечего сказать? Какой смысл в свободе собраний, если мы утратили чувство сопричастности? Какой цели служит свобода вероисповедания, коли мы больше ни во что не верим?

С одной стороны, мир по-прежнему становится все богаче, безопаснее и здоровее. Каждый день все больше людей прибывают в Кокань. Это огромный триумф. С другой стороны, пора бы нам, обитателям Страны изобилия, отправиться в путь к новой утопии. Давайте вновь поднимем паруса. «Прогресс — это воплощение Утопий», — давным-давно написал Оскар Уайльд⁴⁰³. Пятнадцатичасовая рабочая неделя, безусловный базовый доход, мир без границ — все это безумные идеи, но надолго ли?

Сегодня люди сомневаются в том, что «идеи и убеждения людей — главный двигатель истории», как утверждал Хайек в дни младенчества неолиберализма. «Нам так

трудно вообразить, что наша вера [sic] может представляться нам совсем не тем, чем она является на самом деле»⁴⁰⁴. Он утверждал, что идеи могут восторжествовать и через поколение. Именно по этой причине нам нужны мыслители, которые не только терпеливы, но и достаточно смелы для того, чтобы быть «утопистами».

Пусть это будет уроком «Мон-Пелерина» — мантрой для всех, кто мечтает о лучшем мире. И тогда, когда опять пробьет полночь, мы больше не будем сидеть с пустыми руками и ждать спасения инопланетянами, которые никогда не прилетят.

Идеи, даже самые возмутительные, изменили мир и изменяют его вновь. «В действительности, — писал Кейнс, — только они и правят миром»⁴⁰⁵.

Утопия на горизонте. Я делаю два шага к ней,
она делает два шага от меня. Я делаю еще
десять шагов, а горизонт отступает на десять
шагов. Сколько бы я к нему ни шел, я никогда
его не достигну. В чем же тогда смысл утопии?

В том, чтобы продолжать идти.

Эдуардо Галеано (1940–2015)

Эпилог

Итак, зададимся этим вопросом еще раз: как нам *воплотить* утопию? Как взять эти идеи и претворить их в жизнь?

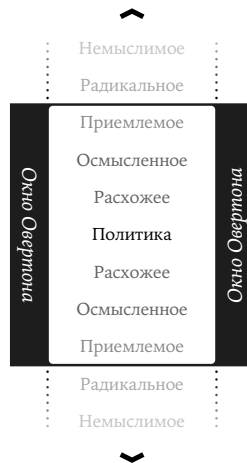
Путь к идеалу не перестает меня восхищать. Прусский государственный деятель Отто фон Бисмарк утверждал: «Политика — искусство возможного». Такое же впечатление складывается, если следить за новостями из, например, Вашингтона и Вестминстера. Но есть и другая форма политики, гораздо более важная. Я говорю о Политике с большой буквы — той, которая не о правилах, а о революции. Не об искусстве возможного, а о том, как невозможное делается неизбежным.

На *этой* политической арене есть место для многих политиков, от мусорщиков до банкиров, от ученых до сапожников, от писателей до читателя, читающего эту книгу. И Политика диаметрально противоположна политике с маленькой буквы. Там, где политика стремится сохранить статус-кво, Политика рвется на свободу.

Окно Овертона

Первым, в 1990-х гг., механизмы Политики с большой буквы объяснил американский юрист Джозеф Овертон. Он начал с простого вопроса о том, почему столь многие хорошие идеи не принимаются всерьез.

Овертон понял, что политики, если они желают переизбраться, не могут позволить себе иметь точку зрения, считающуюся слишком крайней. Для того чтобы удержать власть, им приходится придерживаться идей в рамках приемлемого. В этом окне приемлемого — схемы, одобренные экспертами, изученные статистическими службами и имеющие неплохой шанс попасть в книги по юриспруденции.

Источник: «Окно Овертона», Hydrargyrum. Лицензия CC BY-SA 2.0

Рис. 15. Окно Овертона

Всякий, кто выходит за рамки окна Овертона, ступает на зыбкую почву. СМИ, эти грозные стражи окна, быстро осудят его за нереалистичность и безрассудство. Например, на телевидении недостаточно представлены фундаментально различные точки зрения. Вместо этого ток-шоу без конца пичкают нас одинаковыми мнениями одних и тех же людей.

И все же общество может совершенно измениться всего за несколько десятилетий. Окна Овертона подвижны. Классическая стратегия, позволяющая это использовать, заключается в провозглашении идей столь шокирующих и подрывных, что любые менее радикальные идеи вдруг кажутся осмысленными. Иными словами, для того чтобы радикальное стало разумным, требуется всего лишь раздвинуть границы радикального.

Дональд Трамп в США, Борис Джонсон в Соединенном Королевстве и исламофоб Герт Вилдерс из моей страны в совершенстве овладели этим искусством. Их не всегда принимают всерьез, но они определенно подтянули окно Овертона к своим лагерям. В самом деле, уже несколько десятилетий это окно дрейфует вправо и в экономических, и в культурных вопросах. Когда неolibеральные экономисты одержали верх в экономических дебатах, правые стали также захватывать управление религиозным и миграционным дискурсом.

Налицо колоссальные изменения. Исторически Политика являлась прерогативой левых. *«Будь реалистом, требуй невозможно!»* — таков был лозунг парижских

демонстрантов в 1968 г. Конец рабства, эмансипация женщин, становление государства всеобщего благоденствия — все прогрессивные идеи, что поначалу были безумными и «иррациональными», в итоге стали общими принципами.

Однако сегодня левые, кажется, позабыли искусство Политики. Хуже того, многие мыслители и политики левого толка пытаются подавлять проявления радикализма в своих рядах, боясь потерять голоса. Последние годы я склонен думать о подобном настрое как о «пораженческом социализме».

Пораженческий социализм — интернациональное явление, которое можно наблюдать по всему миру в среде левых мыслителей и движений, от профсоюзов до политических партий, от журналистов до профессоров колледжей. Его адепты считают, что неолибералы освоили игру в размышления, рассуждения и статистику, оставив левым только эмоции. Он добросердечен. У социалистов-пораженцев избыток сочувствия, и они находят доминирующую политику глубоко несправедливой. Видя, как государство всеобщего благоденствия рассыпается в пыль, они спешат спасти все, что еще можно спасти. Но в критический момент социалист-пораженец спорит с оппонентами, всегда приняв утверждение, с которого началась полемика.

«Национальный долг вышел из-под контроля, — признают они, — но мы можем увеличить число программ, доступных людям в зависимости от их дохода».

«Борьба с бедностью — ужасно дорогое дело, — рассуждают социалисты-пораженцы, — но цивилизованная нация обязана им заниматься».

«Налоги высоки, — сетуют они, — но каждому по способностям».

Социалист-пораженец забывает о том, что настоящая проблема — не национальный долг, а чрезмерно раздутые домохозяйства и предприятия. Он не помнит, что борьба с бедностью — это вложение, окупающееся сторицей. Он забывает и о том, что все это время банкиры и юристы околачивают груши за деньги мусорщиков и медсестер.

Сдерживание и обуздание оппонентов — вот последняя миссия социалиста-пораженца. Антиприватизация, антиистеблишмент, антиэкономия. При всем том, против чего социалисты-пораженцы возражают, остается только гадать о том, *за что они ратуют*.

Вновь и вновь они встают на сторону бедолаг: бедняков, отщепенцев, беженцев, инвалидов и жертв дискриминации. Они порицают исламофобию, гомофобию и расизм. Они возмущаются тем, что множатся пропасти, делящие мир на синие и белые воротнички, на богатых и бедных, на обычных людей и тех, кто принадлежит к «одному проценту», — и при этом они тщетно пытаются возродить давно утраченную связь с избирателями.

Но самая большая проблема социалистов-пораженцев не в том, что они неправы, а в том, что они скучны.

Скучны бесприсветно. У них нет истории, которую они могли бы рассказать, и даже нет языка для ее выражения.

И зачастую кажется, что тем, кто придерживается левых взглядов, на самом деле нравится проигрывать — словно ошибки, обреченность и зверства призваны доказать их вечную правоту. «Существует такой род политической активности, — отмечает Ребекка Солнит в своей книге «Надежда в темноте» (Hope in the Dark), — который нацелен скорее на усиление идентичности, чем на достижение результатов». Если Дональд Трамп и понимает что-то хорошо, так это то, что люди предпочитают оказываться на стороне победителя. («Мы так выиграем. Вы устанете выигрывать».) Большинству претит жалость и опека доброго самаритянина.

К сожалению, социалист-пораженец позабыл, что истории левых следует быть историей надежды и прогресса. Под этим я подразумеваю не рассказ, восхищающий многочисленных выпендренчиков, развлекающихся философствованием о «посткапитализме» и «интерсекциональности» по прочтении какого-нибудь пространного тома. Величайшая ошибка левых ученых в том, что они по сути своей стали снобами и пишут на диком жаргоне, говоря о простых вещах головокружительно сложно. Если вам не по силам описать свой идеал смышленому 12-летнему ребенку, вероятно, в этом виноваты вы сами. Что нам нужно, так это рассказ, который будет услышан миллионами обычных людей.

Все начинается с восстановления языка прогресса.

Реформы? Да, черт возьми. Давайте по-настоящему пересмотрим финансовый сектор. Чтобы банки не рушились немедленно по наступлении очередного кризиса, заставим их формировать более крупные подушки безопасности. Раздробим их, если потребуется, чтобы в следующий раз счет не пришлось оплачивать налогоплательщикам из-за того, что банки «слишком велики для падения». Выявим и уничтожим все налоговые гавани, чтобы богатых можно было заставить честно делиться, а у их бухгалтеров появилось стоящее занятие.

Меритократия? Давайте. Давайте, наконец, платить людям соответственно их вкладу. Мусорщики, няньки и учителя, очевидно, получают существенную прибавку, в то время как заработки множества лоббистов, юристов и банкиров рухнут в минус. Хочешь заниматься тем, что вредит обществу, — вперед. Но за такую привилегию придется заплатить немалые налоги.

Инновации? Конечно. Даже сегодня таланты растрачиваются впустую. Когда-то выпускники университетов, входящих в Лигу плюща, шли работать в науку, образование, на государственную службу — сегодня же они гораздо чаще выбирают банковское дело, юриспруденцию и распространителей рекламы вроде Google и Facebook. Задумайтесь на секунду о тех миллиардах долларов налогоплательщиков, которые идут на обучение лучших умов общества лишь для того, чтобы последние могли наиболее эффективно эксплуатировать других людей, — и голова у вас пойдет кругом. Только представьте себе,

насколько все было бы иначе, если бы самые эффективные и талантливые представители нынешнего поколения взялись за решение величайших проблем нашего времени. Например, таких, как изменение климата, старение населения, неравенство... Вот где были бы настоящие инновации⁴⁰⁶.

Эффективность? В этом-то и весь смысл. Задумайтесь: каждый доллар, вложенный в бездомного человека, окупается втрое благодаря экономии на медицинском обслуживании, полиции и судебных издержках. Только представьте себе, чего можно достигнуть устранением детской бедности. Решать задачи подобного рода значительно полезнее, чем «управлять» ими, что в долгосрочной перспективе обходится гораздо дороже.

Сократить государство-няньку? В точку. Давайте выкорчем эти бессмысленные, самонадеянные курсы по трудоустройству для потерявших работу (которые на самом деле *продлевают* период незанятости) и прекратим муштровать и унижать получателей пособий. Дадим каждому базовый доход — венчурный капитал для людей, — который позволит нам самим решать, как жить.

Свобода? О, это песня. На момент написания этих строк более трети занятых прозябают на работе, которую считают ненужной и бессмысленной. Не так давно я выступал перед несколькими сотнями консультантов с лекцией, в которой говорил о том, что бесполезной работы становится все больше. К моему изумлению, аудитория не возмутилась. Более того, после выступления

люди признавались, что некое бессмысленное, но высокооплачиваемое дело дало им финансовую свободу, позволившую заняться менее прибыльным, но более стоящим делом.

Эти рассказы напомнили мне о том, как внештатные журналисты пишут заказные статьи для компаний, которые они презирают, для того чтобы иметь возможность заниматься критическими журналистскими расследованиями (касающимися точно таких же компаний). Мир встал с ног на голову? Очевидно, при современном капитализме мы финансируем то, что искренне считаем полнейшей ахинеей.

Пришло время определить заново понятие «работа». Когда я призываю сократить рабочую неделю, я ратую не за долгие и сонные выходные. Я призываю нас всех уделять больше времени тому, что для нас действительно важно. Несколько лет назад австралийская писательница Бронни Уэйр опубликовала книгу «Пять главных вещей, о которых сожалеют умирающие» о пациентах, за которыми она ухаживала, работая медсестрой⁴⁰⁷. И знаете что? Ни один из ее героев не говорил, что лучше бы он внимательнее изучал созданные его коллегами презентации в PowerPoint или активнее обсуждал проблему совместной деструктивной деятельности пользователей интернета. Самым большим сожалением было: «Жаль, что мне не хватило смелости прожить жизнь так, как я хотел, а не так, как от меня ждали другие». Второе место: «Жаль, что я так много работал».

И от левых, и от правых мы слышим о том, что нужно больше работы и больше рабочих мест. Для основной части политиков и экономистов занятость не имеет морального измерения: чем больше, тем лучше. Я склонен утверждать, что пришло время для нового рабочего движения. Такого, которое станет бороться не только за новые рабочие места и более высокие зарплаты, но и, что важнее, за более осмысленную и ценную работу. И тогда мы увидим, что, стоит нам начать тратить больше времени на отупляющие исследования рынка, одуряющее администрирование и загрязнение окружающей среды, безработица вырастет и что, когда мы станем дольше заниматься тем, что нас удовлетворяет, безработица снизится.

Последние два совета

Но сначала социалистам-пораженцам придется перестать упиваться своим моральным превосходством и устаревшими идеями. Всякий, кто выступает за прогресс, обязан быть источником не только энергии, но и идей, не только возмущения, но и надежды, должен найти равновесие между этикой и агрессивными продажами. Наконец, социалисту-пораженцу недостает главного свойства, необходимого для политических перемен, — убежденности в том, что существует другой, лучший путь. В том, что утопия достижима.

Я не хочу сказать, что это просто — освоить Политику с большой буквы. Совсем наоборот. Первое, самое сложное затруднение — добиться того, чтобы тебя вообще приняли всерьез. Таков мой собственный опыт последних трех лет, на протяжении которых я выступал за безусловный базовый доход, сокращение рабочей недели и устранение бедности. Раз за разом мне говорили, что эти идеи нереалистичны, недоступны или попросту абсурдны.

Я не сразу понял, что моя так называемая нереалистичность не связана с какими бы то ни было изъянами в моих рассуждениях. Люди называли мои идеи «нереалистичными», просто подразумевая, что те не соответствуют статус-кво. А самый действенный способ заткнуть рот человеку — дать ему почувствовать себя идиотом. Это даже лучше, чем цензура, ведь этот человек почти наверняка станет держать язык за зубами.

Когда я впервые стал писать о базовом доходе, большинство людей ничего о нем не слышало. Но сегодня, всего три года спустя, эта идея пробилась повсюду. Финляндия и Канада объявили о проведении масштабных экспериментов. Она серьезно укореняется в Кремниевой долине. GiveDirectly (организация, упоминавшаяся в главе 2) начинает в Кении крупное исследование базового дохода. А в моей родной стране, Нидерландах, не менее 20 муниципалитетов вводят базовый доход.

Импульсом к подобному бурному интересу стал референдум, проведенный в Швейцарии 5 июня 2016 г. Пять

лет назад, вероятно, всего пара сотен швейцарцев знали, что такое базовый доход, но сегодня все иначе. Конечно, инициатива, касавшаяся введения безусловного базового дохода, была отклонена значительным большинством голосов, но не стоит забывать, что не далее как в 1959 г. большинство швейцарских мужчин проголосовали против другого безумного утопического предложения: предоставить женщинам право голоса. Его приняли на втором референдуме, в 1971-м.

Я хочу сказать следующее: швейцарским референдумом дело не заканчивается, а только начинается. Со времени первого голландского издания этой книги я разговаривал о ней в Париже, Монреале, Нью-Йорке, Дублине и Лондоне. Куда бы я ни поехал, везде люди с воодушевлением говорили о базовом доходе, и их энтузиазм был обусловлен одними и теми же факторами. С момента финансового краха 2008 г. и начала эпохи брекзита и Трампа все больше людей жаждет настоящего, мощнейшего противоядия против ксенофобии и неравенства. Новой карты мира. Нового источника надежды. Короче говоря, новой Утопии.

Итак, в заключение я хотел бы дать два последних совета всем, кто готов проводить в жизнь идеи, предложенные на страницах этой книги. Во-первых, поймите, что на свете много людей, подобных вам. Много, много людей. Читатели бесчисленное количество раз говорили мне, что, хотя они всецело верят в идеи, изложенные в моей книге, мир кажется им испорченным и полным

Эпилог

алчности. Я посоветовал выключить телевизор, осмотреться и *организоваться*. У большинства людей сердце на месте.

А во-вторых, я рекомендую отрастить себе кожу по толще. Не позволяйте никому говорить вам, что есть что. Если мы хотим изменить мир, нам следует совершать нереалистичное, неразумное и невозможное. Помните: те, кто призывал к отмене рабства, предоставлению избирательного права женщинам и легализации однополых браков, тоже считались психами. Пока история не показала, что они были правы.

Примечания

1. Под крайней нищетой подразумевается жизнь менее чем на \$1,25 в день, что едва достаточно для выживания. См. François Bourguignon and Christian Morrisson, “Inequality among World Citizens: 1820–1992”, *The American Economic Review* (September 2002). <http://piketty.pse.ens.fr/files/BourguignonMorrisson2002.pdf>.
2. В Нидерландах бездомный получает правительственную помощь в размере около \$10 000 в год. В 1950-х гг. валовый национальный продукт на душу населения Голландии с поправкой на покупательную способность и инфляцию составлял \$7408 (согласно данным gar.minder.org). В 1600–1800 гг. он составлял от \$2000 до \$2500.
3. См. данные историков: Angus Maddison, J. Bolt, and J. L. van Zanden, “The First Update of the Maddison Project; Re-Estimating Growth Before 1820”, *Maddison Project Working Paper 4* (2013). <http://www.ggdc.net/maddison/maddison-project/home.htm>.
4. Herman Pleij, “Dromen van Cocagne. Middeleeuwse fantasieën over het volmaakte leven” (1997), с. 11.

5. World Health Organization, “Obesity and overweight”, Fact-sheet No. 311 (March 2013). <http://www.who.int/mediacentre/factsheets/fs311/en/>.
6. Manuel Eisner, “Long-Term Historical Trends in Violent Crime”, Университет Чикаго (2003), табл. 2. <http://www.vrc.crim.cam.ac.uk/vrcresearch/paperdownload/manuel-eisner-historical-trends-in-violence.pdf>.
7. World Bank, “An update to the World Bank’s estimates of consumption poverty in the developing world” (2012). http://sitere-sources.worldbank.org/INTPOVCALNET/Resources/Global_Poverty_Update_2012_02-29-12.pdf.
8. J.O.’s “Development in Africa: Growth and other good things”, *The Economist* (May 1, 2013). <http://www.economist.com/blogs/baobab/2013/05/development-africa>.
9. UN News Centre, “Deputy UN chief calls for urgent action to tackle global sanitation crisis” (March 21, 2013). <http://www.un.org/apps/news/story.asp?NewsID=44452>.
10. По данным Internet Live Stats. См.: <http://www.internetlive-stats.com>.
11. По данным Всемирной организации здравоохранения, средняя продолжительность жизни в Африке для лиц, родившихся в 2000 г., составляла 50 лет. В 2012 г. она составляла 58 лет. http://www.who.int/gho/death_burden_disease/life_tables/situation_trends_text/en/.
12. Согласно данным Всемирного банка: <http://apps.who.int/gho/data/view.main.700?lang=en>.
13. Индивидуальное среднесуточное потребление калорий увеличилось с 2600 в 1990 г. до 2840 в 2012-м (в Африке к югу

- от Сахары — с 2180 до 2380). Miina Porka et al., “From Food Insufficiency towards Trade Dependency: A Historical Analysis of Global Food Availability,” *PLoS One* (December 18, 2013). <http://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/24367545>.
14. Bjørn Lomborg, “Setting the Right Global Goals”, *Project Syndicate* (May 20, 2014). <https://www.projectsyndicate.org/commentary/bj-rn-lomborg-identifies-the-areas-in-which-increased-development-spending-can-do-the-most-good>.
  15. Одна из них — Одри де Грей из Кембриджского университета, которая выступила на TED по этой теме: http://www.ted.com/talks/aubrey_de_grey_says_we_can_avoid_aging.
  16. Peter F. Orazem, “Challenge Paper: Education,” Copenhagen Consensus Center (April 2014). <http://copenhagenconsensus.com/publication/education>.
  17. “Where have all the burglars gone?” *The Economist* (July 18, 2013). <http://www.economist.com/news/briefing/21582041-rich-world-seeing-less-and-less-crime-even-face-high-unemployment-and-economic>.
  18. Francis Fukuyama, “The End of History?” *National Interest* (Summer 1989). <http://ps321.community.uaf.edu/files/2012/10/Fukuyama-End-of-history-article.pdf>. (Фукучама Ф. Конец истории? // Вопросы философии. 1990. № 3. С. 84–118.)
  19. Andrew Cohut et al., “Economies of Emerging Markets Better Rated During Difficult Times. Global Downturn Takes Heavy Toll; Inequality Seen as Rising”, *Pew Research* (May 23, 2013), с. 23. <http://www.pewglobal.org/files/2013/05/PewGlobal-Attitudes-Economic-Report-FINAL-May-23-20131.pdf>.

20. Lyman Tower Sargent, "Utopianism. A Very Short Introduction" (2010), с. 12. Существует и буддийский вариант Страны изобилия: «Желая принять пищу, они должны только поместить рис на определенный большой камень, из которого тут же возникает пламя [и] готовит их пищу».
21. Ian C. Storey (trans.), "Fragments of Old Comedy, Vol. III: Philonicus to Xenophon. Adespota", Loeb Classical Library, 515 (2011), с. 291. https://www.loebclassics.com/view/telecides-testimonia_fragments/2011/pb_LCL515.291.xml.
22. Russell Jacoby, "Picture Imperfect. Utopian Thought for an Anti-Utopian Age" (2005). Также см. мою последнюю (на голландском языке) книгу "De geschiedenis van de vooruitgang" (2013), в которой я рассматриваю различие, которое Якоби делает между двумя формами утопической мысли.
23. George Kateb, quoted in: "Lyman Tower Sargent, Utopianism. A Very Short Introduction" (2010), с. 107. И тем не менее любой, кто погружается в утопию Томаса Мора, будет неприятно удивлен. Мор описывает совершенно авторитарное общество, жителей которого продают в рабство даже за относительно незначительные проступки. Тем не менее важно понимать, что средневековому крестьянину все это показалось бы глотком свежего воздуха. Рабство было положительно мягкостью по сравнению с обычным репертуаром, состоявшим из повешения, четвертования и сжигания на костре. Стоит также отметить, что многие комментаторы не уловили иронии Мора, потому что они не читали его книгу в подлиннике, на латыни. Например, нашего провожатого в утопии Мора зовут Нутхлодаеус, что переводится как «говорящий бессмыслицу».

24. Branko Milanovic, “Global Inequality: From Class to Location, from Proletarians to Migrants”, *World Bank Policy Research Working Paper* (September 2011). <http://elibrary.worldbank.org/doi/book/10.1596/1813-9450-5820>.
25. О США см.: Bryan Caplan, “How Dems and Reps Differ: Against the Conventional Wisdom”, *Library of Economics and Liberty* (September 7, 2008). http://econlog.econlib.org/archives/2008/09/how_dems_and_re.html. Об Англии см.: James Adams, Jane Green, and Caitlin Milazzo, “Has the British Public Depolarized Along with Political Elites? An American Perspective on British Public Opinion”, *Comparative Political Studies* (April 2012). <http://cps.sagepub.com/content/45/4/507/>.
26. См.: Alain de Botton, “Religion for Atheists” (2012), гл. 3. (Боттон А. де. Религия для атеистов. — М.: Эксмо, 2013.)
27. Это не значит, что был выбор: исследования одни за другими показывают, что подавляющее большинство населения всех развитых стран обеспокоено материализмом, индивидуализмом и грубой современной культурой. В США общенациональный опрос показал, что большинство американцев хотят, чтобы общество «сделало шаг прочь от жадности и излишеств к образу жизни, более ориентированному на ценности, сообщество и семью». Цит. по: Richard Wilkinson and Kate Pickett, “The Spirit Level. Why Equality Is Better for Everyone” (2010), с. 4.
28. Перефразирована реплика из фильма «Бойцовский клуб», также это высказывание принадлежит эксперту по стратегии устойчивого развития профессору Тиму Джексону и существуют сотни других вариантов этой цитаты.

29. Прочитовано по: Don Peck, "How a New Jobless Era Will Transform America", *Atlantic* (March 2010). <http://www.theatlantic.com/magazine/archive/2010/03/how-a-new-jobless-era-will-transform-america/307919/>.
30. Wilkinson and Pickett, "The Spirit Level", с. 34.
31. World Health Organization, "Health for the World's Adolescents. A second chance in the second decade" (June 2014). http://apps.who.int/iris/bitstream/10665/112750/1/WHO_FWC_MCA_14.05_eng.pdf?ua=1.
32. Wilkinson and Pickett, "The Spirit Level", с. 36. Это в особенности касается молодежи Северной Америки, но данная тенденция наблюдается и в других развитых странах.
33. Цит. по: Ashlee Vance, "This Tech Bubble Is Different," *Bloomberg Businessweek* (April 14, 2011). <http://www.theatlantic.com/magazine/archive/2010/03/how-a-new-jobless-era-will-transform-america/307919/>.
34. John Maynard Keynes, "Economic Possibilities for our Grandchildren" (1930), *Essays in Persuasion*. <http://www.econ.yale.edu/smith/econ116a/keynes1.pdf>. («Экономический портал»: <http://institutiones.com/personalities/1198-ekonomicheskie-vozmozhnosti-nashih-vnukov.html>.)
35. Bertrand Russell, "Philosophy and Politics" (1947), с. 14.
36. Bertrand Russell, "Political Ideals" (1917), гл. 1.
37. Это очень консервативная оценка. Исследование, проведенное британским правительством, предполагает £30 000 на одного бездомного в год (на социальные службы, полицию, судебные издержки и т. д.). В данном случае сумма должна быть куда крупнее, так как это были самые

ПРИМЕЧАНИЯ

- отъявленные бродяги. В исследовании указаны суммы до £400 000 на одного бездомного в год. См.: Department for Communities and Local Government, “Evidence Review of the Costs of Homelessness” (August 2012). https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/7596/2200485.pdf.
38. Как сообщается в отчете «Бродвея», получателям обычно не сообщали точно, каков их «персонализированный бюджет». Однако, так как далее в отчете говорится о том, что один из бездомных предложил снизить его сумму с £3000 до £2000, она, очевидно, была ему известна.
39. Деньги не давали бездомным напрямую. Чтобы потратить деньги, они должны были получить одобрение «администратора по уличному населению», что всегда происходило «оперативно». Ограниченность этого контроля также подтвердил один из социальных работников в интервью *The Economist* (см. прим. 43): «Мы говорили только: “Это ваша жизнь, и вам решать, что с ней делать, но мы здесь, чтобы помочь вам, если вы этого хотите”». В отчете также говорится, что «в ходе интервью многие люди, говоря о полученной помощи и использовании своего персонализированного бюджета, употребляли словосочетания “я выбрал” и “я принял решение”, подчеркивающие их ощущение контроля и свободного выбора».
40. Фонд Джозефа Раунтри опубликовал обширный отчет об этом эксперименте, который является источником всех приведенных цитат. См.: Juliette Hough и Becky Rice, “Providing Personalised Support to Rough Sleepers. An Evaluation

of the City of London Pilot” (2010). <http://www.jrf.org.uk/publications/support-rough-sleepers-london>.

Еще одну оценку см.: Liz Blackender and Jo Prestige, “Pan London Personalised Budgets for Rough Sleepers”, *Journal of Integrated Care* (January 2014). <http://www.emeraldinsight.com/journals.htm?articleid=17104939&>.

41. В 2013 г. этот проект был расширен и охватил еще 28 бездомных в лондонском Сити, из которых у 20 уже была крыша над головой.
42. “Cutting out the middle men”, *The Economist* (November 4, 2010). <http://www.economist.com/node/17420321>.
43. Прочитировано по: Jacob Goldstein, “Is It Nuts to Give to the Poor Without Strings Attached?” *The New York Times* (August 13, 2013). <http://www.nytimes.com/2013/08/18/magazine/is-it-nuts-to-give-to-the-poor-without-strings-attached.html>.
44. Johannes Haushofer and Jeremy Shapiroz, “Policy Brief: Impacts of Unconditional Cash Transfers”. https://www.princeton.edu/~joha/publications/Haushofer_Shapiro_Policy_Brief_2013.pdf
45. GiveWell, занимающаяся оценкой эффективности благотворительной помощи, изучила более 500 благотворительных организаций и поместила GiveDirectly на четвертое место в списке лидирующих благотворителей.
46. Christopher Blattman, Nathan Fiala, and Sebastian Martinez, “Generating Skilled Self-Employment in Developing Countries: Experimental Evidence from Uganda”, *Quarterly Journal of Economics* (November 14, 2013). http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2268552.

47. Christopher Blattman et al., “Building Women’s Economic and Social Empowerment Through Enterprise. An Experimental Assessment of the Women’s Income Generating Support (WINGS) Program in Uganda” (April 2013). <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/17862/860590NWP-0Box30ySeriesNo10Ugandaohr.pdf?sequence=1&isAllowed=y>.
- См. также: Isobel Coleman, “Fighting Poverty with Unconditional Cash”, *Council on Foreign Relations* (December 12, 2013). <http://blogs.cfr.org/development-channel/2013/12/12/fighting-poverty-with-unconditional-cash/>.
48. Christopher Blattman et al., “The Returns to Cash and Micro-enterprise Support Among the Ultra-Poor: A Field Experiment”. http://sites.bu.edu/neudc/files/2014/10/paper_15.pdf.
49. Далее приведена подборка исследований влияния условных и безусловных «денежных грантов». В Южной Африке: Jorge M. Agüero and Michael R. Carter, “The Impact of Unconditional Cash Transfers on Nutrition: The South African Child Support Grant”, University of Cape Town (August 2006). <http://www.ipc-undp.org/pub/IPCWorkingPaper39.pdf>.
- В Малави: W. K. Luseno et al., “A multilevel analysis of the effect of Malawi’s Social Cash Transfer Pilot Scheme on school-age children’s health”, *Health Policy Plan* (May 2013). <http://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC4110449/>.
- Также в Малави: Sarah Baird et al., “The Short-Term Impacts of a Schooling Conditional Cash Transfer Program on the Sexual Behavior of Young Women”. http://cega.berkeley.edu/assets/cega_research_projects/40/Short_Term_Impacts_of_a_Schooling_CCT_on_Sexual_Behavior.pdf.

50. Charles Kenny, “For Fighting Poverty, Cash Is Surprisingly Effective”, *Bloomberg Businessweek* (June 3, 2013). <http://www.bloomberg.com/bw/articles/2013-06-03/for-fighting-poverty-cash-is-surprisingly-effective>.
51. Joseph Hanlon et al., “Just Give Money to the Poor” (2010), с. 6.
52. Armando Barrientos and David Hulme, “Just Give Money to the Poor. The Development Revolution from the Global South”, Presentation for the OECD. <http://www.oecd.org/dev/pgd/46240619.pdf>.
53. Christopher Blattman and Paul Niehaus, “Show Them the Money. Why Giving Cash Helps Alleviate Poverty”, *Foreign Affairs* (May/June 2014).
54. David McKenzie and Christopher Woodruff, “What Are We Learning from Business Training and Entrepreneurship Evaluations around the Developing World?” World Bank Policy Research Working Paper (September 2012). <http://ftp.iza.org/dp6895.pdf>.
55. Hanlon et al., Just Give Money to the Poor, с. 4. Конечно, денежные переводы — не панацея, они не построят мосты и не принесут мир. Но они меняют многое. Переводы денег «настолько близки к панацее в области развития, насколько это вообще достижимо», — замечает Нэнси Бердсолл, президент вашингтонского Центра глобального развития. Цит. по: там же, с. 61.
56. Следует отметить, что это снижение не было статистически значимым, поэтому во многих случаях денежные переводы не влияют на уровень потребления табака и алкоголя. См.: David K. Evans and Anna Popova, “Cash Transfers and

- Temptation Goods. A Review of Global Evidence”, World Bank Policy Research Working Papers (May 2014). <http://documents.worldbank.org/curated/en/2014/05/19546774/cash-transfers-temptation-goods-review-global-evidence>.
57. Blattman and Niehaus, “Show Them the Money”.
58. В 2009 г. в *Lancet* писали: «Новые данные о денежных переводах, условных и безусловных, во многом рассеивают опасения в том, что эти программы препятствуют поиску работы взрослыми и создают культуру зависимости, сохраняющую бедность из поколения в поколение». См.: The Lancet Editorial, “Cash Transfers for Children. Investing into the Future”, *The Lancet* (June 27, 2009).
59. Claudia Haarmann et al., “Making the Difference! The BIG in Namibia”, Assessment Report (April 2009), с. VII. http://www.bignam.org/Publications/big_Assessment_report_o8b.pdf.
60. В том числе Томас Пейн, Джон Стюарт Милль, Г. Дж. Уэллс, Джордж Бернард Шоу, Джон Кеннет Гэлбрейт, Ян Тинберген, Мартин Лютер Кинг и Бертран Рассел.
61. См., например: Matt Zwolinski, “Why Did Hayek Support a Basic Income?” *Libertarianism.org* (December 23, 2013). <http://www.libertarianism.org/columns/why-did-hayek-supportbasic-income>.
62. Robert van der Veen and Philippe van Parijs, “A Capitalist Road to Communism”, *Theory & Society* (1986). https://www.ssc.wisc.edu/~wright/ERU_files/PVP-cap-road.pdf.
63. Цитата из консервативного сторонника базового дохода Чарльза Мюррея в: Annie Lowrey, “Switzerland’s Proposal to Pay People for Being Alive”, *The New York Times* (November 12,

- 2013). <http://www.nytimes.com/2013/11/17/magazine/switzerland-proposal-to-pay-people-for-being-alive.html>.
64. Цит. по: Zi-Ann Lum, “A Canadian City Once Eliminated Poverty and Nearly Everyone Forgot About It”, *The Huffington Post*. http://www.huffingtonpost.ca/2014/12/23/mincome-indauphin-manitoba_n_6335682.html.
65. Цит. по: Lindor Reynolds, “Dauphin’s Great Experiment”, *Winnipeg Free Press* (March 12, 2009). <http://www.winnipegfreepress.com/local/dauphins-great-experiment.html>.
66. Здесь и далее в абзаце все суммы указаны в долларах США.
67. Цит. по: Vivian Belik, “A Town Without Poverty?” *Dominion* (September 5, 2011). <http://www.dominionpaper.ca/articles/4100>. «Для многих экономистов проблема заключалась в снижении мотивации к работе, — заметил Уэйн Симпсон, еще один канадский экономист, исследовавший “Минком”. — Факты говорят о том, что все далеко не так плохо, как порой предполагалось различными авторами». Цит. по: Lowrey, “Switzerland’s Proposal to Pay People for Being Alive”.
68. Цит. по: лекции на Vimeo. <http://vimeo.com/56648023>.
69. Evelyn Forget, “The town with no poverty”, University of Manitoba (February 2011). <http://public.econ.duke.edu/~erw/197/forget-cea%282%29.pdf>.
70. Allan Sheahen, “Basic Income Guarantee. Your Right to Economic Security” (2012), с. 108.
71. Dylan Matthews, “A Guaranteed Income for Every American Would Eliminate Poverty — And It Wouldn’t Destroy the Economy”, *Vox.com* (July 23, 2014). <http://www.vox.com/2014/7/23/5925041/guaranteed-income-basic-poverty-gobry-labor-supply>.

72. Цит. по: Allan Sheahan, “Why Not Guarantee Everyone a Job? Why the Negative Income Tax Experiments of the 1970s Were Successful”, USBIG Discussion Paper (February 2002). <http://www.usbig.net/papers/013-Sheahan.doc>.
- Исследователи думали, что люди в итоге могут даже начать работать больше, если правительство создаст дополнительные рабочие места. «Любое сокращение рабочей силы, вызванное денежной помощью, будет более чем компенсировано возросшими возможностями трудоустройства в государственном секторе».
73. Matthews, “A Guaranteed Income for Every American Would Eliminate Poverty”.
74. “Economists Urge Assured Income”, *The New York Times* (May 28, 1968).
75. Brian Steensland, “The Failed Welfare Revolution. America’s Struggle over Guaranteed Income Policy” (2008), с. 123.
76. Цит. по: Sheahan, “Basic Income Guarantee”, с. 8.
77. Steensland, “The Failed Welfare Revolution”, с. 69.
78. Цит. по: Peter Passell and Leonard Ross, “Daniel Moynihan and President-Elect Nixon: How Charity Didn’t Begin at Home”, *The New York Times* (January 14, 1973). <http://www.nytimes.com/books/98/10/04/specials/moynihan-income.html>.
79. Цит. по: Leland G. Neuberg, “Emergence and Defeat of Nixon’s Family Assistance Plan”, USBIG Discussion Paper (January 2004). <http://www.usbig.net/papers/066-Neuberg-FAP2.doc>.
80. Bruce Bartlett, “Rethinking the Idea of a Basic Income for All”, *The New York Times Economix* (December 10, 2013). <http://>

economix.blogs.nytimes.com/2013/12/10/rethinking-the-idea-of-a-basic-income-for-all.

81. Steensland, “The Failed Welfare Revolution”, с. 157.
82. Glen G. Cain and Douglas Wissoker, “A Reanalysis of Marital Stability in the Seattle–Denver Income Maintenance Experiment”, Institute for Research on Poverty (January 1988). <http://www.irp.wisc.edu/publications/dps/pdfs/dp85788.pdf>.
83. Согласно опросу, проведенному Харрис в 1969 г. Mike Alberti and Kevin C. Brown, “Guaranteed Income’s Moment in the Sun”, *Remapping Debate*. <http://www.remappingdebate.org/article/guaranteed-income’s-moment-sun>.
84. Matt Bruenig, “How a Universal Basic Income Would Affect Poverty”, *Demos* (October 3, 2013). <http://www.demos.org/blog/10/3/13/how-universal-basic-income-would-affectpoverty>.
85. Linda J. Bilmes, “The Financial Legacy of Iraq and Afghanistan: How Wartime Spending Decisions Will Constrain Future National Security Budgets”, Faculty Research Working Paper Series (March 2013). <https://research.hks.harvard.edu/publications/getFile.aspx? Id=923>.
86. Попробуйте провести мысленный эксперимент: базовый доход размером \$1,25 в день для всех на земле ежегодно обойдется в \$3 трлн или в 3,5% глобального ВВП. Такая же финансовая помощь 1,3 млрд беднейших людей мира обошлась бы менее чем в \$600 млрд или примерно в 0,7% мирового ВВП и полностью истребила бы бедность.
87. Walter Korpi and Joakim Palme, “The Paradox of Redistribution and Strategies of Equality: Welfare State Institutions, Inequality and Poverty in the Western Countries”, *American Sociological*

- Review* (October 1998). <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.111.2584&rep=rep1&type=pdf>.
88. Wim van Oorschot, “Globalization, the European Welfare State, and Protection of the Poor”, in: A. Suszycki and I. Karolewski (eds), *Citizenship and Identity in the Welfare State* (2013), с. 37–50.
89. Лучший пример тому — Аляска как единственный политический субъект с универсальным безусловным базовым доходом (чуть более \$1000 в год), финансируемым из нефтяных доходов. Здесь базовый доход пользуется почти единой поддержкой. Согласно Скотту Голдсмиту, профессору Университета Аляски в Анкоридже, усомниться в этой программе было бы политическим самоубийством для любого политика. Отчасти благодаря именно этому небольшому базовому доходу на Аляске самое незначительное неравенство из всех штатов США. См.: Scott Goldsmith, “The Alaska Permanent Fund Dividend: An Experiment in Wealth Distribution”, 9th International Congress BIEN (September 12, 2002). <http://www.basicincome.org/bien/pdf/2002Goldsmith.pdf>.
90. Исследование поведения людей, выигравших в лотерею, показывает, что, даже сорвав джекпот, люди редко бросают работу, а если и бросают, то для того, чтобы больше времени проводить с детьми или подыскать другую работу. См. знаменитое исследование: Roy Kaplan, “Lottery Winners: The Myth and Reality,” *Journal of Gambling Behavior* (Fall 1987), с. 168–78.
91. Хороший пример — сокамерники. Получая еду и кров, они могут наслаждаться бездельем. И тем не менее отстранение

от работы используется в качестве наказания. Если заключенный ведет себя дурно, ему запрещается работать в магазине и на кухне. Почти все хотят вносить свой вклад, хотя наши представления о «работе» и «занятости» меняются. На самом деле мы обращаем слишком мало внимания на огромный объем работы, которую люди делают бесплатно.

92. Она сказала это на канадском телевидении: <https://youtu.be/EPRTUZsiDYw?t=45m3os>.
93. Jessica Sedgwick, "November 1997: Cherokee Casino Opens" (November 1, 2007). https://blogs.lib.unc.edu/ncm/index.php/2007/11/01/this_month_nov_1997/.
94. James H. Johnson Jr., John D. Kasarda, and Stephen J. Appold, "Assessing the Economic and Non-Economic Impacts of Harrah's Cherokee Casino, North Carolina" (June 2011). https://www.kenan-flagler.unc.edu/~media/Files/kenaninstitute/UNC_KenanInstitute_Cherokee.pdf.
95. Деньги для детей младше 18 лет выплачиваются в фонд и выдаются им по достижении совершеннолетия.
96. Jane Costello et al., "Relationships Between Poverty and Psychopathology. A Natural Experiment," *Journal of the American Medical Association* (October 2003). <http://jama.jamanetwork.com/article.aspx?articleid=197482>.
97. Цит. по: Moises Velasquez-Manoff, "What Happens When the Poor Receive a Stipend?" *The New York Times* (January 18, 2014). <http://opinionator.blogs.nytimes.com/2014/01/18/what-happens-when-the-poor-receive-a-stipend/>.
98. William Copeland and Elizabeth J. Costello, "Parents' Incomes and Children's Outcomes: A Quasi-Experiment", *American*

- Economic Journal: Applied Economics* (January 2010). <http://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/pmc2891175/>.
99. Цит. по: Velasquez-Manoff, “What Happens When the Poor Receive a Stipend?”. Согласно Костелло, все изменилось благодаря денежным переводам, а не новым объектам (школа, больница), так как улучшения в жизни чероки были заметны с момента появления денег, задолго до строительства школы и больницы.
  100. Costello et al., “Relationships Between Poverty and Psychopathology”, с. 2029.
  101. Richard Dowden, “The Thatcher Philosophy”, *Catholic Herald* (December 22, 1978). <http://www.margaretthatcher.org/document/103793>.
  102. Sendhil Mullainathan and Eldar Shafir, “Scarcity: Why Having Too Little Means So Much” (2013).
  103. Velasquez-Manoff, “What Happens When the Poor Receive a Stipend?”.
  104. Donald Hirsch, “An estimate of the cost of child poverty in 2013”, Centre for Research in Social Policy. [http://www.cpag.org.uk/sites/default/files/Cost of child poverty research update\(2013\).pdf](http://www.cpag.org.uk/sites/default/files/Cost%20of%20child%20poverty%20research%20update%20(2013).pdf).
  105. Donald Hirsch, “Estimating the costs of child poverty”, Joseph Rowntree Foundation (October 2008). <http://www.jrf.org.uk/sites/files/jrf/2313.pdf>.
  106. См., например, Harry J. Holzer et al., “The Economic Costs of Poverty in the United States. Subsequent Effects of Children Growing Up Poor”, Center for American Progress (January 2007). <https://www.americanprogress.org/issues/poverty/report/2007/01/24/2450/the-economic-costs-of-poverty>.

107. Я округлил эти числа. См.: Greg J. Duncan, “Economic Costs of Early Childhood Poverty”, Partnership for America’s Economic Success, Issue Brief #4 (February 2008). <http://ready-nation.s3.amazonaws.com/wp-content/uploads/Economic-Costs-Of-Early-Childhood-Poverty-Brief.pdf>.
108. Valerie Strauss, “The cost of child poverty: \$500 billion a year”, *The Washington Post* (July 25, 2013). <http://www.washingtonpost.com/blogs/answer-sheet/wp/2013/07/25/the-cost-of-child-poverty-500-billion-a-year/>.
109. Daniel Fernandes, John G. Lynch Jr., and Richard G. Netemeyer, “Financial Literacy, Financial Education and Downstream Financial Behaviors”, *Management Science* (January 2014). http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2333898.
110. Иными словами, средняя продолжительность жизни. Естественно, всегда есть значительные различия в состоянии здоровья богатых и бедных в отдельно взятой стране. Но это не умаляет того факта, что экономический рост быстро перестает влиять на среднюю продолжительность жизни в этой стране.
111. Цит. по: Rutger Bregman, “99 problemen, 1 oorzaak”, *De Correspondent*. <https://decorrespondent.nl/388/99-problemen-1oorzaak/14916660-5a5eee06>.
112. См. также: Brian Nolan et al., “Changing Inequalities and Societal Impacts in Rich Countries: Thirty Countries’ Experiences” (2014). В этом отчете о крупном исследовании, проведенном более чем 200 специалистами по всей Европе, США, Австралии, Канаде, Японии и Южной Корее, обнаруживается устойчивая связь между неравенством и снижением

ПРИМЕЧАНИЯ

счастья, социальной мобильности и явки на выборы с одной стороны и желанием повысить свой статус с другой. Не столь явна корреляция между преступностью и участием в общественной жизни; в целом влияние бедности более разрушительно, чем влияние неравенства.

113. Забавно, что в странах, где равенство более выражено, таких как Германия и Норвегия, люди менее склонны приписывать свой успех себе лично. В США, напротив, люди реже (как показывает всемирное Исследование жизненных ценностей населения) считают свои успехи результатом удачи или обстоятельств.
114. Jonathan D. Ostry, Andrew Berg, and Charalambos G. Tsangarides, "Redistribution, Inequality, and Growth", IMF (April 2014). <http://www.imf.org/external/pubs/ft/sdn/2014/sdn1402.pdf>.
115. Открытия Уилкинсона и Пиккет вызвали неоднозначную реакцию, но со времен публикации *The Spirit Level* были проведены десятки исследований, их подтверждающих. В 2011 г. Фонд Джозефа Раунтри провел независимый анализ их доказательств и заключил, что, действительно, научные круги признают существование корреляции между неравенством и социальными проблемами. И, главное, существует немало данных, указывающих на причинно-следственную связь между ними. См.: Karen Rowlingson, "Does income inequality cause health and social problems?" (September 2011). <http://www.jrf.org.uk/sites/files/jrf/inequality-income-social-problems-full.pdf>.

И наоборот, в странах, где более распространены пособия, богатые и бедные обычно более счастливы и испытывают

- меньше этих социальных проблем. Всестороннее исследование на этот счет: Patrick Flavin, Alexander C. Pacek, and Benjamin Radcliff, “Assessing the Impact of the Size and Scope of Government on Human Well-Being”, *Social Forces* (June 2014). <http://sf.oxfordjournals.org/content/92/4/1241>.
116. Jan-Emmanuel De Neve and Nattavudh Powdthavee, “Income Inequality Makes Whole Countries Less Happy”, *Harvard Business Review* (January 12, 2016). <https://hbr.org/2016/01/income-inequality-makes-whole-countries-less-happy>.
117. См. Евангелие от Матфея 26:11, от Марка 14:7 и от Иоанна 12:8.
118. Цит. по: Emily Badger, “Hunger Makes People Work Harder, and Other Stupid Things We Used to Believe About Poverty”, *Atlantic Cities* (July 17, 2013), <http://www.theatlanticcities.com/jobs-andeconomy/2013/07/hunger-makes-people-work-harder-and-other-stupid-things-we-used-to-believe-about-poverty/6219/>.
119. Bernard de Mandeville, “The Fable of the Bees, or, Private Vices, Publick Benefits” (1714).
120. Samuel Johnson, Letter to James Boswell, 7th December 1782.
121. Цит. по: Kerry Drake, “Wyoming can give homeless a place to live, and save money”, *WyoFile* (December 3, 2013). <http://www.wyofile.com/column/wyoming-homelessness-place-live-save-money/>.
122. Исследование во Флориде показало, что человек, живущий на улице, стоит ежегодно \$31 000, в то время как предоставление ему жилья и социального работника обойдется штату всего в \$10 000. Исследование в Колорадо подсчитало соответствующие суммы: \$43 000 и \$17 000 ежегодно. См.:

- Kate Santich, “Cost of homelessness in Central Florida? \$31K per person”, *Orlando Sentinel* (May 21, 2014). http://articles.orlandosentinel.com/2014-05-21/news/os-cost-of-homelessness-orlando-20140521_1_homeless-individuals-central-florida-commission-tulsa. И Scott Keyes, “Colorado Proves Housing the Homeless Is Cheaper Than Leaving Them on the Streets”, *Think Progress* (September 5, 2013). <http://thinkprogress.org/economy/2013/09/05/2579451/coloradohomeless-shelter>.
123. Блестящий очерк об этом написал Малкольм Гладуэлл, см.: <http://gladwell.com/million-dollar-murray>.
124. Birgit Kooijman, “Rotterdam haalt daklozen in huis”, *Binnenlands Bestuur* (August 28, 2009). <http://www.binnenlandsbestuur.nl/sociaal/achtergrond/achtergrond/rotterdam-haalt-daklozen-in-huis.127589.lynkx>.
125. Plan van aanpak Maatschappelijke Opvang Fase II, “Van de straat naar een thuis”. http://www.utrecht.nl/fileadmin/uploads/documenten/5.sociaal-maatschappelijk/Zorg_voor_sociaal_kwetsbaren/ocw_Plan_van_Aanpak_MO_fase2_sasamenvatti_1_.pdf.
126. Согласно Плану действий, в 2006 г. на улицах этих четырех крупных городов было около 10 000 бездомных. В 2009-м их число снизилось примерно до 6500, а в 2012-м подскочило до 12 400. См.: Statistics Netherlands Statline, “Daklozen; persoonskenmerken”. <http://statline.cbs.nl/StatWeb/publication/?VW=T&DM=SLNL&PA=80799NED&LA=L>.
127. Cebeon, “Kosten en baten van Maatschappelijke opvang. Bouwstenen voor effectieve inzet van publieke middelen” (2011). <http://www.opvang.nl/site/item/kosten-en-baten-van-maatschappelijke-opvang-bouwstenen-voor-effectieve>.

128. Ruper Neate, “Scandal of Europe’s 11m empty homes”, *The Guardian* (February 23, 2014). <http://www.theguardian.com/society/2014/feb/23/europe-11m-empty-properties-enough-house-homeless-continent-twice>.
129. Richard Bronson, “Homeless and Empty Homes — An American Travesty”, *The Huffington Post* (August 24, 2010). http://www.huffingtonpost.com/richard-skip-bronson/post_733_b_692546.html.
130. Цит. по: John Stoehr, “The Answer to Homelessness”, *American Conservative* (March 20, 2014). <http://www.theamericanconservative.com/articles/the-answer-to-homelessness>.
131. Цит. по: Velasquez-Manoff, “What Happens When the Poor Receive a Stipend?”.
132. Британский писатель Л. П. Хартли (1895–1972) в своем романе «Посредник» (*The Go-Between*, 1953).
133. Brian Steenslang, “The Failed Welfare Revolution. America’s struggle Over Guaranteed Income Policy” (2008), с. 93.
134. Там же, с. 96.
135. Там же, с. 115.
136. Peter Passell and Leonard Ross, “Daniel Moynihan and President-elect Nixon: How charity didn’t begin at home”, *The New York Times* (January 14, 1973). <http://www.nytimes.com/books/98/10/04/specials/moynihan-income.html>.
137. Там же.
138. Недавнее исследование, проведенное Университетом Джонса Хопкинса, выявило, что на протяжении последних 30 лет государство всеобщего благоденствия США все более сосредоточивалось на «богатых бедных» — имеющих

ПРИМЕЧАНИЯ

- работу и состоящих в браке людях, либо пожилых, считающихся в большей степени «заслуживающими» поддержки. Вследствие этого условия для самых бедных семей, в большинстве из которых не было отцов, ухудшились с 1983 г. на 35%. В 2012 г. около 1,5 млн домохозяйств, в том числе 2,8 млн детей, жили в «крайней нищете» — менее чем на \$2 в день на человека. См.: Gabriel Thompson, “Could You Survive on \$2 a Day?”, *Mother Jones* (December 13, 2012). <http://www.motherjones.com/politics/2012/12/extreme-poverty-unemployment-recession-economy-fresno>.
139. “Reading Mercury” (May 11, 1795). <http://www1.umassd.edu/ir/resources/poorlaw/p1.doc>.
140. См.: Thomas Malthus, “An Essay on the Principle of Population” (1798). <http://www.esp.org/books/malthus/population/malthus.pdf>. (В сборнике: Мальтус Т. Р., Кейнс Дж. М., Ларин Ю. Антология экономической классики. — М.: Эконом: Ключ, 1993.)
141. Для простоты я называю Дэвида Рикардо экономистом, но в свое время он считался «политэкономом». Как объясняется в главе о ВВП, современная экономика — изобретение XX в.
142. “Report from His Majesty’s Commissioners for Inquiring into the Administration and Practical Operation of the Poor Laws” (1834), с. 257–61. <http://www.victorianweb.org/history/poor-law/endallow.html>.
143. Однако Поланьи придерживался иного взгляда на этот кажущийся провал. Он полагал, что спинхемлендская система привела к снижению оплаты труда, подорвав общественную деятельность рабочих.

144. Boyd Hilton, "A Mad, Bad & Dangerous People? England 1783–1846" (2006), с. 594.
145. Fred Block and Margaret Somers, "In the Shadow of Speenhamland: Social Policy and the Old Poor Law," *Politics & Society* (June 2003), с. 287.
146. Например, в Бангладеш в 1970 г. женщины рожали в среднем по семь детей, из которых четверть не доживала до пятилетнего возраста. Сегодня бенгальские женщины рожают по два ребенка, а детская смертность снизилась до 4%. Везде в мире, как только снижается бедность, падают показатели детской смертности, а рост численности населения замедляется.
147. Frances Coppola, "An Experiment With Basic Income", *Pieria* (January 12, 2014). http://www.pieria.co.uk/articles/an_experiment_with_basic_income. См. также: Walter I. Trattner, "From Poor Law to Welfare State. A History of Social Welfare in America" (1999), с. 48–9.
148. Hilton, "A Mad, Bad & Dangerous People?", с. 592.
149. Золотой стандарт — это денежная система, в которой стоимость денег привязана к фиксированному количеству золота. Возврат к довоенной стоимости фунта в 1819 г. привел к дефляции (фунт вырос в цене). Эта новость была хорошей для тех, у кого уже было много денег, но не для остальной Британии. Цены на пшеницу падали, фермерам становилось все труднее получить ссуду, выросла безработица. Сто лет спустя Кейнс осознал, что западные правительства повторяют ошибку Рикардо, продолжая придерживаться золотого стандарта после Великой депрессии. То же самое

ПРИМЕЧАНИЯ

- произошло в 2008-м, когда разразился финансовый кризис — Европа держалась за евро, который для южных стран подобен золотому стандарту (они не могли снизить стоимость собственной валюты, потеряли конкурентное преимущество и столкнулись с ростом безработицы). Совсем как в 1834 г., значительное количество политиков в 1930-х и 2010-х гг. приписывали последствия этой макроэкономической политики (бедность, безработицу и т. д.) так называемой лени рабочих и чрезмерной щедрости государства всеобщего благоденствия.
150. B. A. Holderness, “Prices, Productivity and Output”, *The Agrarian History of England and Wales*, vol. 6: 1750–1850, ed. G. E. Mingay (1989), с. 140.
151. Joseph Hanlon et al., “Just Give Money to the Poor” (2010), с. 17–18.
152. Block and Somers, “In the Shadow of Speenhamland”, с. 312.
153. Mark Blaug, “The Poor Law Report Reexamined”, *Journal of Economic History* (June 1964), с. 229–45. <http://journals.cambridge.org/action/displayAbstract?fromPage=online&aid=7548748>.
154. Hanlon et al., “Just Give Money to the Poor”, с. 16–17.
155. В тот же год историк Гертруда Химмельфарб опубликовала “The Idea of Poverty”, в которой она также проанализировала критику спинхемлендской системы Мальтусом, Бентамом и Токвилем.
156. Matt Bruenig, “When pundits blamed white people for a ‘culture of poverty’” *The Week* (April 1, 2014). <http://theweek.com/article/index/259055/when-pundits-blamed-white-people-for-a-culture-of-poverty>.

157. «Эти открытия шокируют меня, и я признаю, что мы, ученые, ошибались», — заявил Мойнихэн конгрессу. Одна из причин, по которой этот консервативный республиканец всегда верил в базовый доход, заключалась в том, что тот укрепляет институт брака. См.: R. A. Levine, “A Retrospective on the Negative Income Tax Experiments: Looking Back at the Most Innovative Field Studies in Social Policy”, USBIG Discussion Paper (June 2004). <http://www.usbig.net/papers/o86-Levine-et-al-NIT-session.doc>.
158. Цит. по: Steensland, “The Failed Welfare Revolution”, с. 216.
159. Barbara Ehrenreich, “Rediscovering Poverty: How We Cured ‘The Culture of Poverty,’ Not Poverty Itself”, *Economic Hardship Project* (March 15, 2012). http://www.tomdispatch.com/blog/175516/tomgram%3A_barbara_ehrenreich,_american_poverty,_50_years_later/.
160. Austin Stone, “Welfare: Moynihan’s Counsel of Despair”, *First Things* (March 1996). <http://www.firstthings.com/article/1996/03/001-welfare-moynihans-counsel-of-despair>.
161. Daniel Patrick Moynihan, “Speech on Welfare Reform” (September 16, 1995). <http://www.j-bradford-delong.net/politics/danielpatrickmoynihansspee.html>.
162. Кроме того, план Никсона, если бы его утвердили, было бы трудно отменить, так как он стремительно приобрел бы всеобщую поддержку. «Новые политические решения не порождают новой политики», — пишет Стинсленд, “The Failed Welfare Revolution”, с. 220.
163. Там же, с. 226.
164. Там же, с. х.

165. Большой метаанализ 93 европейских программ не обнаружил негативных влияний по меньшей мере половины из них. См.: Frans den Butter and Emil Mihaylov, “Activerend arbeidsmarktbeleid is vaak niet effectief”, ESB (April 2008). <http://personal.vu.nl/f.a.g.den.butter/activerendarbmarktbeleid2008.pdf>.
166. Stephen Kastoryano and Bas van der Klaauw, “Dynamic Evaluation of Job Search Assistance”, IZA Discussion Papers (June 15, 2011). <http://www.roa.nl/seminars/pdf2012/BasvanderKlaauw.pdf>.
167. Цинизм в том, что просителям зачастую даже не разрешают выполнять осмысленную работу в обмен на пособие, так как это приведет к сокращению количества рабочих мест.
168. Deborah Padfield, “Through the eyes of a benefits adviser: a plea for a basic income”, *Open Democracy* (October 5, 2011). <http://www.opendemocracy.net/ourkingdom/deborah-padfield/through-eyes-of-benefits-adviser-plea-for-basic-income>.
169. David Graeber, “On the Phenomenon of Bullshit Jobs”, *Strike! Magazine* (August 17, 2013). <http://www.strikemag.org/bullshit-job>.
170. Tim Webb, “Japan’s economy heads into freefall after earthquake and tsunami”, *The Guardian* (March 13, 2011). <http://www.theguardian.com/world/2011/mar/13/japan-economyrecession-earthquake-tsunami>.
171. Merijn Knibbe, “De bestedingsgevolgen van de watersnoodramp: een succesvolle ‘Keynesiaanse’ schok”, *Lux et Veritas* (April 1, 2013). <http://www.luxetveritas.nl/blog/?p=3006>.

172. Frédéric Bastiat, “Ce qu’on voit et ce qu’on ne voit pas” (1850). <http://bastiat.org/en/twisatwins.html>.
173. Цит. по: Diane Coyle, “GDP. A Brief But Affectionate History” (2014), с. 106.
174. OECD (2011), “Cooking and Caring, Building and Repairing: Unpaid Work around the World”, *Society at a Glance* (2011), с. 25. http://www.oecd-ilibrary.org/social-issues-migration-health/society-at-a-glance-2011/cooking-and-caring-building-and-repairing_soc_glance-2011-3-en. См. также: Coyle, GDP, с. 109.
175. Coyle, “GDP”, с. 108. (Койл Д. ВВП. Краткая история, рассказанная с пиететом. — М.: Издательский Дом ВШЭ, 2016.)
176. J. P. Smith, “‘Lost milk?’: Counting the economic value of breast milk in gross domestic product”, *Journal of Human Lactation* (November 2013). <http://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/23855027>.
177. Согласно Международному институту стратегических исследований, в 2013 г. Китай потратил на свои вооруженные силы \$112 млрд.
178. Статистики все же пытаются учитывать модификацию продуктов, но сделать это крайне сложно. Усовершенствования некоторых технических устройств, таких как лампы и компьютеры, отражаются в ВВП лишь частично. См.: Diane Coyle, “The Economics of Enough. How to Run the Economy as if the Future Matters” (2012), с. 37.
179. Robert Quigley, “The Cost of a Gigabyte Over the Years”, *Geeko-system* (March 8, 2011). <http://www.geekosystem.com/gigabyte-cost-over-years>.

180. Erik Brynjolfsson and Andrew McAfee, “The Second Machine Age” (2014), с. 112. (Бриньолфсон Э., Макафи Э. Вторая эра машин. — М.: Neoclassic, АСТ, 2017.)
181. Clifford Cobb, Ted Halstead, and Jonathan Rowe, “If the GDP is Up, Why is America Down?” *Atlantic Monthly* (October 1995). <http://www.theatlantic.com/past/politics/ecbig/gdp.htm>.
182. Jonathan Rowe, “The Gross Domestic Product”, Testimony before the U.S. Senate Committee on Commerce, Science and Transportation (March 12, 2008). <http://jonathanrowe.org/the-gross-domestic-product>.
183. Если бы это учитывалось в ВВП, доля финансового сектора снизилась бы на величину от одной пятой до половины. См.: Coyle, “GDP”, с. 103.
184. David Pilling, “Has GDP outgrown its use?” *The Financial Times* (July 4, 2014). <http://www.ft.com/intl/cms/s/2/dd2ec158-023d-11e4-ab5b-00144feab7de.html> — axzz39szhgwni.
185. Цит. по: European Systemic Risk Board, “Is Europe Overbanked?” (June 2014), с. 16.
186. Oscar Wilde, “The Soul of a Man Under Socialism” (1891). (Уайльд О. Собрание сочинений в 3 т. Т. 3. — М.: Терра, 2000.)
187. Цит. по: Coyle, “GDP”, с. 10.
188. Цит. по: J. Steven Landefeld, “GDP: One of the Great Inventions of the 20th Century”, Bureau of Economic Analysis. http://www.bea.gov/scb/account_articles/general/01000d/maintext.htm.
189. Maarten van Rossem, “Drie Oorlogen. Een kleine geschiedenis van de 20e eeuw” (2008), с. 120.

190. Цит. по: Landefeld, “GDP: One of the Great Inventions of the 20th Century”.
191. Timothy Shenk, “The Long Shadow of Mont Pèlerin”, *Dissent* (Fall 2013). <http://www.dissentmagazine.org/article/the-long-shadow-of-mont-pelerin>.
192. Цит. по: Jacob Goldstein, “The Invention of “The Economy””, *Planet Money* (February 28, 2014). <http://www.npr.org/blogs/money/2014/02/28/283477546/the-invention-of-the-economy>.
193. Coyle, “GDP”, с. 25.
194. Прослушать речь, в которой Кеннеди сказал это, можно здесь: <https://www.youtube.com/watch?v=5P6b9688K2g>.
195. John Stuart Mill, “Utilitarianism” (1863), гл. 2. (Милль Дж. Утилитаризм. — Ростов-на-Дону: Донской издательский дом, 2013.)
196. Oscar Wilde, “A Woman of No Importance” (1893), действие II. (Уайльд О. Женщина, не стоящая внимания. — М.: Астрель, 2010.)
197. См.: William Baumol, “The Cost Disease. Why Computers Get Cheaper and Health Care Doesn’t” (2012).
198. Попытки, конечно, предпринимаются. В области образования примерами являются стандартизированные исследования с выбором правильного варианта ответа, онлайн-лекции и более крупные классы. Но подобное повышение эффективности ведет к снижению качества.
199. Susan Steed and Helen Kersley, “A Bit Rich: Calculating the Real Value to Society of Different Professions”, *New Economics Foundation* (December 14, 2009). <http://www.neweconomics.org/publications/entry/a-bit-rich>.

200. Kevin Kelly, “The Post-Productive Economy”, *Technium* (January 1, 2013). <http://kk.org/thetechnium/2013/01/the-post-product>.
201. Simon Kuznets, “National Income, 1929–1932”, National Bureau of Economic Research (June 7, 1934). <http://www.nber.org/chapters/c2258.pdf>.
202. Coyle, “GDP”, с. 14.
203. Simon Kuznets, “How to Judge Quality”, *The New Republic* (October 20, 1962).
204. John Maynard Keynes, “Economic Possibilities for our Grandchildren” (1930), *Essays in Persuasion*. <http://www.econ.yale.edu/smith/econ116a/keynes1.pdf>.
205. John Stuart Mill, “Principles of Political Economy with Some of Their Applications to Social Philosophy” (1848), кн. IV, гл. VI. <http://www.econlib.org/library/Mill/mlP61.html>. (Милль Дж. Основы политической экономии с некоторыми приложениями к социальной философии. — М.: Эксмо, 2007.)
206. Цит. по очерку Бертрана Рассела «Хвала праздности» (“In Praise of Idleness”, 1932). <http://www.zpub.com/notes/idle.html>.
207. Benjamin Kline Hunnicutt, “The End of Shorter Hours”, *Labor History* (Summer 1984), с. 373–404.
208. Там же.
209. Samuel Crowther, “Henry Ford: Why I Favor Five Days’ Work With Six Days’ Pay”, *World’s Work*. https://en.wikisource.wiki/HENRY_FORD: Why_I_Favor_Five_Days’_Work_With_Six_Days’_Pay.
210. Andrew Simms and Molly Conisbee, “National Gardening Leave”, в: Anna Coote and Jane Franklin (eds), “Time on Our Side. Why We All Need a Shorter Workweek” (2013), с. 155.

211. “Nixon Defends 4-Day Week Claim”, *Milwaukee Sentinel* (September 25, 1956).
212. Jared Cohen, “Human Robots in Myth and Science” (1966).
213. Hillel Ruskin (ed.), “Leisure. Toward a Theory and Policy” (1984), с. 152.
214. Isaac Asimov, “Visit to the World’s Fair of 2014”, *The New York Times* (August 16, 1964). <http://www.nytimes.com/books/97/03/23/lifetimes/asi-v-fair.html>.
215. Цит. по: Daniel Akst, “What Can We Learn from Past Anxiety Over Automation?” *Wilson Quarterly* (Summer 2013). <http://wilsonquarterly.com/quarterly/summer-2014-where-have-all-the-jobs-gone/theres-much-learn-from-past-anxiety-over-automation/>.
216. Мультсериал «Джетсоны», сезон 1, серия 19.
217. Цит. по: Matt Novak, “50 Years of the Jetsons: Why the Show Still Matters”, *Smithsonian* (September 19, 2012). <http://www.smithsonianmag.com/history/50-years-of-the-jetsons-why-the-show-still-matters-43459669/>.
218. Sangheon Lee, Deirdre McCann, and Jon C. Messenger, “Working Time Around the World. Trends in Working Hours, Laws and Policies in a Global Comparative Perspective” (2007). http://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/@dgreports/@dcomm/@publ/documents/publication/wcms_104895.pdf.
219. Rasmussen Reports, “Just 31% Work a 40-Hour Week” (December 13, 2013). http://www.rasmussenreports.com/public_content/lifestyle/general_lifestyle/december_2013/just_31_work_a_40_hour_week.

220. The Wall Street Journal Staff, “Here Comes Tomorrow! Living and Working in the Year 2000” (1967).
221. Hanna Rosin, “The End of Men”, *The Atlantic* (July/August 2010). <http://www.theatlantic.com/magazine/archive/2010/07/the-end-of-men/308135/2/>.
222. New Economics Foundation, “21 Hours. Why a Shorter Working Week Can Help Us All to Flourish in the 21st Century”, с. 10. <http://www.neweconomics.org/publications/entry/21-hours>.
223. Цит. по: Mirjam Schöttelndreier, “Nederlanders leven vooral om te werken”, *De Volkskrant* (January 29, 2001).
224. D’Vera Cohn, “Do Parents Spend Enough Time With Their Children?” *Population Reference Bureau* (January 2007). <http://www.prb.org/Publications/Articles/2007/DoParentsSpendEnoughTimeWithTheirCDoParen.aspx>.
225. Rebecca Rosen, “America’s Workers: Stressed Out, Overwhelmed, Totally Exhausted”, *The Atlantic* (March 2014). <http://www.theatlantic.com/business/archive/2014/03/americas-workers-stressed-out-overwhelmed-totallyexhausted/284615/>.
226. Институт социальных исследований Нидерландов (Netherlands Institute for Social Research), “Nederland in een dag. Tijdsbesteding in Nederland vergeleken met die in vijftien andere Europese landen” (2011).
227. Голландское национальное исследование условий труда 2012 г. (Nationale Enquête Arbeidsomstandigheden). http://www.monitorarbeid.tno.nl/dynamics/modules/SFIL0100/view.php?fil_Id=53.

228. Derek Thompson, “Are We Truly Overworked? An Investigation — In 6 Charts”, *The Atlantic* (June 2013). <http://www.theatlantic.com/magazine/archive/2013/06/are-we-truly-overworked/309321/>.
229. Yoon Ja-young, “Smartphones leading to 11 hours’ extra work a week”, *Korea Times*. http://www.koreatimes.co.kr/www/news/biz/2016/06/488_207632.html.
230. Эти подсчеты были проведены с помощью сайта <http://www.gapminder.org>.
231. Цит. по: Herman Pleij, Dromen van Cocagne. “Middelleeuwse fantasieën over het volmaakte leven” (1997), с. 49.
232. Juliet Schor, “The Overworked American. The Unexpected Decline of Leisure” (1992), с. 47. Стоит отметить, что охотники и собиратели трудились, вероятно, еще меньше. По оценкам археологов, их рабочая неделя составляла не более 20 часов.
233. Benjamin Kline Hunnicutt, “Kellogg’s Six-Hour Day” (1996), с. 35.
234. В своей классической работе «Богатство народов» Адам Смит писал: «Человек, который работает не спеша и потому способен работать постоянно, не только дольше сохранит свое здоровье, но в течение года выполнит большее количество работы». (Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. — М.: Эксмо, 2017.)
235. Benjamin Kline Hunnicutt, “Kellogg’s Six-Hour Day” (1996), с. 62.
236. Восьмичасовой рабочий день вновь ненадолго ввели на заводах Kellogg в ходе Второй мировой войны, но после ее окончания подавляющее большинство работников

проголосовало за возобновление шестичасового рабочего дня; только тогда, когда управляющим фабрики по производству кукурузных хлопьев Kellogg было позволено самим устанавливать количество рабочих часов, они один за другим вновь вернули восьмичасовые смены. Но, согласно профессору Бенджамину Клайну Ганникатту из Университета Айовы, в итоге именно стремление работать и потреблять в том же режиме, что и окружающие, нанесло удар по шестичасовому рабочему дню. Тем не менее последние 530 рабочих отказались от своих шестичасовых смен только в 1985 г.

237. New Economics Foundation, “21 Hours”, с. 11.
238. Недавний анализ экспериментов с независимой работой с начала XX в. позволил заключить, что автономность и управление значат куда больше количества рабочих часов в неделе. Люди, организующие свое время сами, более мотивированны и достигают лучших результатов. См.: M. Travis Maynard, Lucy L. Gilson, and John E. Mathieu, “Empowerment — Fad or Fab? A Multilevel Review of the Past Two Decades of Research”, *Journal of Management* (July 2012). <http://jom.sagepub.com/content/38/4/1231>.
239. Sara Robinson, “Bring back the 40-Hour work week”, *Salon* (March 14, 2012). http://www.salon.com/2012/03/14/bring_back_the_40_hour_work_week.
240. См. обзор в Nicholas Ashford and Giorgos Kallis, “A Four-day Workweek: A Policy for Improving Employment and Environmental Conditions in Europe”, *European Financial Review* (April 2013). <http://www.europeanfinancialreview.com/?p=902>.

241. Christian Kroll and Sebastian Pokutta, “Just a Perfect Day? Developing a Happiness Optimised Day Schedule”, *Journal of Economic Psychology* (February 2013). <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0167487012001158>.
242. David Rosnick, “Reduced Work Hours as a Means of Slowing Climate Change” (Center for Economic and Policy Research). <http://www.cepr.net/documents/publications/climate-change-workshare-2013-02.pdf>.
243. Kyle Knight, Eugene A. Rosa, and Juliet B. Schor, “Reducing Growth to Achieve Environmental Sustainability: The Role of Work Hours”. http://www.peri.umass.edu/fileadmin/pdf/working_papers/working_papers_301-350/.
244. Исследование показало, что интерны совершают в пять раз больше диагностических ошибок, работая сверх нормы. Christopher P. Landrigan et al., “Effect of Reducing Interns’ Work Hours on Serious Medical Errors in Intensive Care Units”, *New England Journal of Medicine* (October 2004). <http://www.nejm.org/doi/full/10.1056/nejmoa041406>. Существуют горы исследований, удостоверяющих, что слишком много работать вредно для здоровья. См. метаанализ: Kate Sparks et al., “The Effects of Hours of Work on Health: A Meta-Analytic Review”, *Journal of Occupational and Organizational Psychology* (August 2011). <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/j.2044-8325.1997.tb00656.x/abstract>.
245. Jon C. Messenger and Naj Ghosheh, “Work Sharing during the Great Recession” (International Labour Organization). http://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/---publ/documents/publication/wcms_187627.pdf.

246. В Германии, вышедшей из кризиса более сильной, чем другие европейские страны, это спасло сотни тысяч рабочих мест. См. также: Nicholas Ashford and Giorgos Kallis, “A Four-day Workweek”. <http://www.europeanfinancialreview.com/?p=902>.
247. Andreas Kotsadam and Henning Finseraas, “The State Intervenes in the Battle of the Sexes: Causal Effects of Paternity Leave”, *Social Science Research* (November 2011). <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0049089X11001153>.
248. Ankita Patnaik, “Merging Spheres: The Role of Policy in Promoting Dual-Earner Dual-Carer Households”, Population Association of America 2014 Annual Meeting. https://www.researchgate.net/publication/255698124_Merging_Separate_Spheres_The_Role_of_Policy_in_Promoting_Dual-Earner_Dual-Carer_Households.
249. Rutger Bregman, “Zo krijg je mannen achter het aanrecht”, *De Correspondent*. <https://decorrespondent.nl/685/Zo-krijg-je-mannen-achter-het-aanrecht/26334825-a492b4c6>.
250. Niels Ebdrup, “We Should Only Work 25 Hours a Week, Argues Professor”, *Science Nordic* (February 3, 2013). <http://sciencenordic.com/we-should-only-work-25-hours-weekargues-professor>.
251. Erik Rauch, “Productivity and the Workweek”. <http://groups.csail.mit.edu/mac/users/rauch/worktime>.
252. Обзор отношения в разных странах см.: Robert Skidelsky and Edward Skidelsky, “How Much Is Enough? The Love of Money and the Case for the Good Life” (2012), с. 29–30.
253. Обзор см.: Jonathan Gershuny and Kimberly Fisher, “Post-Industrial Society: Why Work Time Will Not Disappear for Our Grandchildren”, *Sociology Working Papers* (April 2014). <http://>

- www.sociology.ox.ac.uk/working-papers/post-industrious-society-why-work-time-will-not-disappear-for-our-grandchildren.html.
254. Richard Layard, “Happiness” (2005), с. 64. См. также: Don Peck, “How a New Jobless Era Will Transform America”, *The Atlantic* (March 2010). <http://www.theatlantic.com/magazine/archive/2010/03/how-a-new-jobless-era-will-transform-america/307919/>.
255. Juliet Schor, “The Triple Dividend”, в: Anna Coote and Jane Franklin (eds), “Time on Our Side. Why We All Need a Shorter Workweek” (2013), с. 14.
256. Carl Honoré, “In Praise of Slow” (2004), гл. 8.
257. Schor, “The Overworked American”, с. 66.
258. Подумайте о стоимости обучения, пенсионных программ, страхования безработицы и издержках на здравоохранение (особенно в США). Во многих странах в последние годы эти не зависящие от количества отработанных часов издержки выросли. См. Schor, “The Triple Dividend”, с. 9.
259. Nielsen Company, “Americans Watching More TV Than Ever”. <http://www.nielsen.com/us/en/insights/news/2009/americans-watching-more-tv-than-ever.html>. См. также: <http://www.statisticbrain.com/television-watching-statistics>.
260. Bertrand Russell, “In Praise of Idleness” (1935, 2004), с. 14.
261. Это описание забастовки есть в современных публикациях *The New York Times*.
262. “Fragrant Days in Fun City”, *Time* (2/16/1968).
263. Хотя официально в 2014 г. в Вашингтоне был зарегистрирован лишь 12 281 лоббист, это вводит в заблуждение,

- поскольку все большая доля лоббистов работает подпольно. Lee Fang, “Where Have All the Lobbyists Gone?” *Nation* (February 19, 2014). <http://www.thenation.com/article/shadow-lobbying-complex/>.
264. Jean-Louis Arcand, Enrico Berkes, and Ugo Panizza, “Too Much Finance?” *IMF Working Paper* (June 2012).
265. Scott L. Cummings (ed.), “The Paradox of Professionalism. Lawyers and the Possibility of Justice” (2011), с. 71.
266. Aalt Dijkhuizen, “Hoogproductieve en efficiënte landbouw: een duurzame greep!?” (March 2013). https://www.wageningenur.nl/upload_mm/a/3/9/351079e2-0a56-41ff-8f9c-ece427a42d97_NVTL_maart_2013.pdf.
267. Umair Haque, “The Irish Banking Crisis: A Parable”, *Harvard Business Review* (November 29, 2010).
268. Ann Crotty, “How Irish pubs filled the banks’ role in 1970”, *Business Report* (September 18, 2013).
269. Antoin Murphy, “Money in an Economy Without Banks — The Case of Ireland”, *Manchester School* (March 1978), с. 44–45.
270. Donal Buckley, “How six-month bank strike rocked the nation”, *The Independent* (December 29, 1999).
271. Haque, “The Irish Banking Crisis: A Parable”.
272. Roger Bootle, “Why the economy needs to stress creation over distribution”, *The Telegraph* (October 17, 2009).
273. John Maynard Keynes, “Economic Possibilities for our Grandchildren” (1930), *Essays in Persuasion*. <http://www.econ.yale.edu/smith/econ116a/keynes1.pdf>.
274. David Graeber, “On the Phenomenon of Bullshit Jobs”, *Strike! Magazine* (August 17, 2013). <http://www.strikemag.org/bullshit-job>.

275. Alfred Kleinknecht, Ro Naastepad, and Servaas Storm, “Overdaad schaadt: meer management, minder productiviteitsgroei”, *ESB* (September 8, 2006).
276. См.: Tony Schwartz and Christine Poratz, “Why You Hate Work”, *The New York Times* (May 30, 2014). http://www.nytimes.com/2014/06/01/opinion/sunday/why-you-hate-work.html?_r=1.
277. Will Dahlgreen, “37% of British workers think their jobs are meaningless”, YouGov (August 12, 2015). <https://yougov.co.uk/news/2015/08/12/british-jobs-meaningless>.
278. Как мы видели в главе 4, большой метаанализ 93 европейских программ «активного рынка труда» не обнаружил никакого влияния или выявил негативное влияние по меньшей мере в половине случаев. См.: Frans den Butter and Emil Mihaylov, “Activerend arbeidsmarktbeleid is vaak niet effectief”, *ESB* (April 2008). <http://personal.vu.nl/f.a.g.den.butter/activerendarbmarktbeleid2008.pdf>.
279. Peter Thiel, “What happened to the future?” *Founders Fund*. <http://www.foundersfund.com/the-future>.
280. William Baumol, “Entrepreneurship: Productive, Unproductive, and Destructive”, *Journal of Political Economy* (1990), с. 893–920.
281. Sam Ro, “Stock Market Investors Have Become Absurdly Impatient”, *Business Insider* (August 7, 2012). <http://www.businessinsider.com/stock-investor-holding-period-2012-8>.
282. Benjamin Lockwood, Charles Nathanson, and E. Glen Weyl, “Taxation and the Allocation of Talent”. http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1324424.

283. Stijn Hustinx, “Iedereen in New York wil vuilnisman worden”, *Algemeen Dagblad* (November 12, 2014).
284. Породы лошадей согласно сельскохозяйственной переписи: “A Vision of Britain through Time”, http://www.visionofbritain.org.uk/unit/10001043/cube/AGCEN_HORSES_1900.
285. Цит. по: Erik Brynjolfsson and Andrew McAfee, “The Second Machine Age” (2014), с. 175.
286. Цит. по: “Leeds Mercury” (13 марта 1830 г.).
287. Michael Greenstone and Adam Looney, “Trends”, *Milken Institute Review* (Fall 2011). http://www.milkeninstitute.org/publications/review/2011_7/08-16MR51.pdf.
288. Gordon Moore, “Cramming more components onto integrated circuits”, *Electronics Magazine* (April 19, 1965). http://web.eng.fiu.edu/npala/eee6397ex/Gordon_Moore_1965_Article.pdf.
289. Intel, “Excerpts from a Conversation with Gordon Moore: Moore’s Law” (2005). http://large.stanford.edu/courses/2012/ph250/lee1/docs/Excepts_A_Conversation_with_Gordon_Moore.pdf.
290. В 1965 г. Мур все еще предполагал, что количество транзисторов будет удваиваться каждые 12 месяцев. В 1970-м он изменил свое мнение в пользу 24 месяцев. Сегодня считается, что этот срок составляет 18 месяцев.
291. Arthur Donovan and Joseph Bonner, “The Box That Changed the World: Fifty Years of Container Shipping” (2006).
292. На размышления об одновременном возникновении чипа и ящика меня навела статья в *The Atlantic*. Конечно, глобализацию невозможно отделить от технологического развития, поскольку последнее и делает

- глобализацию возможной. См.: Charles Davi, “The Mystery of the Incredible Shrinking American Worker”, *The Atlantic* (February 11, 2013). <http://www.theatlantic.com/business/archive/2013/02/the-mystery-of-theincredible-shrinking-american-worker/273033/>.
293. По оценкам Организации экономического сотрудничества и развития, технологии (главным образом информационно-коммуникационные) ответственны за 80% снижения доли заработной платы в ВВП. Эта тенденция также очевидна в таких странах, как Китай и Индия, где доля труда снизилась подобным образом. См. также: Loukas Karabarbounis and Brent Neiman, “The Global Decline of the Labor Share”, *Quarterly Journal of Economics* (February 2014). <http://qje.oxfordjournals.org/content/129/1/61.abstract>.
294. Robert H. Frank and Philip J. Cook, “The Winner-Take-All Society: Why the Few at the Top Get So Much More Than the Rest of Us” (1996).
295. Walter Scheidel and Steven J. Friesen, “The Size of the Economy and the Distribution of Income in the Roman Empire”, *Journal of Roman Studies* (November 2009). <http://journals.cambridge.org/action/displayAbstract?fromPage=online&aid=7246320&fileId=S0075435800000071>.
296. Kaja Bonesmo Fredriksen, “Income Inequality in the European Union”, OECD Working Papers (April 16, 2012). [http://search.oecd.org/officialdocuments/displaydocumentpdf/?cote=eco/wkp\(2012\)29&ddocLanguag=En](http://search.oecd.org/officialdocuments/displaydocumentpdf/?cote=eco/wkp(2012)29&ddocLanguag=En).
297. Derek Thompson, “This Is What the Post-Employee Economy Looks Like”, *The Atlantic* (April 20, 2011). <http://www>.

theatlantic.com/business/archive/2011/04/this-is-what-the-post-employeeconomy-looks-like/237589/.

298. Возьмем врачей-рентгенологов: они учатся более десяти лет и зарабатывают больше других медиков, но надолго ли? Возможно, скоро им придется конкурировать с высокотехнологичными сканерами, способными делать ту же работу лучше и в сто раз дешевле. Юристы уже столкнулись с подобной проблемой. Исследование, для которого когда-то требовалось, чтобы хорошо оплачиваемый знаток юриспруденции перерыл груды юридических документов, теперь способен выполнить компьютер, у которого не могут устать глаза и заболеть голова. Одна химическая компания, недавно начавшая использовать программное обеспечение для работы, которую выполняли ее юристы в 1980-х и 1990-х гг., обнаружила, что те трудились с точностью всего 60%. «Подумать только, сколько денег было потрачено, чтобы лишь слегка превзойти игроков в орлянку», — рассуждал один из бывших юристов. См.: John Markoff, “Armies of Expensive Lawyers, Replaced by Cheaper Software”, *The New York Times* (March 4, 2011). <http://www.nytimes.com/2011/03/05/science/05legal.html>.
299. Первым это сказал Уоррен Беннис. Цит. по: Mark Fisher, “The Millionaire’s Book of Quotations” (1991), с. 15.
300. Carl Benedikt Frey and Michael A. Osborne, “The Future of Employment: How Susceptible Are Jobs to Computerisation?” Oxford Martin School (September 17, 2013). http://www.oxfordmartin.ox.ac.uk/downloads/academic/The_Future_of_Employment.pdf. Вычисления для Европы см. в: <http://www>.

- bruegel.org/nc/blog/detail/article/1399-chart-of-the-week-54-percent-of-eu-jobs-atrisk-of-computerisation.
301. Gary Marcus, “Why We Should Think About the Threat of Artificial Intelligence”, *The New Yorker* (October 24, 2013). <http://www.newyorker.com/online/blogs/elements/2013/10/why-we-should-think-about-the-threat-of-artificial-intelligence.html>.
  302. Susan B. Carter, “Labor Force for Historical Statistics of the United States, Millennial Edition” (September 2003). <http://economics.ucr.edu/papers/papers04/04-03.pdf>.
  303. Yale Brozen, “Automation: The Retreating Catastrophe”, *Left & Right* (September 1966). <https://mises.org/library/automation-retreating-catastrophe>.
  304. David Rotman, “How Technology Is Destroying Jobs”, *MIT Technology Review* (June 12, 2013). <http://www.technologyreview.com/featuredstory/515926/how-technology-is-destroying-jobs>.
  305. Цит. по: Brynjolfsson and McAfee, “The Second Machine Age”, с. 27.
  306. Ian Morris, “Why the West Rules — For Now” (2010), с. 495.
  307. Там же, с. 497.
  308. Diane Coyle, “GDP. A Brief But Affectionate History” (2014), с. 79.
  309. Frank Levy and Richard Murnane, “The New Division of Labor” (2004).
  310. Есть указания на то, что даже высококвалифицированным работникам сложнее найти работу с 2000 г., из-за чего они вынуждены браться за более простую деятельность. Люди все чаще выполняют работу, для которой их квалификация избыточна. См.: Paul Beaudry, David A. Green, and Ben

- Sand, “The Great Reversal in the Demand for Skill and Cognitive Tasks”, National Bureau of Economic Research (January 2013). http://www.economics.ubc.ca/files/2013/05/pdf_paper_paul-beaudry-great-reversal.pdf.
311. Bas ter Weel, “Banen in het midden onder druk”, CPB Netherlands Bureau for Economic Policy Analysis Policy Brief (June 2012). <http://www.cpb.nl/sites/default/files/publicaties/download/cpb-policy-brief-2012-06-loonongelijkheid-nederland-stijgt.pdf>.
312. Возможно, глобализация даже затормозила технологический прогресс. В конце концов, наша одежда сегодня производится не стальными роботизированными руками и не разумными киборгами, а нежными ручками вьетнамских и китайских детей. Для многих компаний передача работы на внешний подряд в Азию по-прежнему выгоднее использования роботов. Возможно, поэтому же мы до сих пор не дождались воплощения больших технологических мечтаний XX в. См.: David Graeber, “Of Flying Cars and the Declining Rate of Profit”, *The Baffler* (2012).
313. Andrew McAfee, “Even Sweatshops Are Getting Automated. So What’s Left?” (May 22, 2014). <http://andrewmcafee.org/2014/05/mcafee-nike-automation-labor-technology-globalization/>.
314. Steven E. Jones, “Against Technology. From the Luddites to Neo-Luddism” (2006), гл. 2.
315. “Leeds Woollen Workers Petition, 1786”, Modern History Sourcebook. <http://www.fordham.edu/halsall/mod/1786ma-chines.asp>.

316. Цит. по: Robert Skidelsky, “Death to Machines?” *Project Syndicate* (February 21, 2014). [http://www.project-syndicate.org/commentary/robert-skidelsky-revisits-the-luddites — claim-that-automation-depresses-real-wages](http://www.project-syndicate.org/commentary/robert-skidelsky-revisits-the-luddites—claim-that-automation-depresses-real-wages).
317. Оскар Уайльд, «Душа человека при социализме» (1891).
318. Tyler Cowen, “Average Is Over. Powering America Beyond the Age of the Great Stagnation” (2013), с. 23.
319. Там же, с. 172.
320. Цит. по: Daron Acemoglu and James A. Robinson, “Why Nations Fail. The Origins of Power, Prosperity and Poverty” (2012), с. 226.
321. Оскар Уайльд, «Душа человека при социализме» (1891).
322. Thomas Piketty, “Save capitalism from the capitalists by taxing wealth”, *Financial Times* (March 28, 2014). <http://www.ft.com/intl/cms/s/0/decdd76e-b50e-11e3-a746-00144feabdco.htmlax-zz44qTtjZN>.
323. OECD, “Aid to developing countries rebounds in 2013 to reach an all-time high” (April 8, 2014). <http://www.oecd.org/newsroom/aid-to-developing-countries-rebounds-in-2013-to-reach-an-all-time-high.htm>.
324. Owen Barder, “Is Aid a Waste of Money?” *Center for Global Development* (May 12, 2013). <http://www.cgdev.org/blog/aid-waste-money>.
325. Linda J. Bilmes, “The Financial Legacy of Iraq and Afghanistan: How Wartime Spending Decisions Will Constrain Future National Security Budgets”, Faculty Research Working Paper Series (March 2013). <https://research.hks.harvard.edu/publications/getFile.aspx? Id=923>. (См. также гл. 2.)

ПРИМЕЧАНИЯ

326. Я произвел эти подсчеты в 2009 г. См.: OECD, “Agricultural Policies in OECD Countries” (2009). <http://www.oecd.org/tad/agricultural-policies/43239979.pdf>.
327. Dambisa Moyo, “Dead Aid” (2009), с. 39.
328. Посмотреть выступление Дюфло можно здесь: http://www.ted.com/talks/esther_-duflo_social_experiments_to_fight_poverty.
329. В Книге пророка Даниила «рандомизации» мы не видим. Современные исследования обычно также являются «двойными слепыми», то есть ни врач, ни пациенты не знают, кто какое лекарство получает.
330. Alfredo Morabia, “Pierre-Charles-Alexandre Louis and the evaluation of bloodletting”, *Journal of the Royal Society of Medicine* (March 2006). <http://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC1383766/pdf/0158.pdf>.
331. Jessica Benko, “The Hyper-Efficient, Highly Scientific Scheme to Help the World’s Poor”, *Wired* (December 11, 2013). <http://www.wired.com/2013/11/jpal-randomized-trials/>.
332. Paul Glewwe, Michael Kremer, and Sylvie Moulin, “Textbooks and Test Scores: Evidence from a Prospective Evaluation in Kenya” (December 1, 1998). http://www.econ.yale.edu/~eg-center/infoconf/kremer_paper.pdf.
333. Цит. по: Ian Parker, “The Poverty Lab”, *The New Yorker* (May 17, 2010). http://www.newyorker.com/reporting/2010/05/17/100517fa_fact_parker.
334. Jessica Cohen and Pascaline Dupas, “Free Distribution or Cost-Sharing? Evidence from a Malaria Prevention Experiment”, NBER Working Paper Series (October 2008). <http://www.nber.org/papers/w14406.pdf>.

335. См.: Abhijit Banerjee, Esther Duflo, Rachel Glennerster, and Cynthia Kinnan, “The miracle of microfinance? Evidence from a randomized evaluation” (May 30, 2009). <http://economics.mit.edu/files/4162>.

Джеффри Саксу тоже досталось от Дюфло. Несколько лет назад Сакс попросил Дюфло оценить его проект «Деревни нового тысячелетия», в котором 13 регионов Африки к югу от Сахары стали испытательным полигоном для его идей. Дюфло сказала, что проводить тщательное РКИ уже поздно, и больше вестей от Сакса не получала. Затем, в 2013 г., Нина Манк, журналист, которая посвятила несколько лет исследованию «деревень нового тысячелетия», опубликовала книгу, получившую широкую известность. Ее вердикт? Результаты этого дорогостоящего проекта оказались весьма скромны.

336. Christopher Blattman and Paul Niehaus, “Show Them the Money: Why Giving Cash Helps Alleviate Poverty”, *Foreign Affairs* (May/June 2014). <https://www.foreignaffairs.com/articles/show-them-money>.
337. Цит. по: Parker, “The Poverty Lab”.
338. Angel Gurría, “The global dodgers”, *The Guardian* (November 27, 2008). <http://www.theguardian.com/commentisfree/2008/nov/27/comment-aid-development-tax-havens>.
339. Michael Clemens, “Economics and Emigration: Trillion-Dollar Bills on the Sidewalk?” Center for Global Development, с. 85. http://www.cgdev.org/sites/default/files/1425376_file_Clemens_Economics_and_Emigration_FINAL.pdf.
340. Там же.

341. John Kennan, “Open Borders”, National Bureau of Economic Research. <http://www.nber.org/papers/w18307.pdf>.
342. World Trade Organisation, “Tariff Download Facility”. <http://tariffdata.wto.org/Default.aspx?culture=en-us>.
343. Kym Anderson and Will Martin, “Agricultural Trade Reform and the Doha Development Agenda”, World Bank (May 2005). <http://elibrary.worldbank.org/doi/abs/10.1596/1813-9450-3607>.
344. Francesco Caselli and James Feyrer, “The Marginal Product of Capital”, IMF. <http://personal.lse.ac.uk/casellif/papers/MPK.pdf>. См. также: Lant Pritchett, “The Cliff at the Border”, в: Ravi Kanbur and Michael Spence, “Equity and Growth in a Globalizing World” (2010), с. 263. [http://www.hks.harvard.edu/fs/lpritch/Labor Mobility — docs/cliff at the borders_submitted.pdf](http://www.hks.harvard.edu/fs/lpritch/Labor%20Mobility%20—%20docs/cliff%20at%20the%20borders_submitted.pdf).
345. Первоначальную версию истории о Джоне см.: Michael Huemer, “Citizenism and open borders”. <http://openborders.info/blog/citizenism-and-open-borders>.
346. Branko Milanovic, “Global Income Inequality by the Numbers: in History and Now”, World Bank Policy Research Working Paper. <http://heymancenter.org/files/events/milanovic.pdf>.
347. Richard Kersley, “Global Wealth Reaches New All-Time High”, Credit Suisse. <https://publications.credit-suisse.com/tasks/render/file/?fileID=F2425415-DCA7-80B8-EAD989AF9341D47E>.
348. United Nations Sustainable Development Knowledge Platform, “A New Global Partnership: Eradicate Poverty and Transform Economies Through Sustainable Development” (2013), с. 4. http://www.un.org/sg/management/pdf/HLP_P2015_Report.pdf.

349. Я выполнил эти подсчеты с помощью инструмента на сайте www.givingwhatwecan.org, на котором можно сравнить свое благосостояние с доходами мирового населения.
350. Branko Milanovic, “Global income inequality: the past two centuries and implications for the next century” (Autumn, 2011). <http://www.cnpds.it/documenti/milanovic.pdf>.
351. “Just 8 men own same wealth as half world”, Oxfam (January 16, 2017). <https://www.oxfam.org.uk/en/pressroom/press-releases/2017-01-16/just-8-men-own-same-wealth-halfworld>.
352. Nicholas Hobbes, “Essential Militaria. Facts, Legends, and Curiosities About Warfare Through the Ages” (2004).
353. Milanovic, “Global Income Inequality by the Numbers”.
354. В 2015 г. черта бедности для домохозяйств, состоящих из одного человека, в США составляла около \$980 в месяц. Черта бедности, установленная Всемирным банком, — чуть больше \$57 в месяц; таким образом, черта бедности для США оказывается в 16 раз выше черты крайней бедности.
355. Michael A. Clemens, Claudio E. Montenegro, and Lant Pritchett, “The Place Premium: Wage Differences for Identical Workers Across the US Border”, Harvard Kennedy School (January 2009). [https://dash.harvard.edu/bitstream/handle/1/4412631/Clemens Place Premium. pdf?sequence=1](https://dash.harvard.edu/bitstream/handle/1/4412631/Clemens%20Place%20Premium.pdf?sequence=1).
356. Подавляющее большинство «богатых» людей из бедных стран на самом деле не живут в родной стране. Четверо из пяти гаитян, зарабатывающих более \$10 в день и учтенных гаитянской статистикой, на самом деле живут в США. Переселение — самый простой способ избавиться от бедности. Выигрывают даже те, кто остается: в 2012 г. иммигранты

- перевели \$400 млрд в страны своего происхождения: это примерно вчетверо больше всей иностранной помощи, вместе взятой.
357. Alex Nowrasteh, “Terrorism and Immigration: A Risk Analysis”, *Policy Analysis Cato Institute*. <https://www.cato.org/publications/policy-analysis/terrorism-immigration-risk-analysis>.
358. Nicola Jones, “Study indicates immigration not to blame for terrorism”. http://www2.warwick.ac.uk/newsandevents/pressreleases/study_indicates_immigration/.
359. Walter Ewing, Daniel E. Martínez and Rubén G. Rumbaut, “The Criminalization of Immigration in the United States”, *American Immigration Council Special Report* (July 2015). <https://www.americanimmigrationcouncil.org/research/criminalization-immigration-united-states>.
360. Brian Bell, Stephen Machin, and Francesco Fasani, “Crime and Immigration: Evidence from Large Immigrant Waves”, *CEP Discussion Paper No 984*. <http://eprints.lse.ac.uk/28732/1/dp0984.pdf>.
361. F.M.H.M. Driessen, F. Duursma and J. Broekhuizen, “De ontwikkeling van de criminaliteit van Rotterdamse autochtone en allochtone jongeren van 12 tot 18 jaar”, *Politie & Wetenschap* (2014). <https://www.piresearch.nl/files/1683/driessen+e.a.+2014+de+ontwikkeling+van+de+criminaliteit+van.pdf>.
362. Godfried Engbersen, Jaco Dagevos, Roel Jennissen, Linda Bakker and Arjen Leerkes, “Geen tijd verliezen: van opvang naar integratie van asielmigranten”, *WRR Policy Brief* (December 2015). <http://www.wrr.nl/publicaties/publicatie/article/>

- geen-tijdverliezen-van-opvang-naar-integratie-van-asielmi-granten-4/.
363. Michael Jonas, “The downside of diversity”, *The Boston Globe* (August 15, 2007). http://archive.boston.com/news/globe/ideas/articles/2007/08/05/the_downside_of_diversity/.
364. Tom van der Meer and Jochem Tolsma, “Ethnic Diversity and Its Effects on Social Cohesion”, *Annual Review of Sociology* (July, 2014). <http://www.annualreviews.org/doi/abs/10.1146/annurev-soc-071913-043309>.
365. Maria Abascal and Delia Baldassarri, “Don’t Blame Diversity for Distrust”, *The New York Times* (May 20, 2016). http://www.nytimes.com/2016/05/22/opinion/sunday/dont-blame-diversity-for-distrust.html?_r=1.
366. Иммигранты зачастую выполняют работу, заниматься которой местные считают ниже своего достоинства. В связи со старением населения вскоре появятся бесчисленные рабочие места, заполнить которые жителям Страны изобилия будет непросто. Так зачем превращать наших производителей предпринимателей, инженеров и ученых в сиделок, уборщиков и сборщиков помидоров, если мы можем прибегнуть к помощи иностранных рабочих? Любые возможные смещения будут лишь временными и локальными. Более того, иммигранты по большей части занимают рабочие места, которые до этого были заняты другими иммигрантами.
367. George Borjas, “Immigration and the American Worker. A Review of the Academic Literature”, Center for Immigration Studies (April 2013). <http://cis.org/sites/cis.org/files/borjas-economics.pdf>.

368. Heidi Shierholz, “Immigration and Wages: Methodological advancements confirm modest gains for native workers”, Economic Policy Institute (February 4, 2010). http://epi.3cdn.net/7de74eeocd834d87d4_a3m6ba9jo.pdf. См. также: Gianmarco I. P. Ottaviano and Giovanni Peri, “Rethinking the Effect of Immigration on Wages”. <http://www.nber.org/papers/w12497>.
369. Frederic Docquier, Caglar Ozden, and Giovanni Peri, “The Wage Effects of Immigration and Emigration”, OECD (December 20, 2010). <http://www.oecd.org/els/47326474.pdf>.
370. Tyler Cowen, “Average Is Over. Powering America Beyond the Age of the Great Stagnation” (2013), с. 169.
371. Corrado Giuliatti, Martin Guzi, Martin Kahanec, and Klaus F. Zimmermann, “Unemployment Benefits and Immigration: Evidence from the EU”, Institute for the Study of Labor (October 2011). <http://ftp.iza.org/dp6075.pdf>. По США см.: Leighton Ku and Brian Bruen, “The Use of Public Assistance Benefits by Citizens and Non-Citizen Immigrants in the United States”, Cato Institute (February 19, 2013). http://object.cato.org/sites/cato.org/files/pubs/pdf/workingpaper-13_1.pdf.
372. OECD, “International Migration Outlook”, с. 147. http://www.globalmigrationgroup.org/sites/default/files/Liebig_and_Mo_2013.pdf.
373. Mathias Czaika and Hein de Haas, “The Effect of Visa Policies on International Migration Dynamics”, DEMIG project paper (April 2014). <http://www.imi.ox.ac.uk/publications/wp-89-14>.
374. Doug Massey, “Understanding America’s Immigration ‘Crisis’”, Proceedings of the American Philosophical Society (September

- 2007). <https://www.amphilsoc.org/sites/default/files/proceedings/1510304.pdf>.
375. Gallup, “700 Million Worldwide Desire to Migrate Permanently”. <http://www.gallup.com/poll/124028/700-million-worldwidedesiremigrate-permanently.aspx>.
376. Dick Wittenberg, “De terugkeer van de Muur”, *De Correspondent*. <https://decorrespondent.nl/40/de-terugkeer-van-de-muur/1537800098648e4>.
377. Dylan Matthews, “Americans already think a third of the budget goes to foreign aid. What if it did?” *The Washington Post* (November 8, 2013). <https://www.washingtonpost.com/news/wonk/wp/2013/11/08/americans-already-think-a-third-of-the-budget-goes-to-foreign-aid-what-if-it-did/>.
378. Terrie L. Walmsley, L. Alan Winters, S. Amer Ahmed, and Christopher R. Parsons, “Measuring the Impact of the Movement of Labour Using a Model of Bilateral Migration Flows”, World Bank. <https://www.gtap.agecon.purdue.edu/resources/download/2398.pdf>.
379. Joseph Carens, “Aliens and Citizens: The Case for Open Borders”, *Review of Politics* (Spring 1987). [http://philosophyfaculty.ucsd.edu/faculty/rarneson/phil267fa12/aliens and citizens.pdf](http://philosophyfaculty.ucsd.edu/faculty/rarneson/phil267fa12/aliens%20and%20citizens.pdf).
380. Joe Keohane, “How facts backfire”, *The Boston Globe* (July 11, 2010). http://archive.boston.com/bostonglobe/ideas/articles/2010/07/11/how_facts_backfire/. См. также: Leon Festinger, Henry Riecken, and Stanley Schachter, “When Prophecy Fails: A Social and Psychological Study of a Modern Group That Predicted the Destruction of the World” (1956).

381. Сайт исследовательской группы: <http://www.culturalcognition.net>.
382. Ezra Klein, “How politics makes us stupid”, *Vox* (April 6, 2014). <http://www.vox.com/2014/4/6/5556462/brain-dead-how-politics-makes-us-stupid>.
383. Nicholas Bakalar, “Shorter Workweek May Not Increase Well-Being”, *The New York Times* (August 28, 2013). <http://well.blogs.nytimes.com/2013/08/28/shorter-workweek-may-not-increase-well-being/>.
384. Katie Grant, “Working Shorter Hours May Be ‘Bad For Health’”, *The Telegraph* (August 22, 2013).
385. Конечно, с тех пор я взглянул на исследование. Цитата из конспекта: «В то время как чувство удовлетворения от отработанных часов повысилось, сокращение рабочего дня никак не повлияло на удовлетворенность работой и жизнью... Более того, положительное влияние на субъективное ощущение счастья может свестись на нет вследствие повышения интенсивности труда». Иными словами, корейцы перешли на укороченную рабочую неделю, но принялись работать усерднее.
386. James H. Kuklinski et al., “Misinformation and the Currency of Democratic Citizenship”, *Journal of Politics* (August 2010), с. 810. <http://richarddagan.com/framing/kuklinski2010.pdf>.
- То, что потрясения способны творить чудеса, доказала декабрьская ночь 1954 г. Когда летающие тарелки не прилетели, один из членов секты решил, что с него достаточно. Он перестал верить после полночного «неподтверждения» его убеждений. (Неудивительно и то, что он меньше прочих

поставил на это убеждение: ради присутствия этой ночью на собрании он всего лишь отменил рождественскую поездку в Аризону.)

387. Solomon Asch, "Opinions and Social Pressure", *Scientific American* (November 1955). <http://kosmicki.com/102/Asch1955.pdf>.
388. Alan Greenspan, "Speech at the American Bankers Association Annual Convention, New York" (October 5, 2004). <http://www.federalreserve.gov/boarddocs/Speeches/2004/20041005/default.htm>.
389. Цит. по: Edmund L. Andrews, "Greenspan Concedes Error on Regulation", *The New York Times* (October 23, 2008). <http://www.nytimes.com/2008/10/24/business/economy/24panel.html>.
390. Он сказал это в новостном выпуске телеканала ABC: <http://abcnews.go.com/ThisWeek/video/interview-alan-greenspan-10281612>.
391. Edward Krudy, "Wall Street cash bonuses highest since 2008 crash: report", *Reuters* (March 12, 2014). <http://www.reuters.com/article/us-usa-bonuses-idUSBREA2BoWA20140312>.
392. Jurgen Tiekstra, "Joris Luyendijk: 'Dit gaat helemaal fout'", *Volzin* (September 2013). <http://www.duurzaamnieuws.nl/joris-luyendijk-dit-gaat-helemaal-fout/>.
393. См., например: Milton Friedman, "Neo-Liberalism and its Prospects", *Farmand* (February 17, 1951). http://0055d26.netsolhost.com/friedman/pdfs/other_commentary/Farmand.02.17.1951.pdf.
394. F. A. Hayek, "The Intellectuals and Socialism", *University of Chicago Law Review* (Spring 1949). <https://mises.org/etexts/hayekintellectuals.pdf>.

395. Цит. по: Angus Burgin, “The Great Persuasion. Reinventing Free Markets Since the Depression” (2012), с. 13.
396. Цит. по: там же, с. 169.
397. Там же, с. 11.
398. Там же, с. 221.
399. Francis Fukuyama, “The End of History and the Last Man”, 1992. (Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. — М.: Ермак, АСТ, 2005.)
400. Под конец жизни Фридмен сказал, что лишь одного философа он изучил действительно глубоко: австрийца Карла Поппера. Поппер утверждал, что хорошая наука так или иначе всегда связана с «фальсифицируемостью» и требует непрерывного поиска того, что не укладывается в теорию, а не только ее подтверждений. Однако, как мы видели, большинство людей подходят к теориям иначе. Кажется, что ошибка неolibеализма — и самого Фридмена — заключалась именно в этом.
401. Stephanie Mudge, “The Social Bases of Austerity. European Tunnel Vision & the Curious Case of the Missing Left”, *SPERI Paper* No. 9 (February 2014). <http://speri.dept.shef.ac.uk/wp-content/uploads/2013/01/SPERI-Paper-No.9-The-Social-Bases-of-Austerity-PDF-579KB.pdf>.
402. John Maynard Keynes, “The General Theory of Employment, Interest and Money” (1936), последний абзац. (Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. — М.: Гелиос АРВ, 2012.)
403. Оскар Уайльд, «Душа человека при социализме» (1891).
404. Цит. по: Burgin, “The Great Persuasion”, с. 217.

405. Keynes, “General Theory”, последний абзац.
406. И раз уж мы об этом заговорили, кто поможет нам больше, чем крупнейший венчурный капиталист в истории — правительство? В конце концов, почти все прорывные инновации финансируются налогоплательщиками. Например, каждая фундаментальная технология в вашем iPhone — емкостное сопротивление, твердотельная память, GPS, интернет, сотовая связь, Siri, микропроцессоры и сенсорный экран — была изобретена исследователями, находящимися на государственной службе. См.: Mariana Mazzucato, “The Entrepreneurial State: Debunking Public vs. Private Sector Myths” (2013).
407. Bronnie Ware, “The Top Five Regrets of the Dying. A Life Transformed by the Dearly Departing” (2012).

Благодарности

Книги не пишутся в одиночку, но никогда прежде у меня не было такой широкой поддержки. В первую очередь я благодарю членов *The Correspondent*, моего дома как писателя. Они помогали советами, статьями и книгами, а также указывали на разнообразные ошибки. Также я выражаю огромную благодарность своим коллегам, особенно тем, кто прочел все части рукописи: Джессу Фредерику, Андреасу Йонкерсу, Эрике Мур, Трэвису Машетту и Робу Вейнбергу.

Большое спасибо вам, дизайнерская команда Momkai: Мартейн ван Дам, Харальд Данник, Шэннон Ли, Синтия Мергель, Леон Постма и Фрейзер Спархэм, — за превосходную инфографику и ваше бесконечное терпение в отношении всех мелких изменений, которые я вносил.

Для меня было большой честью работать над первоначальным голландским вариантом этой книги с редактором Уилом Хансенем, который вновь спас меня от логических и стилистических ошибок. Я столь же признателен Элизабет Мэнтон, переводчику книги, за ее чувство языка

и бесценный вклад. Когда люди спрашивали меня о том, как идет перевод книги на английский язык, я вскоре начал признаваться, что он может оказаться значительно лучше оригинала.

Эта книга ни за что не стала бы успешной, если бы не мой потрясающий голландский издатель Милау Клейн Ланкхорст. Она также познакомила меня с моим агентом Ребеккой Картер, которая поверила в потенциал этой книги и вскоре представила меня моим редакторам Бену Джорджу из издательства Little, Brown и Алексис Киршбаум из Bloomsbury, чьи озарения помогли сделать книгу еще лучше.

И наконец, мне очень помогала поддержка моей семьи, друзей и, самое главное, Мартъе. Ее критические замечания порой было трудно принять, но без них никак нельзя было обойтись по той простой причине, что они обычно были справедливы.

Ответственность за логические неточности, неуклюжие фразы и иллюзии, остающиеся недостижимыми, я беру полностью на себя.

Об авторе

Рутгер Брегман — один из виднейших молодых мыслителей Европы. Он написал четыре книги по истории, философии и экономике. Его «История прогресса» получила бельгийскую премию *Liberales* как лучшая документальная книга 2013 г., и он был дважды номинирован на престижную Премию европейской прессы за свою журналистскую деятельность в *The Correspondent*. Нидерландское издание «Утопии для реалистов» стало национальным бестселлером и по всему миру привлекло внимание к идее введения базового дохода. Его работа упоминалась в *The Washington Post*, *The Guardian* и на BBC.

Брегман Рутгер

УТОПИЯ ДЛЯ РЕАЛИСТОВ

Как построить идеальный мир

Главный редактор *С. Турко*
Руководитель проекта *А. Василенко*
Корректор *М. Смирнова*
Компьютерная верстка *К. Свищёв*
Арт-директор *Ю. Буга*

Подписано в печать 22.12.2017.
Формат 60 × 90¹/₁₆.
Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Объем 22,5 печ. л. Тираж 2000 экз. Заказ №

ООО «Альпина Паблицер»
123060, Москва, а/я 28
Тел. +7(495)980-53-54
www.alpina.ru,
e-mail: info@alpina.ru

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

«АЛЬПИНА ПАБЛИШЕР» РЕКОМЕНДУЕТ

Откуда берутся деньги, Карл?

Природа богатства и причины бедности

Елена Котова, 2018, 340 с.

Человек трудится только либо ради денег и выгоды, либо под страхом наказания или смерти. Не может у каждой страны быть своего особенного пути к деньгам. Экономические законы универсальны, пора бы их выучить.

О чем книга

Известный экономист и финансист Елена Котова пишет о вечном поиске Россией своего особого пути развития от начала XX века до сегодняшнего дня. Сравнивает его с самыми яркими страницами экономической истории США, Германии, Великобритании, когда те стояли на распутье, выбирая, как развивать страну.

Откуда берутся деньги? Почему в одних странах люди живут хорошо, а в других, в том числе в России, — не очень? Автор отвечает на эти вопросы при помощи самых значимых экономических теорий последних полутора веков, начиная, как ни парадоксально, с теории Маркса.

Хотя Карл Маркс и его экономическая теория ассоциируются у многих с провалившимся коммунистическим экспериментом, «Капитал» не является обоснованием диктатуры пролетариата, а, наоборот, доказывает, что капитализм способствует росту и процветанию общества и государства. Анализ самых крупных экономических преобразований XX века при помощи законов Маркса помогает понять причины неудач российских реформ и показывает, в каком направлении нам стоит двигаться дальше.

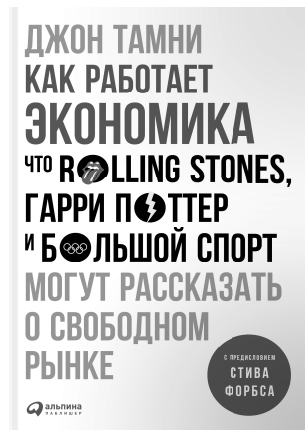
Кто автор

Елена Котова — писатель и публицист. Автор, известный не только художественной прозой, но и статьями, очерками, колонками на политические и экономические темы. За ее плечами карьера ученого, политика, международного финансиста — в России, США, Великобритании, Германии.

Покупая бумажные книги на сайте alpina.ru,
вы бесплатно получаете их электронные версии.

Подробнее на alpina.ru/free

«АЛЬПИНА ПАБЛИШЕР» РЕКОМЕНДУЕТ

Как работает экономика

Что Rolling Stones, Гарри Поттер и большой спорт могут рассказать о свободном рынке

Джон Тамни, пер. с англ., 2017, 274 с.

Экономические спады бывают необходимы — они действуют как дезинфекция. Несмотря на то, что на коротких отрезках времени это, несомненно, переживается болезненно, спад обычно свидетельствует о том, что экономика начинает восстанавливаться. Спад означает, что экономика очищает себя от плохо управляемого бизнеса, неудачного инвестирования

и нерационального использования трудовых ресурсов — то есть от всего того, что и привело к проблемам. Вот почему, когда правительство не вмешивается, экономический спад дает впечатляющий обратный эффект.

О чем книга

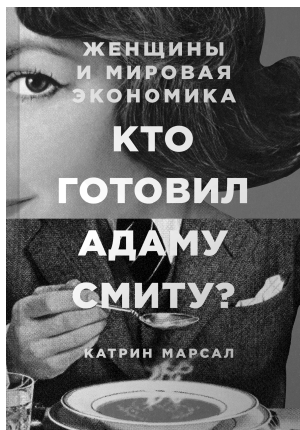
У экономики есть свои законы и принципы. Автор этой книги, редактор *Forbes* Джон Тамни, рассказывает о них, не обременяя читателя сложной терминологией, графиками и статистическими выкладками. Вместо этого он использует увлекательные истории из мира большого спорта, кино, массовой культуры и шоу-бизнеса. На примере The Rolling Stones, Пэрис Хилтон и американского футбола рассказывает об удачных и неудачных системах налогообложения, с помощью фильмов «Крестный отец», «Клан Сопрано» и «Унесенные ветром» — о проблемах антимонопольных законов, а звезда баскетбола Леброн Джеймс помогает автору проиллюстрировать эффективность свободной торговли.

Кто автор

Джон Тамни — редактор отдела политики и экономики американского *Forbes*, главный редактор сайта *RealClearMarkets.com*, человек, который знает об экономике все и легкоюстью все объяснит.

Покупая бумажные книги на сайте alpina.ru,
вы бесплатно получаете их электронные версии.
Подробнее на alpina.ru/free

«АЛЬПИНА ПАБЛИШЕР» РЕКОМЕНДУЕТ

Кто готовил Адаму Смиту?

Женщины и мировая экономика

Катрин Марсал, пер. со швед., 2017, 200 с.

То, что женщина рожает ребенка, означает, что она рожает ребенка, а не то, что она должна сидеть дома и до старших классов кормить ребенка грудью. То, что в гормональном коктейле женщины больше эстрогенов, означает, что в гормональном коктейле женщины больше эстрогенов, а не то, что она не должна преподавать математику. То, что женщина обладает той уникальной частью человеческого тела, чья единственная функция заключается в доставлении удовольствия, означает,

что женщина обладает той уникальной частью человеческого тела, чья единственная функция заключается в доставлении удовольствия, а не то, что ей не место в совете директоров.

О чем книга

До сих пор в экономике доминирует мужской взгляд и не учитывается женский домашний труд, который хоть и не оплачивается, но играет огромную роль. Именно поэтому большинство экономических моделей содержат существенную погрешность. В своей книге Катрин Марсал рассказывает о главных ошибках мужчин-экономистов, о явном и скрытом влиянии женщин на экономику.

Кто автор

Катрин Марсал — шведский автор и журналист. Пишет для шведских, норвежских, датских, немецких и английских изданий.

Отзыв о книге

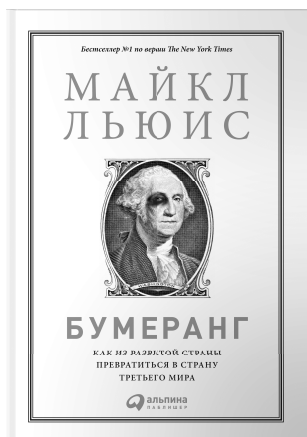
Почему рождение детей и приготовление ужина не считаются продуктивной работой и не учитываются в ВВП? Кто воспитывает детей няни и убирает дома уборщицы? Почему большинство живущих за чертой бедности — женщины? Эта книга поднимает важные вопросы и помогает переосмыслить привычные идеи об экономическом устройстве мира. Особенно с позиции женщин, права которых до сих пор во многом не сравнялись с мужскими, а решения на свободном рынке часто основаны на выборе не оптимального варианта, а меньшего из нескольких зол.

Ольга Лукинская, редактор *Wonderzine*

Покупая бумажные книги на сайте alpina.ru,
вы бесплатно получаете их электронные версии.

Подробнее на alpina.ru/free

«АЛЬПИНА ПАБЛИШЕР» РЕКОМЕНДУЕТ

Бумеранг

Как из развитой страны превратиться в страну третьего мира

Майкл Льюис, пер. с англ., 4-е изд., 2016, 246 с.

Умение видеть возможные последствия своих поступков, чувство ответственности — качества, во всех отношениях полезные. «Бумеранг» — «дорожные заметки» из стран, в которых не только население, но и правительства соревновались в беспечности в канун экономических потрясений конца 2000-х. И это делает эту ироничную книгу поучительной.

Кирилл Горский,
первый заместитель главного редактора *Forbes*

О чем книга

Всемирно известный журналист Майкл Льюис расследовал причины экономических проблем европейских стран, и то, что он пишет, потрясает воображение. Только представьте: исландским рыбакам вдруг надоело заниматься своим древним промыслом и они решили, что отлично разбираются в банковском деле, поэтому превратили страну в хедж-фонд, который потерпел сокрушительный крах. В Греции, где налоговое мошенничество достигло фантастических размеров, монастыри стали душой коррупции, а правительство фактически не вело учета расходов, госдолг достиг \$1,2 трлн. В Ирландии поток дешевых иноземных денег породил бум в сфере недвижимости, экономика стала напоминать гигантскую пирамиду и страна обанкротилась. Ну а Германия стала самым крупным кредитором стран-банкротов.

Кто автор

Майкл Льюис — известный американский писатель и публицист, автор 13 книг, в том числе международных бестселлеров «Большая игра на понижение» и «Покер лжецов». Льюис окончил Принстонский университет, Лондонскую школу экономики и стал трейдером компании Salomon Brothers. Пять лет спустя, разочаровавшись в своей работе, Льюис покинул компанию, чтобы заняться финансовой журналистикой. Серия разоблачительных книг об Уолл-стрит принесла ему мировую известность.

Покупая бумажные книги на сайте alpina.ru,
вы бесплатно получаете их электронные версии.
Подробнее на alpina.ru/free